СИБИРЬ

4 91

С. А. НИЛУС
Записки сотрудника НКВД

В. МАКСИМОВ
«Близ есть, при дверех...»

А. ЛИТВИНЦЕВ
Записки пристрастного человека

СИБИРЬ

4 91

Журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель: Союз писателей РСФСР

Выходит 6 раз в год

Основан в 1930 году

СОДЕРЖАНИЕ

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство

Составитель В. В. Козлов
Технический редактор
Л. А. Жернова
Художественный редактор
О. В. Беседин
Корректор В. М. Ермакова

ИБ № 1758
Сдано в набор 15.05.91.
Подписано к печати 09.09.91.
Формат 84×108[1]/32.
Бум. газетная. Усл. печ. л. 10,92.
Уч.-изд. л. 13,8. Усл. кр.-отт. 11,18.
Тираж 12000. Заказ 1678.

Адрес редакции:
664000, Иркутск, ул. Степана Р
зина, 40 Союз писателей, тел
фон 24-56-76.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются

ISBN 5—7424—0385—2

Ким БАЛКОВ

МИЛОСЕРДИЕ

РОМАН*

15

Генерал болен; он понимал это, ощущал в груди жжение и постоянно кашлял. К тому же у него оказались отморожены ноги: купание в ледяной воде не прошло даром. День назад генерала осмотрел полковой лекарь и долго ничего не говорил, но и не сказать вовсе не мог, уважая генерала и жалея, что в тех условиях, в которых очутилось войско, не умел ничем помочь, и оттого душевно мучаясь.

— Значит, застужены легкие, и я не выкарабкаюсь?..— негромко спросил генерал, долго молчал, сказал, чтоб об этом никому в войске не сообщали, лекарь обещал, генерал успокоился, снова сел в седло, хотя лекарь был решительно против, а у него кружилась голова, и во всем теле ощущалась слабость и не было сил рукою пошевелить. Но, совершая над собой усилие, если и не одолел слабость, то, во всяком случае, добился того, чтоб ее не заметил адъютант, а уж лекаря не обманешь, понимал, каково генералу, но и мешать не стал, лишь со все возрастающей растерянностью смотрел, как генерал медленно поехал по скользкой дороге, неестественно прямо держась в седле и в продолжение минуты не сделав ни одного движения головою.

Генерал и вправду был напряжен, это напряжение еще и оттого, что не желал показать слабости людям, которые поверили и шли за ним. Правда, теперь он не стремился занять место среди охотников в голове колонны, ехал в середине с адъютантом, случалось подымался на пригорок

---

* Окончание. Начало см.: «Сибирь», № 2, 3, 1991.

и долго смотрел, как устало и вяло, крепясь из последних сил, шло войско, и почти физически ощущал, случись с ним несчастье, и все распадется, утратится порядок, который не есть проявление чего-то внешнего, со стороны его как раз и не заметишь, а что идет от осознания необходимости каждого солдата и офицера в войске и постоянно поддерживается личным присутствием генерала в частях. Вот именно — личным... Он понимал про свое предназначение и не допускал мысли, что на его месте нынче мог быть другой. Вот если бы не теперь, не в тех чрезвычайных условиях, в которых оказалось войско, тогда другое дело... Генерал понимал это, и, понимая, старался, чтобы никто не догадался о болезни. Но с каждым днем скрывать ее от людей было все труднее, а однажды в глазах стало темно, и он ничего не видел, намеревался позвать адъютанта, но, к счастью, так длилось недолго, скоро опять мог различать движение войска, хотя и в общих чертах. Уже не сказал бы, какие конкретно части проходили мимо и про их вооружение тоже не знал, ощущал лишь общее движение войска, упорное и терпеливое, что остро улавливалось не ослабевшим еще слухом. Не роптал и было доволен хотя бы и тем, что открывалось с помощью слуха и ощущений. И, когда выпадала необходимость, при посредстве адъютанта мог отдать приказ и сказать, что нужно делать в том или ином случае, все же темнота, что в какой-то момент обрушилась, насторожила. А когда это повторилось, забеспокоился, попросил адъютанта, который уже о многом, что творилось с генералом, догадывался, чтоб тот был повнимательнее и следил за его лошадью: как бы не испугалась и не выказала слабости хозяина.

Однажды генерал стоял на пригорке и наблюдал общее движение войска, в сущности уже ничего не видя перед собою, как вдруг явственно разглядел человека, которого знал, только почему-то не мог вспомнить, кто он и откуда?.. Но прошло немного времени, и вспомнил, да, да, это тот человек, в ком почувствовал в свое время душевную силу и способность умело пользоваться этой силой, едва ли не равной его собственной. Старичок невидный, человек божий стоял рядом, смотрел с жалостью и хотел что-то сказать. Желание отчетливо угадывалось по тому, как смотрел хмуро и строго, однако ж не утрачивая из узких длинных глаз с толстыми желтыми бровями, нависающими над ними, жалости, а еще и по тому, как в худом, остром, странно неподвижном, когда и не скажешь

сразу, маска ли это, нет ли?..— лице дрогнуло, и без того гладкая, тугая кожа на скулах натянулась, сделалась тускло посверкивающей, напряженною. Генерал почувствовал напряженность в лице у старичка, и она мгновенно передалась ему, желал бы поторопить, чтоб не медлил и сказал, что хочет, но тоже не мог произнести ни слова, что-то мешало странное, стоящее между ними... Генерал задумался и позабыл про остальное, во всяком случае, уже не ощущал движения войска, что было для него — и отчая земля, отнятая комиссарами, и родимый дом, о котором и не скажет: был ли, нет ли, может, только кажется, что был, на самом деле там, в тревожном отдалении, как и в памяти, одна пустота?.. Все нынче точно пыль, попробуй-ка собери ее, если даже опять пройдешь теми дорогами, которыми хаживал в свое время. Генерал не ощущал движения войска и думал про то странное, сильное и прямое, что шло от божьего человека, и не мог понять, что это?.. Отчаялся сыскать тут что-то, способное стать его пониманием, как вдруг человек заговорил... И слова были те же, о людях, что шли за генералом, а потом превратились в темные метины на белом.

— Иль ты Моисей? — спрашивал он у генерала.— Куды ты повел людей, пошто?.. Иль не знаешь, что ждет их погибель?..

Генерал не хотел бы слушать этого человека, но не умел прогнать и вынужден был слушать. Потом сам заговорил, и странно, его слова звучали как оправдание, точнее, как стремление к оправданию. Но тщетным было стремление даже и тогда, когда генерал сказал о Забайкалье, куда откатывается войско и все, кто идет за войском, а еще о том, что не однажды слышал от собственных солдат, будто-де в краях, где проживают забайкальские и бурятские казаки, всяк найдет для себя землю обетованную и уж никто не уйдет отсюда, там и осядут и станут жить, почитая в брате брата...

Сказал человек божий, прежде чем исчезнуть, вяло и скорбно:

— А что, как и в тех краях не примутся несчастные? Что, как отринутся скорбные, куды ж тогда?..

Генерал слушал этого человека и упорно думал, что между ними есть общее, только не знал, что именно... Да нет, дело тут не во внешнем сходстве, откуда бы ему взяться, в чем-то другом... Сам-то он худой и рослый, а волосы прямые, длинные и нос прямой, есть в нем что-то не от коренного россиянина, скорее, от прибалтийского немца

иль от шведа. Хотя какой же он швед или немец?.. Русский духом, что живет в нем, болью сердечной. Нет, не во внешности тут дело, в другом сходстве, которое заставляет их заботиться не только о себе и про которое генерал наконец-то понял и уж не отходил от этой мысли, сколь ни была чужда ему, русскому дворянину, сознающему свое благородство не с чужих слов. Он и странник, и в этом схожесть, оба — поводыри не по обстоятельствам, что вынудили к тому, по призванию, по свойству души. Генерал пуще всего не любил следовать за кем бы то ни было, полагая себя самостоятельным для того, чтобы сделать выбор. Ему казалось, что и поступал согласно собственной воле, и, кажется, никогда не сомневался, что поступал так и не потому, что того требовали, а по своему смотрению. Однако ж теперь, находясь в остро болезненном состоянии и с трудом справляясь с тем, чтобы никто не заметил, тем не менее четко и ясно видя, нет, конечно же, не то, что окружало, другое, пришедшее из иного мира, понял, что поступал не всегда согласно собственной воле, вдруг открылось такое, про что и думать не смел раньше. И было это, кажется, осознанием того, что никто в миру не живет сам по себе, и воля, согласно которой будто бы живет, не есть принадлежность его одного, а лишь производное от обстоятельств, от условий и условностей. Любое общество, даже и то, что с поразительной жестокостью уничтожаемо своими сынами, ограждает те духовные ценности и мироощущение, что сделались необходимы гражданам пускай и на протяжении недолгого времени. Генерал открыл это и слегка смутился, хотя предполагал ощутить большее. То, что открыл, в сущности, ломало его прежнюю жизнь, а ведь она, как считал, была задумана им самим и шла по собственному расписанию даже в годы наибольших потрясений, столь трагически закончившихся для Отечества, которое любил преданно и горячо и про которое знал, что потерял навечно. Но оказалось, что это не так, странно, что не так, он-то думал, что сам по себе, и судьба его есть судьба личная, ну, может, еще и часть солдатской судьбы, что зависима от него больше, чем от кого-то другого. Что ни говори, войско ведет он, и, значит, он отвечает за все, что происходит вокруг...

Открытие, которое сделал генерал, в любое другое время удивило бы чрезмерно. Но нынче не придал ему большого значения, и не потому, что не понял его смысла, как раз хорошо понял, однако было такое, что волновало больше, это шло от душевного состояния, которое нынче

после того, как исчез, точно бы растворившись в воздухе, человек божий, совсем не походило на прежнее, было непривычно, потому и мучило. От странника осталось смущение, что, постепенно завладевая им, скоро сделалось не смущение, скорее тревога, что теперь жила в нем, но не подчинялась ему, независела от его воли, а от чьей-то еще воли, властной не только над ним, едва ль не над всем миром. Это точно бы приподымало над жизнью, которою прежде жил, и оказалась она так мала, так незначительна в сравнении с тем, что про себя думал... Тяжко сознавать свою малость, которая легко сминаема и уничтожаема, точно пыль, уносимая ветром. Тяжко, но и отказаться от этой мысли нынче нельзя, словно бы кто-то намеренно выстраивал все так, чтобы генерал ощутил себя ничтожной малостью перед вселенной, перед тем миром, в котором ему скоро быть. Раньше полагал, что сумеет выкарабкаться и одолеет болезнь, но вот теперь, встретившись со своей малостью, что до поры как бы плавала во вселенском море, а нынче прибилась к его берегу, незваная, понял, что ничего подобного не случится, он не одолеет болезнь, и скоро предстанет пред творцом... Не в бреду, не в душевной колготе, вызванной близостью смерти, а совершенно осознанно, хотя об этом с уверенностью не мог бы сказать и адъютант, генерал пришел к убеждению, что все для него кончено, и по первости испугался, да нет, не смерти, той малости, что сделана им в жизни. Странно, малость виделась не в военных делах, в чем-то еще, в каких-то столь незначительных проявлениях его воли, что и не вспомнил бы сроду, находясь в полном здравии, а вот нынче лишь это и хотел бы знать, и все искал в себе, искал...И был чрезвычайно доволен, когда видел слабого и немощного, тот тянул к нему руки, худые, желтые, и находил поддержку. А то вдруг чудилось, будто он в Ижевске среди заводского люда, люд смотрит на него с благодарностью, точно бы он подарил надежду, хотя сам-то знает, что ничего такого не сделал и даже не думал про это, а про другое, гораздо менее значительное и существенное. Все ж приятно, что люд так встречает и хочется оставить что-то на память, да не умеет ничего придумать и, заскочив в седло, отъезжает.

Так происходило на самом деле, но нынче кажется, что происходило иначе, и он отблагодарил людей за любовь к нему. Генерал силится вспомнить, как все было, и вспомнить не может и, понимая, что так и станет мучаться, пока не поймет тщеты собственных усилий, намеренно

отодвигает это событие и старается отыскать другое, и отыскивает, и радуется, и удивляется, ощущает на сердце словно бы не принадлежащее ему: нежность вперемежку с грустью. Это ощущение оказывается так волнительно, что, если бы смог, заплакал бы, прислушиваясь к тому, что на сердце, в котором нынче нежность и грусть, причем, ни к чему конкретно не относящиеся, какие-то абстрактные, точно бы существуют в мире, да и в нем, сами по себе, ничего не требуя и ничего не стремясь понять. Ах, господи, если бы так было раньше!.. Но тут же сказал, что, если бы даже так было, это ничего не поменяло бы, за всю свою недолгую жизнь едва ли не год-другой принадлежал себе, а не обстоятельствам, которые сделали из него то, что сделали... Вдруг вспомнил совершенно чуждое ему, вспомнил, как посылал вызов чешскому генералу Яну Сыровому на дуэль за то, что тот выдал адмирала революционерам и тем погубил человека.

Генерал вспомнил это, как крайне далекое от него теперь, чуждое его духу, но, может, не вспомнил, а отыскал в памяти и это, бывшее с ним. И отыскав, не обрадовался, все ж не сразу отринул увиденное, неожиданно выстроилось другое: шло войско неторопливо и устало и, как подумалось вдруг, обреченно, обреченность было мучительно сознавать и не уметь помочь людям, которые нуждались в помощи. Он глядел на войско, у которого было одно на всех темное от усталости и пота, безразличное к собственной судьбе лицо, а еще точно бы одно дыхание на множество людей, что соединившись и сделавшись войском, шли и шли, уж и не ведая, куда, зачем?.. Теперь не ведал и генерал, и оттого страдания его стали еще больше, все ж сумел одолеть боль и вскинул руку, сказал громко, так что в первых рядах услышали и передали тем, кто был далеко. Солдаты долго, уже без прежней веры смотрели на генерала, потом пошли дальше. Что же такое сказал генерал, что не приняли в войске?

— Солдаты! — сказал он.— Вы устали. Но скоро мы подойдем к Иркутску и возьмем город, и тогда вы отдохнете. Солдаты, верьте мне!..

Это были последние слова генерала, последние в его жизни, как и то, что неожиданно открылось ему и показало, в сколь тяжелом состоянии находится войско. У генерала уже ни на что не оставалось сил, он покачнулся и медленно сполз с седла. Адъютант вынужден был соскочить с лошади и поддержать генерала, снять обеспамятевшего на землю.

Слух о том, что генерал тяжело заболел, разнесся по войску, тем не менее люди не потеряли присутствия духа и продолжали следовать прежней дорогой. К вечеру войско подошло к заброшенной деревне. Генералу отвели просторный, по центру, с высоким белым крыльцом, с желтыми веселыми наличниками, самоуверенно глядящий на зады, где прятались сиротливые, в межах, узкие и тонкие полоски земли, с тесовой, круто взнесшейся крышею, пятистенник. Когда б генерал был в сознании, порадовался бы доставшемуся дому, поговорил бы с хозяевами и нашел в словно бы случайно завязанном разговоре отраду для себя. Но он был тяжело болен и не мог ничего сказать, не знал, что с ним и что с войском, отчего солдаты так взволнованы и растеряны?.. А в рядах войско действительно поменялось, только теперь люди по-настоящему поняли, какое непоправимое несчастье постигло их. Они потеряли командира, единственно которому верили. Вместе с тем потеряли в себе надежду ли на благополучный исход движения, смутное ли чувство собственной неколебимости на пути следования, что только и поддерживало порядок. В любое другое время он показался бы людям утесняющим волю, мешающим проявлять себя, но, введенный генералом в самом начале движения, сделался единственно необходимым, без чего они не были бы войском, а людскою массою, неуправляемой никем, лишь собственным инстинктом и потому особенно жестокой и опасной для всего сущего. Они потеряли командира и теперь ждали, что скажут старшие офицеры. Но те сами растерялись и не знали, что предпринять, отвыкнув за последнее время мыслить собственною головой. Старшие офицеры недоуменно разводили руками, когда младшие чины, точно бы в сложившейся обстановке уравнявшись с ними и в этом равенстве находя немалое удовлетворение, спрашивали, что же будет и кто станет командовать ими? В войске, даже при поверхностном взгляде, наметилось разделение людей на разные, мало связанные между собой группы. Чаще это не были воинские соединения, а другое, совершенно неожиданное для старших офицеров, может, то и были признаки, по которым в первую голову судят о начинающейся страшной болезни, именуемой разложением. Впрочем, нашелся среди старших офицеров человек, который сказал: когда б генерал узнал о том, что происходит в войске, не одобрил бы и жестоко разочаровался бы... Эти слова тотчас же разнесли по частям, и солдаты, а вместе с ними низшие офицеры заговорили с недоуме-

нием, и себя, считая виновными в сдвиге, что наметился в войске и не сулил никому добра, что генерал не одобрил бы... Это, смутившее, было столь велико, что они снова сделались военными людьми с тем, чтобы подчиниться любому, про кого сказали бы, что поставлен самим генералом. И такой слух скоро разнесся по войску, когда отыскался человек, способный хоть в малой степени заменить бывшего командира.

Генерал ничего этого не знал, пребывая в бессознательном состоянии, далекий от нынешних забот войска, от тревоги, что не уляжется и после того, как на его место был поставлен командир, пришедшийся по нраву едва ли не всем старшим офицерам. Генерал лежал в просторной избе на высокой деревянной кровати и широко раскрытыми, зелено поблескивающими глазами смотрел в потолок. У тех, кто следил за ним и слушал бессвязное бормотание больного, да нет, теперь уж не больного, умирающего, было такое чувство, что он точно бы живет странной напряженной жизнью, опасаясь, что ее не хватит для того, чтоб исполнить все, что намеревался исполнить. Впрочем, так и было, генерал, уже находясь в бессознательном состоянии, и тогда прозревал свою скорую кончину, силился удержаться в положении умирающего человека, однако же чувствующего себя связанным с живым миром, но, может, не с самим миром, а с тем духовным наполнением его, что нынче более близко, чем то реально существующее, ни в малой степени не зависящее от него и потому чуждое. Другое дело — духовное наполнение окружающего пространства, он тут уже сумел сориентироваться и нынче существовал, хотя и не жил, как бы растворившись в нем и сам сделавшись бестелесным, почти незримым. Вокруг витали образы, они были реальны и при надобности можно узнать многих. Но у него нет такого желания, к тому ж постоянно, с упорством необычайным перед ним возникал один и тот же образ, и генерал, точнее, тень его, что стала частью пространства, скоро нашел отгадку этого образа.

— А, вот как?..— сказал генерал.— Ты, значит, и есть комдив, что на протяжении длительного времени идет за мною?..

— Да, ты не ошибся, я комдив...

— И ты доволен, что произошло со мною? Ты доволен, что я умираю? Теперь ты уничтожишь мое войско и будешь счастлив?..

— Я не обрету счастья, хотя, наверное, уничтожу твое войско.

Генерал удивился, долго вглядывался в комдива, точнее, в его вдруг сделавшийся невнятным и странно плоскостным образ, с трудом разглядел тугие, темные мешки под узкими монгольскими глазами и крупное мясистое лицо, которое было бы безвольно, если бы не желваки на скулах, что все ходили, ходили и придавали другое, почти суровое выражение.

— Так ты не обретешь счастья? — спросил генерал.— Отчего же?..

— Я устал убивать русских людей. Я не хочу убивать русских людей.

Что-то в этих словах было непонятно генералу, с недоумением посмотрел на комдива, точно ждал разъяснения. Но тот молчал, и генерал негромко, словно бы про себя, медленно и совсем так же, как минуту-другую назад комдив, произнес:

— Я устал...

И тут же подумал: «Вот как?.. Значит, он устал?.. А я?.. Что же я?.. Я не устал убивать русских людей? Да нет, и я тоже устал...»

Чем больше повторял эти слова, тем четче виделась тщета собственной жизни, впрочем, так же, как и тщета жизни комдива, во всяком случае, хотелось бы, чтоб так было, и жизнь комдива тоже ушла совсем не на то, для чего предназначалась. Впрочем, кто может сказать, для чего она предназначалась?.. Но это исходило от дьявольского и хитрого, что еще жило в нем и не давало отдать на растерзание жестокой мысли, которая родилась вдруг и сказала, что он, и все они, и с той, и с другой стороны, в сущности, не тому служили, забыли главное, то, что все они русские люди и им надлежит думать над жизнью, что прошла мимо, зло ими оскверненная, и искать в жизни, которая придет — не вечно же будет продолжаться война! — какой-то смысл, свое предназначение в ней. Ведь зачем-то же всяк из них рожден матерью, не для того же в самом деле, чтоб постоянно следовать за хотя бы и сделавшейся на время яркою идеей, не понимая, что она умерла. Нет, не для того они страдали и мучались и проливали кровь ближних, чтобы не понять этого, они поймут, непременно!..

Но убежденность сама по себе ничего не значила для генерала, разве что в состоянии была увести от мучительной боли, которую причинили слова комдива и пришедшее следом чувство беспомощности и ненужности всего, чему служил. Однако ж и тут он не сдался сразу и спросил: а че-

му служил?.. И мог ответить совершенно искренне, что не идее и даже не белому движению, чему-то другому, может, собственному пониманию справедливости, которую увидел в белом движении и с чем соединил свою жизнь. Такое понимание было для него естественно и пришло без усилий со стороны, точно бы случайно, подобно подкове, найденной на дороге. Это успокаивающе подействовало на генерала, впрочем, конечно, не на него самого, а на то, еще не остывшее, но уже остывающее, делающееся все меньше и и меньше, все бесполезнее для собственного рассмотрения внутренним взором. И, когда уж, казалось, ничего не осталось в нем от него же самого, недавнего, вдруг увидел в небе, да нет, не в небе, в пространстве, которое было еще доступно ему, русского солдата екатерининских времен. Увидел его, пришедшего вместо комдива, и обрадовался подмене, солдат был ближе и понятнее, к тому же старый знакомец, хотел бы говорить с ним, но тот даже не оглянулся, продолжая идти в видимом генералом пространстве, которое занялось с одной стороны ярко-красным заревом. Зарево с каждой минутой увеличивалось, генерал забеспокоился, и это было беспокойство не о себе, о солдате, что шел в ту сторону, где сияло зарево,

— Стой!..— закричал генерал.— Куда ты?!.

Но солдат не услышал и продолжал идти, а скоро очутился в зареве и еще какое-то время его было видно, потом он исчез, так и не оглянувшись, генерал принял это за недобрый знак.

— Господи! — сказал он.— Возьми мою душу!..

Генерал умер с ясной мыслью о недобром знаке, мучаясь и не понимая, откуда и для чего тот пришел к нему?...

— Он умер,— сказал маленький круглый бритоголовый доктор, склонившись над генералом, и все, кто был в избе, негромко и с тою усталостью, что предполагала отчужденность от соседа, считая лишь себя выражающим беспокойство и тревогу по поводу безвременной кончины генерала больше, чем другие, не сговариваясь, однако ж почти одновременно повторили следом за доктором:

— Он умер...

16

Войско, предводительствуемое уже другим командиром, но и не оставленное генералом, что следовал вместе с ним сначала на плечах у солдат и офицеров, попере-

менно сменявших друг друга, в темном, наспех сколоченном из плах-затесин гробу, потом в санях, что тянула старая изможденная лошаденка, которая уже давно пала бы, как и все ее сородичи в войске, однако ж еще держалась в силу привычки исполнять то же, что и вчера, и не умея поломать этой привычки, для чего надо было бы совершать какое-то действие, к чему была уже не способна. Тот факт, что генерала не похоронили там, где он умер, благотворно влиял на солдат, говорили вполуха:

— И наш командер, нонешний-то, верит, что дойдем до родимой земли за Байкалом, и встретит и обласкает нас, а заодно и генерала, станет лежать в ей, принятый без обиды...

Вот так-то — родимой..., точно бы и впрямь была для них таковою, точно бы знали про нее и прежде, хаживали по ней и вошла в сердце, как заноза... Терновой дивился этому, но не смел сказать что-либо против, остудить горячую, ни на чем не основанную веру, понимая, что лишь она и поддерживает в солдатах дух и подымает чуть свет с люто заледеневшей за ночь земли и заставляет полуголодных, с малым боевым припасом, идти вперед и бросаться на противника, который много сильнее и благополучнее, и теснить, несмотря ни на что, и ликовать при виде его сытой смерти. Это движение войска попервости воистину было движение к земле обетованной, тем более что теперь оно шло, в сущности, никому не подчиняясь. Предводительство нынешнего командира не в счет, с самого начала слабое и как бы смущенное свалившеюся властью, неделю-другую спустя уже ничего из себя не представляло, и само ставшее неуправляемой стихией, которая была всеми в войске понимаема и никем не осуждаема. Движение войска, сделавшееся свободным и ни от кого не зависимым, только имеющим понятие о вожде, что и мертвый не покинул солдат, было до поры мощно и неостановимо как раз в силу своей свободы вершить то, что по душе, а не то, что дается сверху и бывает не всегда принято людьми. Тысячеголовое, в любую пору чувствующее себя точно гонимый зверь, зло огрызающееся, войско странно расчетливо, словно бы это совершалось не стихийно, а согласно воле покойного генерала, которая не обратилась в прах вместе с ним и пребывала в полнейшем здравии, оберегало себя, угадывало, где пройдет, потом настойчиво добивалось цели. Все же спустя недолгое время войско словно бы споткнулось, это когда, подойдя к столице Восточно-Сибирской губернии, с ходу за-

владело предместьем, намереваясь развернуть наступление и дальше с тем, чтобы завладеть городом. О нем в свое время говорил генерал, обещая досыта накормить людей и дать отдохнуть. Но развернуть наступление войско не смогло, что-то в его механизме на сей раз не сработало, со всех направлений, по которым войско рассчитывало пробиться к центру Иркутска, шли неблагоприятные известия. Они, накапливаясь в штабе, вызывали среди офицеров смуту, впрочем, не такую уж и сильную. И сами офицеры, как и солдаты, нынче больше верили не в чью-то отдельно взятую распорядительность, а в разум войска. Вот еще потолкается по разным направлениям, потом соберется и отыщет единственно возможный путь, будет ли это путь отступления, которое, впрочем, больше похоже на непрестанную, ни на минуту не утихающую войну с неприятелем, часто невидимым, уходящим, как песок сквозь пальцы, а часто жестоким и коварным, победить его помогало лишь высшее напряжение всех сил войска. Но может, это будет новое наступление, и оно, в конце концов, завершится успешно.

Батарея капитана Тернового, впрочем, давно уже не батарея, однако и не что-то безликое, утратившее свои отличительные черты, а самостоятельная боевая единица, правда, с единственной пушкой, к ней в начале боя не было ни одного снаряда, но потом снаряды нашли, красные на подступах к городу, в беспорядке и поспешно отступая, бросили артиллерийский обоз, там батарейцы Тернового и нашли снаряды подходящего для их пушки калибра,— оказалась близ железнодорожного вокзала, занятого чехами. Их в войске недолюбливали. В свое время их недолюбливал генерал и не однажды ругал. Это стало известно всем, теперь уж и солдат при встрече с чешским офицером мог сказать злое и упрямое, а при случае поступить и более круто. Наверное, поэтому артиллеристы капитана Тернового, так же и солдаты, присоединившиеся к батарейцам и очень быстро нашедшие с ними общий язык, точно бы провоевали бок о бок не один день и хорошо знали и понимали друг друга, не мешкая, развернули пушку и начали методично, имея целью стоящие в двух верстах отсюда железнодорожные составы, бросать снаряды в ту сторону. Батарейцы и солдаты с любопытством смотрели, как рвались снаряды и переворачивались вагоны, а потом пламя охватывало их и подымалось все выше, было хорошо видно, как мечутся люди в чуждой русскому глазу форме и кричат. Скоро батарейцы и вмес-

те с ними Терновой обратили внимание на то, как от железнодорожных составов, посверкивая штыками, в их сторону пошла чешская, до полуроты солдат, часть.

— Ишь, решили с нами разделаться. Ну нет, однако... Врешь!..— говорили солдаты, прекратив стрельбу, что ничего уже не могла дать, и ложась на землю близ пушки и выставив перед собой поблескивающие на тусклом зимнем солнце винтовки. Стреляли не торопясь, прицельно, экономя патроны. А когда чешская часть подошла поближе и до нее оставалось не больше десяти саженей, батарейцы, капитан и солдаты, что присоединились к ним, дружно поднялись и побежали навстречу чехам, матерно ругаясь и норовя обогнать друг друга и не замечая того, что в рядах падали люди. Но и падая не хотели медлить, а подсобляя себе кто руками, кто не задетою вражеской пулей ногою, еще какое-то время тянулись за наступающими, ползли вперед и, уж окончательно выбившись из сил, каждый довершал то, что было начато противно его воле: помирал на поле боя, точнее, на грязном снежном пустыре близ железной дороги, корчась в конвульсиях и хрипя, а кто был ранен, тоже делал то, что и полагалось в этом случае: терял ли сознание, обессилев от потери крови, или, подхватив перебитую руку здоровою, с удивлением смотрел на ползущих и умирающих и говорил как бы в беспамятстве, шально и бездумно выбрасывая из горла хрипящие слова:

— Это ж надо, задело, едрит твою в корыто!..

Терновой бежал вместе с другими, выхватив из чьих-то ослабевших рук винтовку, бил тех, в чуждой глазу форме, прикладом, колол штыком, находился в том состоянии почти животной ненависти, когда не замечаешь ничего вокруг, кроме людей во вражеской форме. Их надо убить, в противном случае, будешь убит сам. И странно, это состояние даже ему, понимающему нынче про убийство и то, чего не знал раньше, то есть понимающему, что убийство не может быть ничем оправдываемо, в любом случае есть лишь убийство, какими бы целями и идеями не прикрывалось, холодное и жестокое, противное человеческому духу, пришлось по нраву, вытеснив все, что помешало бы совершать то, что совершал умело и с необычайной, почти звериной хитростью. Это и помогло до конца короткого, страшного боя, в результате которого чешская полурота была уничтожена полностью, не получить ни одной царапины. Но стоило бою закончиться, как почувствовал страшную усталость и стыд, о причине которого не

сказал бы сразу. Однако ж спустя время, когда, подостыв, батарейцы возвращались к пушке, брошенной на пригорке в виду железнодорожного вокзала, где уже увидели, что полурота чешской пехоты, посланная им навстречу, побита, и там началось то, что именуется излишней бестолковой суетнею, за которой ничего не стоит, кроме страха за собственную жизнь, а на военном языке паникою, и это было никем не оправдано, на вокзальной площади находилось достаточно сил для того, чтобы отразить атаку и вдесятеро превосходящих сил, чем те, которыми располагали батарейцы,— Терновой понял причину своего стыда. Кажется, совсем недавно, ну, может, дня три, четыре назад сказал, что все на земле хотя бы и применительно к нему, потерявшему на войне близких, включая друга и жену друга, матушку, которую покинул среди чужих людей, женщину, что могла быть близкою, но сделалась врагом, есть пыль и пустота и не надо впредь усугублять свою вину новыми, совершенными им, пускай и невольно, убийствами. Странно, что во время боя забыл про то, к чему пришел не сразу, а через долгие, мучительные раздумья, и стал подобен людям, что, ощетинившись штыками, пошли вперед... Он и верно, поступил противно собственной воле, было мучительно сознавать это и не уметь ничего исправить.

Когда думал о женщине, что могла стать близкою, но сделалась врагом, испытывал сожаление, все же это было сильное чувство, потому что соседствовало с острой неприязнью, а то и с ненавистью и, если еще являлось сожалением, то лишь потому, что сдерживал себя. Но так не могло продолжаться долго, с волнением думал, что случится, коль скоро откажется сдерживать себя. Тогда чувство сожаления, что нынче томительно и горько мучает постоянно, несмотря на свою внешнюю ненастырность, перерастет в другое чувство, которое не будет так пассивно, и повелит действовать. Тем более что в глубине души что-то происходило, упорное, все в нем ломающее, все, к чему приучил себя и не намеревался никому отдавать... А происходило там такое, что и самому становилось страшно, вдруг да и полагал возможным, отвлекшись от горьких мыслей, совершить еще одно убийство, говоря, что это убийство во благо. Во благо чему?.. Ах, если бы знал!.. Но он не знал и с тоской ловил все, что говорилось при нем о Софье Никаноровне, которую уже больше недели не видел и не желал бы ничего про нее слышать. Но это только, конечно же, не все, а лишь то, что сказало бы о чувстве раскаяния, непрестанно преследующем ее, и она

хотела бы не помнить о погубленной крестьянке, да уж не вправе... Но все, о чем говорили, выставляло Софью Никаноровну в дурном свете. Вздыхал, чувствовал, что сожаление, а именно в эту форму стремился вместить свои душевные переживания, касающиеся Софьи Никаноровны, делалось все больше, и вот уж не сожаление, другое; едва ли не физически ощущал, что форма, которую избрал, думая, что ее достаточно, коль скоро хорошо знал о женщине, что стала причиною душевных подвижек, и умел оценить ее так, как заслуживала, да, форма, которую избрал, оказалась слишком слабой для тех чувств, что мучали... И когда в один прекрасный день понял, что форма лопнула, не вместив в себя боли, что на сердце, отнесся к этому спокойно, пока еще не зная, к чему приведет. Лишь спустя какое-то время ощутил острую неприязнь к женщине, что уже ничего не хотела бы про него знать и жила нынче, на виду у всех, отвратительно грязной жизнью, немало не заботясь о Терновом, точно бы позабыв о нем совершенно, и была довольна. Он ощутил острую неприязнь к женщине, когда слухи об ее связи с подполковником Алмазовым усилились, сделались откровеннее, теперь, сам не замечая, постоянно искал случая встретиться с нею и по-особенному, во всяком случае, так и предполагал, что по-особенному, выразить свое отношение к ней, падшей. Но ведь и она понимала об его желании встречи с нею и всячески избегала Тернового и была почти счастлива, что до поры получалось.

Со временем у Софьи Никаноровны образовался страх перед Терновым, сначала едва заметный, могла и посмеяться над этим страхом, и он исчезал, правда, ненадолго, шли дни, страх делался больше, сильнее, уже не покидал и в те минуты, когда находилась с подполковником Алмазовым под охраной преданных ему людей. Что же творилось с нею? Она сама едва ли могла бы сказать. Но, чем дальше войско откатывалось на Восток, тем очевиднее представлялась возможность вырваться из России, где льется кровь и где все опостылело. А коль скоро окажется в цивилизованном европейском государстве, то и будет счастлива, имея капитал, который можно по приезде пустить в дело, и жить безбедно, ни перед кем не унижаясь и горделиво предаваясь страстям, что единственно доставляли удовольствие. Страсти шли не от желания, впрочем, никогда не остывающего, так что и сама бывала не рада собственной ненасытности, принадлежать кому-то, а от вероятности наконец-то возвыситься над людьми бла-

годаря богатству и управлять ими, ни от кого не будучи зависимой.

Ах, как бы она развернулась!.. Окружила бы себя толпою поклонников, каждый из которых был бы совершенно в ее вкусе и поклонялся бы ей, царственнной, дарил бы свою любовь, что не могла идти ни в какое сравнение с любовью подполковника Алмазова, скучной и вялой, точно бы по принуждению. Он брал ее так, все ее большое, сильное, способное и, самое главное, умеющее любить тело, словно бы брал в руки ночной горшок для исправления нужды, и ей было противно и горько. Когда он засыпал, долго ворочалась в постели, делалось так тошно, что хотелось обхватить цепкими длинными пальцами тонкую и неестественно белую, почти мертвенно белую шею любовника и сдавить... И, ох, сколько же требовалось проявить воли, чтоб избавиться от такого желания, не дать подняться над всеми ее чувствами.

Да, да, так и получалось. Чем дальше войско откатывалось на восток, тем больший Софья Никаноровна испытывала страх, что помешают, отберут богатство, хранящееся в сейфе у подполковника Алмазова. Она потому и терпела его, вызывающего отвращение, что в теперешних условиях лишь он был в состоянии сберечь ее богатство, а заодно защитить от мести, хотя бы и от мести капитана Тернового, брошенного ею, впрочем, кажется, совсем не противно его воле, а согласно с нею. Но это мало что значило, уж она-то понимала: вроде бы поступил так, как велело сердце, но прошло время, и что-то в человеке поменялось, и уж исчез покой, прежняя болячка с каждым днем заявляла о себе сильнее, яростнее, и вот уж человек позабыл все, помнил о той, из-за кого на сердце нынче больно и стыло... Да, да, так часто случается. Что как произойдет и с Терновым?.. Софья Никаноровна вся подобралась при этой мысли, сетуя на судьбу, однако Алмазову ничего о своих страхах не говорила, хотя понимала, что уж он-то нашел бы управу на капитана. И это не было благородством с ее стороны, а расчетом. Она боялась не только Тернового, от него можно ждать бог весть чего, но и Алмазова, в чьих сейфах хранила драгоценности, полагая, что при случае может предать и завладеть ее богатством. И, если еще не сделал этого, то лишь потому, что Софья Никаноровна сказала, что о драгоценностях знает Терновой: сколько и где хранятся, все знает и требует, чтоб по прошествии времени часть их перешла к нему... Наверное, сказала, нам придется... Алмазов, хотя и нахмурился,

не возражал и не делал ничего против Софьи Никаноровны, очевидно, чего она и добивалась, побаиваясь Тернового. Впрочем, может, тут было другое, ну, к примеру, то, что подполковник искренне привязался к Софье Никаноровне и не желал расставаться с нею. Конечно, если бы действительно было так, Софья Никаноровна чувствовала бы себя спокойнее. Но она не верила в это, догадываясь про ту ничтожность и мелкость, которая виделась при одном взгляде на Алмазова, говорила мысленно со злым упрямством:

— Опричник! Только и ждет, чтоб съесть кого-то!..

Софья Никаноровна думала, что она умница, даже в непростом нынче положении сумела отыскать выгоды. Прежде всего, добилась того, что Алмазов теперь не сможет избавиться от нее. А если бы решился, то столкнулся бы с Терновым, который, не раздумывая, обвинил бы подполковника в злонамеренном убийстве. В то же время и капитану непросто, даже если бы и захотел, что, кажется, мало вероятно, впрочем, время нынче такое, от каждого можно ждать бог весть чего,— убить ее, едва ли не постоянно находящуюся под охраной головорезов Алмазова.

Софья Никаноровна чрезвычайно гордилась собой, тем, что не растерялась, отыскала единственно возможный выход, и терпеливо ждала, когда войско придет на свободную русскую территорию. Уж там-то сумеет избавиться от одинаково неприятных людей, один из которых невысок ростом, крепок и силен, с ярко выраженной нерусскостью во всем облике, а не только в разрезе глаз, посверкивающих рыжеватым блеском, другой, напротив, узкогрудый и длинноногий, с упрямыми злыми глазками и с таким же упрямым выражением в ухоженном белом лице, которое напоминало маску неживой сосредоточенностью на одной мысли. Все же ее не обманешь, в облике подполковника Алмазова было такое, что производило впечатление нарочитости, будто взято взаем и скоро будет отдано, и тогда останется слабый и трусливый человек, не знающий, что делать и куда пойти?..

Вот такие они, эти два человека, силой обстоятельств оказавшиеся подле Софьи Никаноровны и одинаково неприятные отсутствием особенных человеческих качеств, которые ею пуще всего ценились в людях и про которые думала, что есть у нее. Те качества были тихой осознанной ненавистью ко всему, что сдвинуло с места и понесло бог весть куда, твердой решимостью не потеряться и теперь, когда немногое зависело от нее, а больше от обстоятельств, что менялись постоянно и содавали вокруг людей и дела,

которым те заняты, ощущение нестойкости, неуверенности... Но да бог с ними, с обстоятельствами, надо бы поменьше обращать на них внимания, не то сделаешься пугливым, как заяц, и тогда непременно погибнешь. А Софья Никаноровна не желала погибнуть едва ли не в самом конце пути по сибирской земле. Однако в последнее время ее не покидало острое чувство беспокойства. И, чем меньше верст оставалось пройти, чтобы уехать из Отечества, к которому не испытывала ничего, кроме неприязни, тем большим было беспокойство, и вот наступил день, когда уже ни о чем другом не думала, стала неряшлива и неопрятна, и едва ли не отвратила подполковника Алмазова. Тому, впрочем, было все равно, следит ли она за собой, нет ли, но до определенного момента, а коль скоро момент выпадал, и он мог отвратиться от женщины, с кем имел близкие отношения.

— Ах, вот как? вот как?!.— зло сказала Софья Никаноровна, заметив перемену в подполковнике и догадываясь о причине перемены. «Но так я поступлю еще хуже!..— неожиданно, с неостывающей злостью решила она.— И пусть будет ему несладко!..» И совсем бросила следить за собой и сделалась необычайно настойчива с подполковником, когда дело касалось любовных утех. Алмазов морщился и терпел, в конце концов, она поняла, что он всего лишь тряпка в ее руках и будет таковой до тех пор, пока зависим от нее, и успокоилась. Опять начала следить за собой и скоро стала похожа на ту, прежнюю, симпатичную и властную, приятную женщину, какою хотела быть, но какою нынче бывала не часто. Но успокоилась Софья Никаноровна ненадолго, снова в ее острых, холодно поблескивающих глазах, про что во всякую пору понимала и старалась искусственно найти в душе такое, чтоб холод исчез, а заместо него высветилось другое, приятное людям,— появилось ожидание несчастья. Софья Никаноровна не могла найти места, изводя себя тягостным чувством, а потом, не выдержав ожидания, ночью, изловчась, вытащила пистолет из кобуры у Алмазова, тот спал и не слышал, как поднялась, торопливо накинула на плечи мягкую и легкую, из искусно выделанной овчины шубку и вышла на крыльцо. Долго стояла, обвыкаясь с темнотой, а потом, прижимая к груди пистолет и стараясь как можно реже дышать, заскользила вдоль деревенской улочки в ту сторону, где, приметила еще днем, намеревались расположиться на ночлег батарейцы капитана Тернового. Отыскала ту избу, подкралась к освещенному окну, увидела Тер-

нового, он сидел за столом с солдатами и вяло говорил. Увидела, и губы у нее дрогнули, тонкие и злые, подняла пистолет и выстрелила, метя в Тернового, думала выстрелить лишь один раз и убежать, но этого оказалось недостаточно. Терновой продолжал сидеть за столом. Тогда она решила стрелять в него до тех пор, пока были в пистолете пули. Запамятовала обо всем, даже о капитане, которого хотела уничтожить, то, что нынче совершалось в сердце, было больше и суровее всего, что привело сюда, к узкому освещенному окошку, откуда тоже начали раздаваться выстрелы. Она нынче ненавидела не только Терного, но и тех, кто был с ним, сделавшихся ее врагами, а вместе с ними ту жизнь, что заменила прежнюю, так не похожую на эту, всем сердцем нелюбимую ею. Метя в Терного, она мстила и за жизнь, которая вся в прошлом и уж не вернется... Неожиданно почувствовала обжигающую боль в груди, рука ослабела и упала вдоль туловища, все еще держа в помертвелых от напряжения пальцах пистолет, в глазах стало темно. Софья Никаноровна удивилась и не хотела верить тому, что случилось, но это уже ни от кого не зависело, а в меньшей степени от нее, покачнулась и повалилась набок. Во всем теле скоро сделалось легко и прозрачно, это было удивительное, ни с чем не сравнимое ощущение, оно оказалось последним, что испытала в жизни Софья Никаноровна. Когда из дому выбежали люди и увидели ее у освещенного окна, она была мертва... Люди напугались и потребовали от Терного, легко раненного в руку, согласия покинуть войско и уйти немедленно, пока на месте происшествия не появился подполковник Алмазов. Уж он-то найдет, как отомстить за любовницу.

Терновой был как во сне, не упрямился, сделал то, о чем просили солдаты, и скоро они очутились на белом и ровном, продуваемом яростными ветрами светло-зеленом байкальском льду, сквозь который просвечивало что-то удивительное и таинственное, там была другая жизнь, никто из батарейцев не знал о ней, да и не стремился узнать, стараясь уйти как можно дальше от деревни. Примерно через час они увидели редкую цепочку людей, которая приближалась, догадались, что это красные. Худой, длинный солдат, быстро раздевшись, снял белую рубаху, привязал к палке и, снова одевшись, высоко поднял ее над головой и пошел вперед, к тому месту, где теперь уже залегла партизанская цепь. Терновой и батарейцы двинулись следом, уверенные, что все кончится благополучно.

Но неожиданно раздались выстрелы, люди возле Тернового стали падать на лед, хватаясь руками то за голову, то за живот и с тоской глядя на него, точно бы мог помочь, а он не знал, как помочь, все еще находясь словно бы во сне, потом и сам очутился на льду, едва ли не силком сбитый с ног. Недолго лежал на животе, перевернулся на спину и увидел небо, посверкивающее тихими неяркими звездами. Звезды были так далеки, а смерть стояла так близко, что он удивился, приняв это за странное несоответствие. Впрочем, несоответствием со своим изначальным предназначением показалась и собственная жизнь, такая ничтожная, что и жалеть-то, вот де будет прервана, не хотелось. И все же... все же жило в душе мягкое и утайное, нашептывало совсем про другое, может, про надежду, для которой в сознании уже не находилось места.

17

Море во льду, искрился зеленоватый, растянувшись на десятки верст, глянешь вокруг, все ровным ровно, точно бы это не льдистая поверхность, а гладкий полированный стол, где и ноготочку не зацепиться. Но не везде так, вдруг да и ощетинится Байкал-батюшка, когда и не ждешь, думая про удивительную зимнюю равнинность сибирского моря, которую не встретишь нигде больше, высоченными торосами, подымутся те поперек дороги, и тогда остановишься в смятении и долго не будешь знать, откуда и отчего появились торосы, из-подо льда выметнувшиеся яростными глыбами. Смотрят глыбы белыми ледяными глазами, и да не имеющий воображения не увидит их, а уж тем, кто бредет по морю, норовя выйти к другому берегу, едва виднеющемуся отсюда при восходе солнца, все мнится, что ледяные глаза глядят строго, не спасение сулят, погибель, опускаются на колени старики и старухи, бабы с детками, воздевают руки к небу и не молятся господу, нет, вопиют о помоге. Странно устроен человек, еще и в помине нет помоги, заплутала посреди трех сосен и не найдет дороги, а уж обессилевшему люду кажется, будто бы там, в небеси, вдруг заблистало, заиграло, словно бы золотая рыбка в окияне, потом дивное послышалось с вышней высоты, ласковое и нежное, сказал голос господень:

— Идите, братья и сестры, на восход солнца, и да придете в землю обетованную, и да будет с вами благословение мое!..

Средь бредущих по льдистому насту смущение сделалось. Кое-кто очнулся от тягостного раздумья и светло, точно бы понуждаемый к сердечному теплу неравнодушным взором, посмотрел окрест, и умное, божеское узрилось в белом сиянии, что запосверкивало, все расширяясь и уносясь к далекому горизонту, и там исчезло, а скоро оттуда пал на землю голос господень и был услышан всеми сразу. Это приподняло людей в собственных глазах, даже те, кто, подобно Анюте и Дарье, понимали происходящее лишь частью рассудка, еще не затемненной свалившимся несчастьем, тоже приободрились и захотели непременно поделиться с близкими людьми своей радостью, которая была странной на фоне того, что творилось нынче в душах, однако ж не чуждой им, только изрядно подзабытой. Когда радость засияла, отодвинув сомнение и тревогу, что единственно, казалось бы, властвовали в сердцах, Анюта и Дарья отнеслись к ней, как к чему-то не принадлежащему им, все ж приятному, что не хотелось бы сразу запамятовать и чудилось совершенно естественным продлить. Тогда и появилось желание поделиться ею с близкими, для Анюты это был Милютин, для Дарьи — двойняшки, они лежали в тороках и уже давно не подавали, как и поручик, признаков жизни, но для женщин это точно бы не имело значения, надеялись, придет время, и все поменяется, близкие сердцу люди сделаются живыми и будут благодарны за то, что не теряли надежды. Каждая из них нынче, уверовав в прочность радости, что вдруг, пускай и слабая, едва ощутимая, засветилась бледным огоньком, опустилась на льдистый наст. Анюта подтянула к себе санки и, откинув рваное овчинное одеяло, сказала о своей радости, глядя в изжелта-черное и неестественно маленькое и сморщенное лицо, уже мало напоминающее то, прежнее, которое принадлежало поручику Милютину и было живое, нервное, при особенном волнении подрагивающее каждою своею жилкою. Сказала о своей радости и Дарья, теперь уже не та, полнотелая и крупнолицая, была она нынче точно бы другая женщина, правда, с теми же рыжими волосами, что давно не расчесывались ее рукою и смотрелись не так ярко и выразительно, как раньше, зато вполне соответственно той, другой, женщине, длинноногой, с худым, неприятно изможденным, одрябшим и потускневшим лицом, с веснушками, что прежде заставляли людей улыбаться, так были заразительны и в точности соответствовали доброму и улыбчивому характеру Дарьи.

Дарья сказала о своей радости, подвинув к себе торока,

где лежали мертвые дети, и, глядя на них, посинелых и отталкивающе холодных. На минуту ей сделалось неприятно, проговорила с обидой:

— Эк-кие же вы, я почитай, всю одежонку набросила, а вы все зябнете да зябнете, холодиною так и тянет от вас. Беда прям!..

Анюта и Дарья сидели на льдистом насте далеко друг от друга, нынче они не знались, память не удержала ничего из прежней жизни, что было бы дорого обеим. Они не одни сидели на льду. Когда толпа, сплошь из стариков и старух, из баб и ребятишек, растянувшаяся не на одну версту и бредущая без всякой, казалось бы, цели, хотя это не так, все имели ясную цель, но держали мысль о ней глубоко в себе и не допускали до нее даже тех, кто шел рядом, так вот, когда толпа подвинулась вперед, на льду осталось немало людей: кто-то доживал последние минуты, кто-то решил передохнуть, потом идти дальше, подобно Анюте и Дарье, уже обретших особенное понимание происходящего, что разительно отличалось от прежнего, расчетливого осознания себя человеком. И обе женщины, и другие, в таком же душевном состоянии, уже в сущности отошедшие от жизни и воспринимающие ее по-особенному, как она не может быть, но как хотелось бы, чтоб была, теперь сидели на льду и говорили с близкими и спорили, случалось, ругались, но беззлобно. В душах, утесненных жестокими невзгодами, не отыскать места ничему, что напоминало бы, как мучительна и тяжела жизнь, сдвинутая помимо их воли с привычного круга, сломанная и смущенная обстоятельствами и уже не способная обогреть человека, на которого свалилось несчастье. В душах, утесненных невзгодами и напастями, было другое... ясное и безоблачное отношение к тому, что вокруг них, рядом с ними. Это воспринималось с уважением. Когда б умели, сказали бы непременно о своем уважении, да не умели, в их отношении к жизни все сделалось легко и бездумно, не надо напрягать душевные силы, чтоб показать свою любовь или же, напротив, неприязнь. Все, буквально все нынче, даже малая льдинка, отколовшаяся от тороса, гонимая по ровной белой поверхности, вызывало в них лишь удивление, а еще уважение к тому упорству, с каким несется льдинка по гладкой поверхности. Бывало, эти люди вскакивали на ноги, когда блестящая, играющая множеством цветов, словно бы маленькая радуга, льдинка, проскальзывала рядом с ними, точно бы призывая их включиться в игру. Они вскакивали на ноги и, хлопая в ладоши, дол-

го глядели вслед льдинке, потом опять садились на белый наст и продолжали заниматься прежним делом. Такое ощущение, что они совершенно утратили чувство опасности и уж не подымутся, не пойдут за теми, тоже больными и голодными, но еще не утратившими привычно понимаемого рассудка. И жестокий холод, что уже теперь донимает людей, в скором времени обратит их в куски льда, и они будут долго лежать на одном месте, обрастая снежными наносами, пока не превратятся в байкальские торосы. Казалось бы, так и случится, но нет, что-то заставило одних быстрее, других медленнее подняться со льда и пойти за теми, кто уже едва виднелся. Когда Анюта только набрасывала на плечо ременную петлю, чтобы сдвинуть с места санки, Дарья уже поравнялась с нею, а потом пошла дальше, даже не оглянувшись, ни об чем не полюбопытствовала, точно так же, как и Анюта, которая, вся изогнувшись, делаясь бледной от напряжения, надавила на ременную петлю, чтобы сдвинуть санки с места. Сделать это было непросто, мешал сильный встречный ветер. Все же, промаявшись какое-то время, Анюта стронула санки и потащила их, держась за Дарьей, что шла, вся изгибаясь, и, казалось, была слабее маленькой Анюты. И это на самом деле так, Дарья чувствовала в теле сильный жар, ноги сделались ватные и неощущаемые, мнилось, еще немного, и перестанут держать, она упадет и уж не подымется. Но, видать, жили в ней силы, о которых прежде не догадывалась, не знала о них и теперь, но это не мешало идти все дальше и дальше, точно бы сознавала, что надо спешить, не то потеряешься и погибнешь. Но нет, ничего такого не сознавала, все же, подчиняясь инстинкту, что и теперь контролировал ее действия, Дарья брела тем же путем, каким прошли все, кто еще был в сознании и стремился на другой берег, едва различимый отсюда, угадываемый сердцем, как земля обетованная, про которую столько слышали и тянулись к ней из последних сил.

Мир Дарьи был узок и мал, в нем умещались лишь она и малые детки, что, притихнув, сидели нынче в тороках у нее за спиною, а еще то количество людей, во всякую пору разное, но воспринимаемое ею, как неменяющееся, хитрое и коварное, норовящее отнять самое дорогое, может, милых двойняшек, без которых нынешнее существование никому не нужно, даже ей самой. Дарья с откровенной неприязнью смотрела в лица людей, потом торопливо отходила от них и старалась поскорее позабыть злое

и упрямое, что увиделось. Благо, это удавалось без напряжения с ее стороны. А позабыв, ставила торока на землю и суетилась вокруг них, говоря слова ласковые и добрые. Спустя немного шла дальше, чуть в стороне от людей, которых так и не приняла, постоянно держа опаску на сердце и готовая в любую минуту отыскать в многоликой толпе хитрое и коварное.

Да, мир ее был узок и мал. Но она не чувствовала его узости и малости, вполне удовлетворяясь тем, что есть, и ни об чем больше не помышляя. Совершенно запамятовала про то, что когда-то рядом был Иван Дымов, и она любила его и не смогла бы дня прожить без большого и доброго человека, кто, как нынче Милютин для Анюты, сделался для нее целым миром. Но так было до той поры, пока не появились дети, двойнята, они появились и что-то сломалось в Дарье, отношение к Ивану стало другое, ловила себя на мысли, что уже не думает о нем с тревогою и нежностью, как прежде, а словно бы по привычке, когда тревога и нежность воспринимаются спокойно, как что-то нынче близкое, но что может сделаться далеким, неугадливым.

Иван в понимании Дарьи следовал за детьми и часто оказывался забываемым ею, если с двойнятами что-то происходило: плохо ли брали грудь иль под глазами у них обозначались тени... А потом случилось несчастье, дети заболели тифом, и это было так страшно и так больно и так не вязалось со всем, о чем мечтала, что в сознании совершилось не допустимое для человека, такое, что поломало представление о жизни, и тогда мир ее сузился, Дымов уже не был воспринимаем и стал чужой в маленьком ее мире. Может, если бы не стряслось этого, другое было бы еще страшнее, и теперь она не шла бы за толпою, которая не имела предводителя, что в иное время показалось бы удивительно, толпа из своей среды выдвинула бы предводителя, поскольку во всякую пору привычно для нее следовать за кем угодно, лишь бы впередиидущий взял на себя часть тревог. Но нынче толпа не искала предводителя, потому что утратила тот нерв, что единил и крепил усилия. По крайней мере, он не ощущался всеми одновременно, а точно бы разбился на множество нервных клеток, что сами по себе не составляли чего-то мощного и способного вывести толпу из состояния потерянности посреди огромного, чужого и нависшего над нею ледяными торосами древнего сибирского моря. Толпа не имела предводителя. Подчиняясь скорее инстинкту, чем

разуму, шла напролом, не всегда минуя торосы, взбираясь на них, прямехонько к тому берегу. Толпа спешила, и в спешке угадывалась неуверенность, которая являлась следствием того, что не научилась полагаться на себя, безликую. Но неуверенность не могла помешать движению вперед, с каждым часом движение делалось все настойчивее и быстрее. Толпа, составленная из стариков и старух, из баб и детей, все шла и шла, а следом за нею брели те, для кого мир, как для Дарьи, непомерно сузился и уж не в состоянии был вместить всего, что встречалось на пути. И было бы удивительно для Дарьи и для таких, как она, если бы они не утратили возможности ощущать его, принимать близко к сердцу.

Мал нынче мир Дарьи, но еще меньше мир Анюты, он весь сосредоточился в том, кого принимала за Милютина, хотя это уже давно не так, но не так для тех, кто считался нормальными людьми, не стронутыми с привычного круга забот и волнений, и отнюдь не для Анюты. Она не принимала людей за то, что они есть на самом деле, видела в них другое, постоянное, неубывающее и по мере приближения к берегу стремление обидеть ее, слабую и беззащитную, и вместе с нею возлюбленного. Странно, а может, напротив, естественно для сегодняшнего представления о мире, что так сузилось и касалось лишь частных и не всегда важных сторон теперешнего бытия, что она видела злое стремление не в ком-то отдельно, никого не замечала отдельно, а во всех сразу. Такая множественность удручающе действовала на нее, чудилось, что если еще идет куда-то, хотя бог знает, отчего бы не лечь на землю и не прижать к сердцу возлюбленного, то лишь потому, что боится опасности, которая от людей, все кажется, вот остановится, и настигнет ее опасность, сомнет...

Не случись несчастья, не помутись разум, было бы это лучше для Анюты, чем то, что есть теперь?.. Если бы умела ответить, не сказала бы, что лучше. И то, что не сказала бы, в сущности, справедливо. Уйдя в теперешний мир, она ушла от страданий, что сделались невыносимы, будь в силе, измучили бы и, в конце концов, уничтожили, а так она еще продолжала жить. В ее мире находилось место не только для грусти и смущения, а и для радости, пускай тихой и слабой, что, едва возникнув, угасает, истаивает, однако ж нет-нет да и промелькнет, осветит смущенную душу. Вот шла Анюта, вся мокрая, налегая на ременную веревку, на широкую скользкую петлю, которая причиняла боль, что была бы и пуще того невы-

носимой, когда б догадывалась, что боль на самом-то деле причинял мертвый человек, кого принимала за мужа, хотя это давно не так, тот человек лишь напоминал мужа, на самом деле был уже другое, про что никто из живущих не понимал, но смутно догадывался, тем не менее стараясь спрятать свою догадку подальше, чтоб про нее никто не слышал и не осудил бы... Вот шла Анюта по льдистому насту и тянула за собою санки, задыхалась от усталости, одному богу известно, что помогало не упасть, не сломать в себе окончательно и без того слабый дух. Иль, может, всевышний пособлял несчастной? Может, и так... Но скорее что-то еще подстегивало воображение и заставляло идти все дальше и дальше. Вдруг да и чудилось Анюте на ослепительно-белом нечто смуглое и живое, и тянулась к этому сердцем, спешила. Но стоило приблизиться, кривя в виноватой улыбке черные, потрескавшиеся, отталкивающе посинелые губы, к узкому и сморщенному лицу, как замечала, что это смуглое и живое есть лишь трещина в байкальском льду, не взять ее в руки, не подвиться. И тогда она начинала искать еще что-то. Спустя какое-то время, подчас достаточное для того, чтобы выбиться из сил, отыскивала необычное, по ее разумению, диковинное. И опять шла... И опять ничего не находила, только еще одну трещину во льду. И тогда снова совершалось нечто сделавшееся уже привычным с ее лицом, с губами, со всеми движениями маленького тела, которые становились резче и быстрее.

Бог знает, чем жила она, какою такою силою, сокрытою от чужого глаза в слабом теле! Но была ведь та сила, иначе Анюта не смогла бы и с места сдвинуться. Что же это такое и откуда, в страдании ли рожденное иль дано человеку свыше, только до поры он не знает, а потом вдруг подымется в нем та сила и вознесет на высоту необычайную, которая, впрочем, не есть высота, измеряемая обычными мерками, а высота сближения с сущим, слияние с ним столь великое, что на душе люда, ставшего свидетелем этому, сделается смутно, завистливо, и уж не будет для всех тот человек близким, вызовет неприязнь к себе несвязностью с нашею обыкновенностью и привычкой слепо следовать всему, что признается нами единственно необходимым для обычной в покорности богу и властям жизни.

Дарья и Анюта шли за толпою, в которой видели лишь гнетущее и пугающее, и по этой причине старались держаться подальше, не сливаясь с нею и инстинктивно боясь

слияния, точно бы случись такое, и они сейчас же потеряли бы себя и от их душевного состояния, что поддерживало и помогало делать то, что в любом другом случае было бы не по силам, ничего не осталось бы, одна пыль.

Дарья и Анюта шли за толпою, а вот старуха с внучкою брели в самой толпе. Прежде они разительно отличались друг от друга. Одна была дородная и крупная, немалые лета, что прожиты ею, не шибко-то давили на плечи. Она, хотя Антон Коромыслов так не думал, не очень-то нуждалась в чьей-то помощи. Другое дело, ее внучка... Вроде бы ростом повыше старухи, но страсть как худа и бледна. По весне ей исполнилось шестнадцать, а она все еще точно бы слаборазвитая девочка с широким и плоским, некрасивым лицом. Антону стоило поглядеть на нее, как делалось жалко, накатывали мысли об ее будущем, которое виделось горьким и постылым, хотел бы помочь, чтоб, хоть пока они вместе, не казалась такой несчастной и чужой среди людей.

Да, прежде старуха и внучка отличались друг от друга, а нынче сделались как две капли воды, и это не та схожесть, которая естественна и на нее не каждый обратит внимание. Подобная схожесть неприятна, жестока, при виде ее становилось неспокойно на сердце, и непокой еще долго не убывал... Схожесть оттого и казалась жестокой, что нынче старуха с внучкою были как две сестры, и не сразу скажешь, кто из них старше... Худые и оборванные, в точно бы не им вовсе принадлежащей одежде, висящей на них лохмотьями, они словно бы уже ничего не имели за душой и стали обезумевшие и обеспамятевшие. Но это не так. Были в своем уме и жили теми же мыслями, которыми тешила себя бредущая по белой льдистой поверхности, бездорожно и упрямо, все больше и больше теряющая людей толпа. Старуха и внучка, как и все, думали лишь об одном — о предстоящей встрече с доброй и богатой землею, прозванной обетованною, и молили бога, чтоб подсобил, не дал упасть посреди пути. Но с каждой минутой двигаться было труднее, поднявшийся ветер нес встречь горы снега, останавливал, все ж поперворсти они точно бы не замечали этого и продолжали идти. Однако скоро ветер усилился, сбивал с ног, люди падали, старались подняться, но подняться было трудно: лед скользкий, гладкий... Тем не менее не сдавались, упрямо силились одолеть ветер, эти попытки продолжались до тех пор, пока ветер не достиг такой силы, что не только сбивал с ног, а и отбрасывал назад, все дальше и дальше, и уж нельзя

было понять, идут ли вперед иль катятся в обратную сторону, к тому берегу, с которого снялись. И, осознав, что не совладать с ветром, ставшим пред ними неодолимой стеною, люди сникли, ослабли в стремлении попасть на землю, что чудилась обетованною, растеклись в разные стороны, иные опускались на лед, другие, подгоняемые ветром, шли обратно, да все порознь, словно бы совестились идти вместе. Люди уже не были толпою, что жила единой для всех мечтой, а сделались обыкновенно бредущими, падающими, умирающими на жгуче-ледяном насте.

Анюта, когда ветер стал страшен, схватилась за санки, на которых лежало тело Милютина, и удержала себя рядом с ним, и, даже когда санки сдвинулись с места и покатились, не отпустила, все держалась за них, а когда санки остановились, подчиняясь тому, что в груди, чему-то горячему и сильному, стащила мертвое тело на лед и легла противу него сбоку, накрыв себя и покойника рваным одеялом, и задремала, обняв мертвое тело, которое когда-то было ее возлюбленным, а теперь чужое и холодное. Она так и уснула вечным сном, ни об чем не печалуясь и зная про жизнь удивительное, не знаемое никем из нас, живущих. Не слышала, как подле нее очутилась Дарья, а потом легла, прижав к груди торока, в которых были ледяные комья, уже не похожие ни на что живое, она тоже скоро уснула и не поднялась... По весне их и еще многих, но среди них не было старухи с внучкою, нашли охотники за байкальской нерпой и не удивились находке, оторвали отмякшие тела от теплого льда, свезли на берег, в трехстах саженях отсюда, отыскали место, где почва помягче, и там вырыли яму, одну на всех...

18

Однажды комдив увидел толпу женщин и детей, стариков и старух. Толпа несла лики святых, он не разглядел, каких святых, а может, и не пытался, внезапно пораженный тем, что они удивительно походили на человека, которого встречал, но сколько не напрягал память, так и не вспомнил где, хотя то, что встречал, несомненно. Тот, кого встречал и кто смотрел на него с икон, суроволикий, с темной бородою и с точно бы лихорадочно блестящими странной, почти живой болью в них глазами был мужичонка в слабом одеянии и, кажется, ходил, прихрамывая. Этот человек сделался комдиву интересен, хотелось говорить с ним, но что-то удержало.

«А где же нынче сей человек?..» — подумал комдив и не спросил у толпы. Странно не только то, что не спросил, а то, что человек стал точно бы недоступен и уж нельзя было, не переступив в себе что-то, узнать про него.

Комдив провожал толпу глазами, пока она вся, измученная и черная, точно бы от человека, что раньше вел ее, досталось это, приметное, не прошла мимо, потом сел на коня и поехал в тыловые части, разыскав начальника по тылу, велел найти толпу, что идет неизвестно куда, скорее, к Байкалу, и помочь, чем можно. Спустя время комдив поинтересовался, сделано ли что-то, оказалось, что нет, толпа, по словам начальника тыла, не была найдена, как сквозь землю провалилась, несчастная.

Комдив нахмурился, но промолчал, хотя догадывался, что распоряжение оттого и не исполнено, что тот, кому надлежало исполнить, не проявил настойчивости. Как и все нынче в армии, комдив понимал, что война заканчивалась, и это разлагающе действовало на младших и старших командиров и политработников, на красноармейцев. Никто не желал подставлять голову под пули, да что там! — обыкновенные, незначительные приказы исполнялись нынче вяло, точно бы по принуждению, и добиться тут чего-либо, сделать воинскую дисциплину прежней становилось все труднее.

Комдив знал об этом и не хотел ничего предпринять, ничего такого, способного вывести его самого из состояния душевного покоя, что, впрочем, не являлся покоем, а другим, томительным и грустным чувством, точно бы он только что пережил глубочайшее потрясение, которое должно было уничтожить его. Но по случайности этого не произошло, и он до сих пор жив. Теперь бы радоваться жизни и дивиться на нее, огромную и лишь в малости познанную, думать, что познание наверняка продлится, но странно, это не волнует, точно бы пришло не от сердца, а со стороны, холодное и уже в самом изначале знающее свой расчет и поступающее согласно ему. Грустно и вместе томительно и на всем, не только на мыслях, которые, отдалившись, превращаются в воспоминания, такие, что не тревожат сильно, однако ж и не исчезнут окончательно, — недоумение. И на том, что лишь сопровождает комдива, к примеру, на сверкающих байкальских торосах, что, надвинувшись на слабый, пологий берег, застыли, грозные, и в том, как испуганно, почти расстроенно кричали птицы, пуще всех лохмоногие лесные пичуги, когда дивизия за-

нимала станцию Мысовая, где до нее успела побывать одна из белых частей,— везде можно увидеть, а то и услышать недоумение, словно бы все поменялось на земле и сделалось чувственно.

Он еще командовал дивизией, но это уже было другое командование, не прежнее, выделявшее его среди начальствующих людей и заставлявшее думать о нем хотя и не всегда хорошо, все ж с пониманием к его воинской затее, что в любом случае — принималась ли командирами, нет ли,— была отчетливо зрима в дивизии, даже рядовыми бойцами, понимаема ими. Это создавало комдиву особенное место среди начальствующих людей, многие из которых наверняка были умнее, но не умели, как он, сделать распоряжения понятными людям и вызвать возбуждение в войске, подъем духа, что был тем сильнее, чем ближе оказывалась солдатам воинская затея комдива. Но нынче его командование не волновало никого, не объединяло части, напротив, точно бы отчуждало от них, слабого и беспомощного, во всяком случае, так видимого не одними командирами, а и рядовыми бойцами, и это не предвещало ничего хорошего. Впрочем, сам нынче едва ли догадывался об этом, а если б и догадывался, вряд ли что предпринял бы, чтоб поменять что-либо в людском отношении, которое стало неинтересно и скучно. Оттого и стало так, что не касалось нынешнего душевного состояния, было столь далеко, что теперь если бы и пожелал что-то поменять, не смог бы... по той простой причине, что в душе нынче другое, и он не отыскал бы в ней место еще для чего-то... хотя бы для того, что прежде составляло часть жизни. Он так нынче сказал себе, именно — часть, не уточнив, большую или меньшую. Впрочем, это не важно, важно то, что увидел в душе не только тревоги и волнения, связанные с продвижением дивизии, с положением частей, с воинским духом, который если есть в дивизии, движет ею, а если нету, части начинают разлагаться и постепенно превращаться в обратное тому, что представляли из себя, когда подчинялись воинской дисциплине, во что-то дикое, необузданное, именуемое людскою массою, которая есть тысячеголовый зверь, способный надолго поломать жизнь в ее самых сильных проявлениях. Комдив, почувствовав, что и раньше подчинялся не только воинскому делу, которое полагал главным в жизни, а еще и другому, что было в душе, совершенно отличному от того, чем ежечасно питался ум, остался доволен собою. Это другое вдруг увиделось в нежном и ясном свете, при-

надлежало ему, и никому больше. Что же это было?.. Подумав, комдив сказал: наверное, то, что заставляло мучаться и просыпаться посреди ночи и говорить, что исполняет долг на войне, а когда исполнит, сделается, как и тысячи людей, уж ни над кем не властен, даже над малой птахой, не то что над человеческими жизнями. И, о, господи, как же сладка невластность ни над кем, хотя бы и над собой: вдруг да захочется пойти вперекор всему свету, а почему бы и нет, коль всесветность уж не греет сердце, холодна и бесчувственна? И пойдет, чтоб сказать людям про их холодность, не может такого быть, чтоб не приняли безвластного, подобного им самим, тоже не про все на земле знающего, лишь про свое существование, однако ж стремящегося к знанию.

Перемена в комдиве случилась в тот день, когда пришло донесение, что генерал, который вел противостоящие ему части белых, умер, и теперь войско ослабело и уж никто не в силах поднять его дух. Он узнал об этом, и сделалось неинтересно воевать. Впрочем, воевать для него и раньше было неинтересно в том смысле, в каком происходило на войне, где убивали и ранили, бывали с людьми жестоки и безжалостны. Другое дело, что комдиву оказалось по душе соперничество с умным и сильным человеком, каким являлся генерал. Комдив весь отдавался соперничеству и находил это единственно стоящим занятием из того, что делал на войне. Он отдавался соперничеству и уж ни про что иное знать не желал. Радовался собственным, удачно найденным ходам так же, как и ходам противника. А если удавалось перехитрить, оказывался на верху блаженства, что при свойственном ему спокойном и выдержанном характере, когда на лице нельзя прочитать ничего, будь то радость ли, отчаяние ли, выражалось в том, что комдив точно бы бесцельно, все ж с определенным намерением, стремясь продлить доброе, поднявшее над привычными делами настроение, бродил по местам, где стояли красноармейские части, спрашивал про что-то, но не про то, о чем обычно спрашивали командиры: не о самочувствии солдат, не о том, в чем они нуждаются, совсем о другом, что было бы неожиданно, когда б солдаты не знали об этой странности комдива. Он спрашивал у солдат, откуда те родом и много ль на деревне мужиков, да о чем думают, коль не перебиты еще? Или вдруг говорил, что лицо солдата ему знакомо, в родном уезде всё больше вот такие: скуластые и рыжие, черт те какие мордатые, точно бы сроду не знали о голо-

де. Но, конечно, это не так, и в его губернии спознались с голодом, люди нынче во всех волостях в одном окаянном положении.

— Ну, так вот, я и говорю, что у нас все скуластые да мордастые, и я навроде бы такой же, и ты, как погляжу, тоже, иль с тех мест, что и я?..

Солдат почти всегда оказывался не из тех мест, но комдив не огорчался, словно бы наперед знал об этом, и долго удивлялся:

— Надо ж, из других, сказывает. А ить такой же мордатый, как и все наши. Чудно, право!..

Комдив был доволен соперничеством с генералом, про которого думал, что умный и стоящий человек, и крайне редко, что враг, хотя знал, случись попасть в его руки, тот не помиловал бы, как, впрочем, выпади обратное, помилование тоже не пришло бы... Но об этом комдив не хотел бы думать, гораздо приятнее было думать о соперничестве, здесь он в своей стихии, не надо ни на что обращать внимание, только мыслить про ходы, расставляемые генералом, отыскивать в них несоответствие или ловушку, а найдя, удивляться прозорливости и хитрости соперника, который, кажется, все учел, да позабыл, с кем имеет дело. Впрочем, нет, не так, генерал не забывал о противнике, отдавая ему должное, комдив знал, а если иногда и приходила в голову мысль о том, что генерал, случается, забывает, с кем имеет дело, то оказывалась легкой, не тревожащей, точно бы пришедшей понарошку и скоро истаивающей, как утренняя морозная роздымь над горизонтом. В самом деле, не могло быть, чтоб генерал недооценивал соперника, и комдив мысленно улыбался, находя в действиях генерала приметы, подтверждающие его мысль.

Соперничество двух русских людей было постоянно, подчас жестоко. И они понимали про эту жестокость, понимали, что без нее не обойтись, все ж в иные моменты в их действиях прослеживалась неуверенность, почти смущение, что едва ли замечал кто-то еще, кроме них. Замечая, они, однако, делали вид, что ничего не происходит, правда, порою стоило немалых усилий подавить сомнение в правоте совершаемого ими. Но по прошествии времени их действия становились, как и прежде, решительными и умелыми, как самим думалось, хотя чаще оказывались лишь необходимыми в силу сложившихся обстоятельств, которые предполагали развитие событий и требовали от людей беспрекословного подчинения им.

Но стоило генералу заболеть, а потом оставить этот мир, как настроение у комдива заметно ухудшилось и в дальнейшем не подымалось, не делалось лучше, точно бы затвердев и уж не в силах подвинуться ни в какую сторону. Нет, комдив не отказался от дела, которое исполнял, однако теперь исполнял холодно и вяло, без страсти, что только и в силах украсить дело. И это заметили командиры и политработники, кто по долгу службы часто встречался с ним, и были склонны видеть причину перемены в комдиве не в смерти генерала, о чем и мысли не возникало, а если б, паче чаяния, у кого-то возникла, то ее приняли бы как что-то противоестественное и не имеющее отношения к комдиву, а в другом, глубоко личном, о чем комдив не желал бы никому говорить. Так это и осталось, ближние люди поверили в напасть, что свалилась на комдива, и относились к нему с тайной жалостью, чаще сочувственно, дожидаясь, когда полегчает, и он сомнет все, что мешает, и снова примется за дело с тою старательностью, что так отличала его прежде.

Командиры дожидались перемены в комдиве, но сам он не верил в нее, да, по правде сказать, и не желал. Со смертью генерала, с которым привык находиться в постоянном противоборстве, в душе словно бы сломалось и уж не стало интереса ни к чему, раньше близко принимавшемуся им. Не знал, в чем тут дело, но смутно догадывался, что генерал сделался для него своеобразным символом не только враждебного, что он, в конце концов, должен осилить, а еще и умного, дерзкого, отчаянного, того, что под силу лишь русскому человеку. Но вот генерал умер, вместе с ним умерло и то символическое, что он являл собою, и комдив загрустил, стал таким, каким нынче видят его командиры частей и политработники. Они хотели бы поговорить с ним, и он не отказался, но когда разговор зашел о причине, побудившей его сделаться тем, кем стал нынче, комдив сейчас же оборвал разговор и уж больше никого не допускал до себя, удивляясь и тому, как позволил говорить про личное, никому больше не принадлежащее, только ему. А скоро произошло событие, взволновавшее его, всегда чуждого внешнему проявлению чувств. Случившиееся волнение заметили все, кто находился рядом, и многие приняли не за то, что обозначало на самом деле. А произошло вот что... Комдив ехал в передовых частях дивизии, что шли за отступающим войском, впрочем, уже не за войском, предводительствуемым сильной, в которую верят и стар и млад личностью, а за

скоплением людей, ничем в сущности не связанных между собою, и, если еще не разбредшихся, то лишь благодаря тому, что, очутившись в чужой стороне, хотели бы как можно дольше держаться друг за друга, так меньше страшно, чем если бы остаться одному. К тому же имя генерала продолжало находиться на службе у солдат: тело его не предали земле, продвигалось вместе со всеми то во взятой у богатого сибирского мужичка расписной кошеве, то в тряской телеге, то на плечах у солдат, что, случалось, подолгу несли гроб с телом генерала по унылой земле в ярком и синем, чуждом людскому глазу не своей яркостью, а тем, что стоит за нею, таинственное и глухое и точно бы издали видное каждому и нагоняющее страх на людей, в каком-то даже мертвенно синем белоснежье. Солдаты несли гроб, и в их сердцах возникало удивление, точно бы наполнялись новой, прежде неизвестной силою и совсем не чувствовали трудностей пути, словно бы не ощущали тяжести, которая давила, сбивала с ноги, заставляла ежеминутно сверять шаг с теми, кто впереди, и тоже не свободен в своем движении, и вынужден подчиняться общему ходу. Да, все так и было, но казалось ничтожно в сравнении с той силой светлой, что в сердцах. И не сказать сразу, откуда это?.. Впрочем, не сказать людям, что шли рядом с солдатами, не им самим, солдаты думали, что это от гроба, где лежит умерший генерал. Всяк чувствовал, что от гроба идет какое-то тепло, тем таинственнее, чем больше о нем думали солдаты, поэтому с неохотой менялись с товарищем и уступали место возле гроба, потом негромко спрашивали:

— Слышь-ка, ить впрямь от его тепло, а?..

Слух о таинственном тепле от генеральского гроба скоро дошел до всех в войске и сделался тем, возможно, нынче единственным, что еще укрепляло в людях веру и объединяло, заставляло идти все дальше на восток.

— Пошто бы и нет?.. Ить генерал-то ишо с нами. А, браты, иль не так?..

И услышав это, недоуменное, вместе радостное, от солдата, у которого нынче на душе муть одна, вдруг словно бы просвечивало отдаленное, манящее, говорил устало:

— Ну и ладно, и пойдем...

Так вот, комдив ехал в передовых частях, привычно для него в последнее время ни о чем серьезном не думал, точно бы подчиняясь ходу событий, которые уже не зависели от него, во всякую пору, впрочем, они в меньшей

степени зависели от кого бы то ни было, в том числе и от него, а уж нынче в особенности; он ехал на низкорослой смирной лошадке, как вдруг в передовых частях случилось ускорение. Солдаты, вытянув шеи, поглядели вперед, потом изготовились к бою и побежали, но спустя немного остановились и опустили в смущении руки, дожидаясь комдива. А он не спешил и, кажется, посмотрел вперед лишь когда подбежал ординарец и сказал о генерале, что лежит в гробу, о солдатах и офицерах, встреченных нынче при мертвом белом начальнике. Комдив услышал, и в лице у него переменилось, сделалось живое и нервное, на скулах проступил румянец, и желваки задвигались... Спрыгнул с лошаденки и побежал к тому месту, где стояли люди с погонами, переминаясь с ноги на ногу и глядя на то, обшитое черным, что находилось на земле, и стараясь держаться подальше от красноармейцев, что обступали со всех сторон и были не в пример им веселы и гомонливы.

Комдив приблизился к тому черному, что лежало на земле, сказал, дыша тяжело, взахлеб, чтоб открыли гроб и дали поглядеть, кто там?.. Он сказал именно это, хотя знал, кто там?.. — а потом засовестился нетерпеливости, просматривавшейся во всем, что нынче делал: и как бежал, и как теперь глядел на солдат, что мешкали и не умели поднять крышку гроба, и как дрожали пальцы, и он не мог ничего с ними поделать, а спрятать руки за спину не догадывался... Солдаты наконец-то подняли крышку, и он увидел генерала, худого и длинного, со светлым, строгим лицом, с белыми, тонкими руками, которые, однако, не производили впечатление слабости, напротив, были тверды и, казалось, еще не умерли и готовы в любую минуту начать делать то же, что и прежде... Он увидел генерала со спокойно закрытыми глазами, точно бы тот был уверен, все, происходящее с ним нынче, ни в коей мере не повредит ни ему, ни солдатам и офицерам, и скоро он тронется в путь, чтобы через день-другой быть у последнего своего причала, там, за Байкалом... Комдив увидел спокойствие генерала и подивился, это же заметил комиссар и зло заговорил о генеральских штучках, что и нынче сеют промеж людей смуту. Но комдив не слушал, лицо вдруг стало вялое и дряблое, в глазах появилось такое, что сказало всем, как нынче ему непросто сознавать себя прежним хотя бы оттого, что не знает, надо ли это, нет ли, а если надо, то кому, не ему же одному, в конце концов?..

— Забейте крышку! — приказал комиссар сурово и

обернулся к красноармейцам: — Свезем в штаб армии, пущай и там поглядят на вражьего сына!

Не сразу до комдива дошел смысл сказанного комиссаром, лишь когда солдаты, жалкие и потерянные, исполнили приказ и выпрямили спины и с тоской посмотрели вокруг, ожидая для себя худшего и мало-помалу смиряясь с этим. Во всяком случае, глаза у них уж не бегали с одного человека в красноармейской одежде на другого, а точно бы были пустые.

— Нет,— сказал комдив, помедлив.— Мы не помешаем солдатам и офицерам исполнить свой долг.

В рядах красноармейцев произошло движение. Понимая смысл этого движения, что предвещал недоброе для белых, он сурово добавил:

— Захотите мешать солдатам и офицерам, велю расстрелять вас всех!..

Красноармейцы поняли, что комдив не поменяет своего решения, и отошли в сторону, переговариваясь.

Комдив стоял посреди гомонящего люда, одинакового в своем недоумении, сделавшись вялый и дряблый и уж ничем не интересующийся, точно бы узнал все, что надлежало узнать в жизни, и теперь был среди люда как старое дерево, взросшее в голой степи и нынче умирающее от того, что нечем жить. Меж тем солдаты и офицеры подняли на плечи гроб с генералом и спокойно пошли вперед, ни о чем уже не волнуясь, а скоро скрылись за таежным перевалом. Комиссар подошел к комдиву, в серых, ярко-серых глазах была ненависть, и он не скрывал ее, думал о чувстве мести, что жило в нем, и почти сладострастно мечтал об удовлетворении этого чувства, лишь теперь понял, что главное в нем все годы была месть, не личная по отношению к кому-то, хотя бы и к самому богатому и преуспевающему и угнетающему ему подобных с особенною жестокостью, другая, прошедшая через сердце и не ослабевшая, общая для люда, из среды которого вышел, месть. Копившаяся понемногу, она, в конце концов, завладела им полностью и только одна распоряжалась его действиями. Так было, так пребудет до последнего дня его, что нынче далек и что принесет ему много страданий.

— Я вынужден...— не опуская ненавидящих глаз, произнес комиссар.— То-то и оно, вынужден... Слабость, проявленная тобой, комдив, есть враждебное трудовому народу действо.

— Да, ясно... Да...— сказал комдив и пошел к лошадке,

что терлась мордой о дерево, слабый и точно бы уже чуждый всему живому.

А ночью пожаловали из особого отдела армии, недолго говорили с ним, велели собираться... Он сделал все, что требовали, и уехал, ни с кем не попрощавшись и не посмотрев в ту сторону, где стоял комиссар...

19

Небо было синее и ясное, удивительно чистое, без единого облачка, такое, какого уже давно не видели, кажется, едва ли не с того дня, когда уходили из старого сибирского города, на короткое время сделавшегося столицей русского демократического государства. Тогда небо было точно такое же, и это приняли в войске, покидающем столицу, за добрый знак. Правда, встречались люди, которые не очень-то надеялись, что все наладится и сибирская столица ненадолго покидаема ими, от силы на месяц. Но таких было мало, в большинстве своем люди не хотели отчаиваться и верили в сиятельную звезду адмирала, а еще в добрый знак, что неожиданно открылся ранним утром и был тепло встречен ими, глядящими в синее, ясное и удивительно чистое, без единого облачка, небо. Сказал в то утро добрый прохожий:

— А небо-то не случайно такое... Знать, сулит надежду.

Но за время отступления истаяла надежда, оказалась несродной с тем знаком. И офицеры постарались позабыть о ней, не проклиная, а лишь с горьким сожалением вспоминая про нее, несотворенную. Постарались позабыть по той простой причине, что так, налегке, спокойнее воспринимались напасти — непременное условие походного существования. Все правильно. Если бы не это легкое, почти бездумное, вполне противное человеческому естеству отношение к жизни, ненадолго бы хватило людей, собственное существование для них сделалось бы вдвойне мучительным и едва ли были бы пройдены те тысячи верст, что нынче пройдены вопреки здравому смыслу и воинскому разумению. Все предписывало скорую погибель белому войску, очутившемуся, в сущности, на вражеской территории, в огненном кольце, разорвать которое казалось невозможным. Но кольцо разорвали и, как нынче представлялось Ивану Дымову и Антону Коромыслову, а они тоже нередко думали об этом, очутившись в заброшенной лесной сторожке, к примеру, и затопив печку, а потом сидя

возле нее, продрогшие и вялые, разорвали не потому, что всеми без исключения в войске проявлены решимость и дерзость и то, что вызывает уважение у людей, думающих о войске, как о чем-то крепком и едином, а потому, что ничего другого не оставалось тем, кто шел в войске, в немалой степени и тем, кто шел в обозе и тоже был настроен решительно и упрямо и не желал помирать и по этой причине действовал на солдат вполне в духе требований, нынче предъявляемых к ним, вызывая в них досаду и упрямство и частую неприязнь начальства, в особенности своего начальства, что тоже есть свойство русского характера и при случае более прочего способно возбудить в людях отчаянную решимость и стремление поступать противно сложившимся обстоятельствам. Странно, что иногда это удавалось и обстоятельства отступали, точно бы не в силах соперничать с субъективной волею человека, однако ж это, конечно, не так, и обстоятельства не отступали, лишь менялись, делались меньше приметны для того, кто норовил поспорить с ними. В любом случае, происходило противное естественному ходу событий, таинственное, приподымающее дух людей, связанных одной мыслью, одной целью, дух войска, уходящего все дальше на восток. Для Ивана и Антона этот дух виделся в генерале, во всем, что тот предпринимал в разной обстановке, иногда действительно удачное, подчас откровенно слабое, а еще в движении войска, что со стороны казалось неодолимым. Удивительное было движение, ни на что не похожее, лишь на течение мощной реки, остановить течение никому не по силам, тем более, людям хотя бы превосходящим числом и вооружением тех, кто шел в войске и сделался нынче не подверженным человеческим слабостям организмом, хотя бы и организмом войска.

Ни Дымов, ни Коромыслов, не умели сказать о том, что думали о войске, покинутом ими, но могли чувствовать ту таинственность, что исходила от движения войсковых колонн, и дивиться, и радоваться. И они нынче пользовались этой возможностью, благо, порой им, прячущимся от людей по глухим таежным местам, ничего не оставалось, как думать о своем недавнем положении в войске, которое поменяли, чтоб отыскать близких. Однако до сих пор не нашли, это угнетающе действовало на обоих, особенно на Антона, он точно бы потерял себя, очутившись вдали от войска. Тем не менее упорно в отличие от Ивана надеялся, что скоро все вернется на свои места. Случалось, говорил с непривычным для него смущением, ужимаясь в пле-

чах, точно бы от стеснения, от неловкости, становясь и вовсе маленьким, каким-то неправдашним в длинной, не по росту, кавалерийской шинели:

— Вот сыщу близких и опять подамся в войску и буду справно служить, покудова есть силы. Как я без войску, кто, так себе, вошь, любая гадюка раздавить желает... А средь солдат и я солдат, да сказывают, ишо лихой, отчаянности немалой. Иль не так?..

Он пытливо смотрел на Дымова, тот отводил глаза и не отвечал, ну, а если молчание делалось невмоготу, говорил, и тем вызывал лютую к себе злость со стороны Антона, потому что говорил о другом... Он говорил о том, что не намерен возвращаться в войско, а хотел бы жить с детишками и женой в сибирской деревне (мало ли их пораскидано?..), и жить по-людски, не зная про те страдания, которые он и подобные ему приносят людям.

Иван замечал злость в Коромыслове, но молчать не мог, с грустью думал, что раньше надо было бы прийти к этому решению, тогда, глядишь, Дарья с детишками не ушла бы невесть куда, а находилась бы нынче возле него и теперь бы вместе гадали, в какой деревне лучше осесть, чтоб не быть никому в тягость и чтоб не питали люди неприязни к нему. Иль он виновен в убийствах, что совершил на войне? Да нет, не он виновен, а то общее, свойственное людям на войне стремление к убийству тех, кто исповедует другую веру, и потому лишь достоин презрения и смерти. На войне убийство не рассматривается как убийство, скорее, как работа, пускай неприятная, все ж необходимая. Необходимая? Кому?.. Вот именно это, пускай и другими словами выраженное и сделавшееся в нем недоумением, когда ушел из войска и начал думать, отстранясь, о своей жизни, как, впрочем, о чем-то далеком и часто неугадливом, взволновало Ивана, смутило. Он долго пребывал в смущении, пока не убедился в живучести мысли, что пришла и, в сущности, была естественной для него, так и не научившегося относиться к убийству хотя бы и на войне, хотя бы и людей, противных ему по духу, как к работе. Он еще какое-то время обихаживал эту мысль, чтоб стала привычной, согласною с душевным состоянием, что нынче было смущенное и горькое еще и от невозможности отыскать Дарью с детьми, а потом сказал о ней Антону, несмотря на то, что догадывался: его суждение будет жестоко оспорено и бог весть чем грозит ему самому. Так, в конце концов, и произошло. Коромыслов сделался

неприятелем, только и ждал случая расправиться с ним. Впрочем, это не помешало Ивану, поменяв в одной из деревень солдатскую шинель на старую, но еще ладную, с парой-другою дыр по короткому обшлагу курмушку, надеть ее и теперь походить не на солдата, на человека с ружьем, что бог весть по какой нужде бродят таежными дорогами, чаще узкими и не для каждого зверя пролазными тропами. Антон с Иваном вначале не испытывали большой опаски и шли широким сибирским трактом, изредка отходя в сторону, когда хотели узнать, что там такое... приметное, шевелящееся, иль люди, идущие куда-то, уж не родимые ли сердцу?.. Приближались и видели, что это чужие люди, спрашивали о толпе баб с детишками и стариками и всякий раз получали непутевый ответ:

— Слыхали и про ее, болезную, да сами-то не видывали, а вот на другое че сполна нагляделись, иль сказать, иль нет?..

Так и шли Дымов с Коромысловым, влекомые все дальше горячим и сильным желанием встречи с близкими, что с каждым днем казалось жарче и нетерпеливее, словно бы снежный ком, обрастало, обрастало, пока не оборотилось в большое и тяжелое и во всякую пору ощущаемое чувство. Даже Антон, который и пошел-то с Иваном не потому, что так уж не чаял души в старухе с внучкою, а чтоб как-то поменять хотя на время, вот именно — на время, надолго не желал бы, обстановку, связанную с постоянным движением войска, что не было радостным, напротив, пугающе торопливым и гнетущим и уж ничему живому не подчиняющимся, но словно бы дьявольскому наваждению, сильному и обволакивающему людей глухой смутою, так вот, даже Антон почувствовал тягостный ком на сердце и уж не бросал искать старуху с внучкою и был упрям в своем намерении найти.

Попервости в деревнях не больно-то косились на Дымова с Коромысловым, скорее принимая за беглых, а не за людей из белого войска. Потом стали настороженнее и уж не смотрели как на беглых, пытались узнать, откуда и отчего бродят, таясь, да еще с винтовками, сибирской таежной стороною, уж не замышляют ли против мирного крестьянского люда?.. И про другое пытали, да с каждым разом строже, так что Ивану с Антоном ничего не оставалось, как не выходить и вовсе на сибирский тракт, придерживаться малых дорог и неходких лесных троп. Но и здесь не было покоя, скоро заметили, что слух о них невесть какими путями долетал до дальних заимок, и уж

везде с ними делались суровы, при случае ловчили посадить под замок, чтоб самим сбечь в деревню и позвать старшего. До поры Коромыслов и Дымов уходили от сторожей, все же начали соображать, что долго так продолжаться не может и надо что-то предпринять... стать осторожными, умелыми, заходить в деревни по великой нужде, и лишь в те, что малы людским числом и с виду точно бы заброшенны. А то, что в улочках калеки и старики, еще ни о чем не говорит, Дымов с Коромысловым уже поняли и не обольщались сонной, мирной тишиною, которая в первые дни мнилась им диковинной, а нынче взрывалась часто неожиданным образом, это когда при виде чужаков из деревенских изб, хмурясь и держа в руках увесистую палку иль железный прут, выходили мужики... Было их мало, и они не всегда оказывались настырны в спросе, случалось, подсобляли ломотком ли ржаного хлеба, кринкой ли молока... А случалось и вовсе диковинное, правда, лишь попервости, когда дозволялось им заночевать в заброшенной избе, где все на месте, непорушенное и непо243оманное, но где не пахло жилым духом, это вселяло в Дымова тоску, да и Коромыслова беспокоило. Сколько ж повидали на своем пути заброшенных изб, и тех, куда вселялись по доброй воле мужиков, и тех, куда залазили сами, выждав, когда ночь обернется полноправной хозяйкой над округой, а при первом же рассветном взблеске еще и не солнца, другого, состоящего из тугого, искрящегося воздуха, что вдруг запосверкивает, заиграет, да так весело, яростно, подумается Антону с Иваном, с недавнего времени, когда их крепко побили мужики, едва совсем не поломав, спасибо бабам, пожалели сердечных, крик подняли про окаянное убивство, может, и не повинных людей, только заблудших оттого, что потеряли в себе бога,— будто уж утро на дворе... И подымутся тогда и неслышно, мягко, точно воры, ступая на твердую землю, проскользнут во двор, а там поминай как звали...

Нет приязни меж этими людьми, хотя Дымов и желал бы, чтоб все было нормально и чтоб Коромыслов не сердился, не смотрел люто. Больно Ивану, не привыкшему видеть в людях недоброе, случалось, говорил Антону, что надо бы поменяться в отношении к товарищу. Но тот лишь посмеивался и отвечал, что не в его силах, не может глядеть на то, как скоро солдат, хотя и бывший, запамятовал свою службу и сделался мужик в курмушке. Противно и горько!

Антон отвечал так и, в сущности, был искренен, хотя понимал, что и Дымов мог бы сказать о погонах, которые он сорвал с шинели, чтоб не быть приметным и не злить челдона. Впрочем, тому наплевать, кто ты, белый ли, красный ли, все ж скажи, что белый, сейчас же посуровеет, и тогда жди беды... Челдон, по мысли Антона, и к красному, окажись тот на пути, был бы не больно-то ласков, уж такой и есть, ото всех претерпевший, злой... Да, Антон был искренен, его обижало, что Иван не испытывал никаких чувств, оказавшись вдали от войска, и не желал не про что помнить. Верно, что обижало, но делало бывшего товарища и вовсе чуждым Иванова ласковость, смущение при виде живого и трепетного, хотя бы и птенчика, издохшего по первому морозцу, а нынче сделавшегося камушком под ногами; видели тот камушек, лежал затверделый и жесткий посреди таежной тропы. Антон не приметил бы, да Дымов нагнулся, поднял, потом долго говорил про то, что камушек есть сгинувший птенчик, кто-то разорил гнездо, сбросил птенчика наземь, затоптал... Скорее, сделал так человек на войне. Вот и получается, что и птенцу война в муку. Иль не правда?.. И пошло, и поехало. Про многое говорил Иван, а выходило, что всему виною люди, лютость, идущая от них, когда б не она, мертвая, не легче ли было бы земле-матушке, которая исстрадалась за войну в ожидании своих чад, отвыкших и не понимающих ее большого материнского сердца? Иль не так?..

Да нет, не так, во всяком случае, для Антона, его понимание того, что происходит, есть понимание солдата. Трудно помыслить, что будет, когда война закончится и отпадет нужда в нем с его умением терпеть и не быть убитым, не говоря об остальном, что так дорого, ну, хотя бы об ощущении связанности со всем происходящим в мире. Он и не задумывался, что творилось в мире, но чувство того, что творилось не без его участия, это чувство жило и составляло немалую долю в том, что представлял из себя Антон Коромыслов.

— Да куды ж я без войны-то? — случалось говорил он.— Пропаду без войны...

Странно, он уж, пожалуй, не помнил о своей прежней жизни, которая была не на войне. Он помнил лишь те годы, когда являлся солдатом и жил с людьми, подобными ему, ни о чем другом не помышляющими, как только об исполнении воинского долга, не задумываясь, что это за долг и перед кем?.. Он так считал, что с людьми, подобными ему... Но стоило покинуть войско и вместе с Дымо-

вым начать искать старуху с внучкою, которые не были особенно близки, хотя нравилось сознавать, что нужен не только себе, как начал ощущать свою обязанность перед ними, а когда это ощущение исчезло, стал догадываться, что и на войне люди не все одинаковые, разные и на войне люди... Если бы не нужда, иль находился бы рядом с Дымовым, которому плевать на войско и на свою повязанность с ним множеством нитей? Да нет... Ушел бы от неприятного человека, потом рассказал бы о нем солдатам, и средь них непременно нашел бы понимание и одобрение своему поступку.

Бывало, и Коромыслов становился мечтательный и грустный, это в те минуты, когда вспоминал о службе в войске, а еще о том, как любил ходить в обоз и приносить старухе с внучкою поесть, и как те радостно, вместе заискивающе и по-собачьи преданно смотрели на него и ждали, о чем еще скажет... А он мог говорить о чем угодно, даже о том, что вот закончится война и он возьмет, и тогда будут жить вместе, он станет работать и сделается уважаем среди людей. Он мог говорить и об этом, правда, с тихой, едва приметной, в себе лишь, усмешкой, потому что не верил в это, а сказывал оттого, что старуха с внучкою любили слушать, и он не желал бы огорчать их...

Так они и шли, Иван да Антон, всяк думая про свое и не понимая друг друга, да и не стараясь понять. Изредка в опасной близости замечали красноармейцев, но счастливо избегали встречи с ними, привыкши умело и ловко превращаться в невидимых для стороннего глаза. Однако ж с каждым днем чувствовали себя все больше уставшими и уж, кажется, потерявшими надежду отыскать близких, но были упрямы и не хотели показывать слабости. Только оттого еще и продвигались вперед, что не желали уступать друг другу, даже Дымов, сроду не искавший ни с кем соперничества, и тот был не в своей тарелке, словно бы кто-то властный возвышался над ним и погонял нещадно, приказывал делать то, что в любом другом случае не сумел бы сделать. И он охотно подчинялся возвышающемуся над ним, это подчинение было согласно с душевной потребностью, которая шла от любви к Дарье и к детям и была сильнее других чувств.

Они счастливо избегали опасности еще и потому, что красноармейцы с приближением победы в затянувшейся на долгие годы и опротивевшей до смерти войне делались все беспечнее и уж редко обращали внимание на прячущихся по лесам и бредущих бог весть куда хотя бы и с погонами

на шинелях солдат. Но однажды им не повезло, это случилось на зимней степной дороге, близ священного сибирского моря. Уставшие, они медленно шли по дороге, не глядя друг на друга, что к тому времени стало привычкой, как вдруг увидели конных красноармейцев, человек десять. Те ехали навстречу и негромко переговаривались, а за спиною звякали, посверкивая на тусклом негреющем солнце и ударяясь металлическими частями о деревянное седло, короткоствольные карабины.

— Краснюки!..— побледнев, сказал Коромыслов и поправил на плече винтовку.

— Пропали! — произнес Дымов.— Бежать надо, постреляют!..

— Бежать? Куда?..— скривил губы Коромыслов и сорвал с плеча винтовку.

— Ты чего?..— с испугом спросил Дымов. Антон удивился, точно бы ожидал другого, не испуга, столь откровенно проявленного Иваном. Помедлил, словно бы переваривая это, на самом деле думая о собственном положении, которое при неожиданной встрече с красными показалось жалким. «А отчего? Отчего?..— спрашивал у себя.— Иль впрямь я не могу обойтись без старухи с внучкою? Кабы так!.. Но тогда отчего? Отчего?..» Странно, что не мог найти ответа, хотя в данном случае было бы естественно — найти, ответ не так уж далек нынче, вот он, рядом, поднапрягись, Антон, и возьми, что же ты?.. Но нет, иное уж в голове у Коромыслова: «Краснюки поганые повинны в том, что я, ошалев, сбежал из войску и мыкаюсь. А что я без войску-то? Что?..» И уж не было сил сдерживать яростное, ненавидящее, к тому ж красные конники заметили их и начали срывать с плеча карабины, а скоро послышались выстрелы, пока еще предупреждающие, чтоб не двигались с места, дожидались. Но Антону уже все равно, на сердце только ненависть и, подчиняясь ей и чувствуя в подчинении сумасшедшее, радостное, ни богу, ни дьяволу не подвластное, он прижал приклад карабина к плечу, прицелился, выстрелил, и пуля оказалась не напрасно выпущенной. Коромыслов заметил, как один из красноармейцев завалился в седле, дергаясь в каком-то бесшабашном и сумасшедшем танце, сполз на землю, но и тогда не умел успокоиться...

Антон передернул затвор — резкого и короткого щелчка, характерного для досыла патрона в патронник, не последовало. Понял, что расстрелял весь боезапас, но не поменялся в лице, было маленькое и колючее и, казалось,

одухотворенное одной яростной идеей, про которую не знал, но догадывался, сколь удивительна. Взял карабин на руку и пошел навстречу красноармейцам, что вдруг сделались неподвижны и с жестоким недоумением смотрели на него, маленького, в длинной кавалерийской шинели. Солдат шел в свою последнюю атаку, и ничего не хотел, как только хорошо исполнить все то, чему учили.

Иван застыл на месте и напряженно смотрел в ту сторону, где находились красноармейцы, и, точно бы умоляя их о пощаде и понимая, что пощады не будет, шептал что-то, шептал, и сам не зная что... По щекам текли слезы, глаза были неподвижные, страшные, уже увидевшие пред собою противоестественное живому человеческому духу, леденяще холодное, смертное.

20

Корнет Бельский, военная косточка, благополучно дошел до Верхнеудинска с частями белого войска, которое, впрочем, лишь с натяжкой можно назвать войском, это было что-то другое, может, скопление людей, не объединенных одной целью, но со все еще не угасшим интересом к собственной судьбе и к тому неподвижному заледенелому телу, что лежало в гробу и сохраняло облик генерала. Они несли тело командующего на плечах и имели право знать, что случится с ним, будет ли по-божески предано земле, нет ли, а если будет, то где?..

Бельский расположился на постой вблизи Одигитриевского собора, в котором уже не служили службу: ревкомовцы прогнали священнослужителей и не подпускали к божьему храму верующих,— вместе с оставшимися в живых артиллеристами из батареи Тернового, в старом деревянном двухэтажном доме с аляповатой лепкой на подоконниках. Дом, кажется, принадлежал состоятельному горожанину, по случаю революции изгнанному с отчего подворья. Впрочем, скоро Бельский убедился, что это так. Выйдя на крыльцо, встретил ясно и откровенно светящегося радостью, древнего, с узкой рыжей бородкой, благообразного хитренького старичка, он и оказался хозяином обширного подворья со всеми домашними постройками.

Старичок увидел корнета, росту примерно такого же, как и он сам, невысоконького, с ясным сытым лицом, и почувствовал в нем близкое себе по духу, заговорил о том,

что волновало, о своем ожидании белого войска, которое, слава те господи, пришло и прогнало окаянных, что отняли все у него и обратили в нищего, без копеечки в кармане...

— А я с утра сижу на конюшенном у окошечка зарешеченного и слышу: бух-бух-бух... Стреляют, значит! Ну, думаю, идут избавители от нехристей. Ну и молюсь, бьюсь лбом о стеклину, заклинаю господа нашего смилостивиться над русским воинством и подсобить им, наказать нечестивцев!.. Вот и вышло по-моему, вот и ладно!.. Будем жить, как и встарь, своими трудами и разуменьем божьим, без воровства, без анчихриста, иль не так?..

Бельский усмехнулся:

— Так, так... Иди, принимай хозяйство.

Но стоило старичку открыть дверь в сени и ступить на изжелта-белый, мастерово и надежно уложенный пол, как Бельский сказал:

— Не забывай, милейший, через день мы выступаем...

— Как... выступаем?

— Уходим, значит.

Старичок сник, исчезла прежняя, светящаяся в каждой черточке узкого смуглого хитренького лица радость, скучное сделалось, пуще того постаревшее, спустился с крыльца, вяло одолевая круто упадающие ступеньки и бормоча:

— В таком разе я опеть пойду на конюшенный, к окошечку зарешеченному. О, господи!..

Корнет со злой, безжалостной усмешкой наблюдал за старичком, а сам думал про смутное, тревожащее невероятностью. Ах, отчего же невероятностью? А разве нет?.. Естественно ли ему, офицеру русской армии, переметнуться на другую сторону и забыть все, что было прежде? А что было?.. Рука с сабелькой и отменный строевой конь под ним и бегущий работный люд с глазами, со страху сумасшедшими, жалкими?.. Но ведь сабелька-то это в самом начале похода на Восток, нынче же все в пешем строю, точно он не кавалерист, а так себе... Иль не обидно это, иль не обидно знать, что многие сверстники повластвовали, показали себя, а он?.. Вспомнить-то неприятно, палочка-выручалочка при подполковнике Алмазове, скажет, властный, соверши то, убей этого, шел и исполнял... А что, отказать подполковнику, потом и самому очутиться в канаве с проломленным черепом?.. Тяжко!.. Оттого, наверное, в голове и мысль, тревожащая невероятностью, которая, однако ж, с каждым часом делалась все свычнее с его теперешним положением. А почему бы и нет?.. Иль не унижали его хотя бы и в белом войске, не давая выде-

литься, словно бы он уступал другим, был слабее духом? Да нет же, нет!..

Бельский так и этак прикидывал и уж не видел особенное в том, что происходило с ним, в душе, где, впрочем, не отыскалось ничего, схожего со смутой, а намерение, что собирался, пока нерешительно и с опаской, осуществить, было холодно и рассудочно, в душе тоже словно бы все затвердело и через эту затверделость едва проглядывали холодные и упрямые чувства. Средь них угадывались удивление и досада, одинаково ослабленные рассудочностью, все ж и в ослабленном виде неприятные, хотел бы прогнать их, да не умел, точнее, не в силах был прогнать, и сердился на себя, ругал...

Бельский, спустившись с крыльца, пошел к Одигитриевскому собору, посверкивающему высоко поднявшимися над городом и медленно горделивыми, как бы понимающими про себя особенное, ослепительно белыми на фоне синего вечернего неба, увенчанными сверху крутым зеленоватым куполом, толстыми колоннами. Недолго стоял пред широким, строго и буднично распахнутым входом, поднялся по мелким, холодно отливающим каменной стылостью ступенькам и прошел к алтарю, никем не сопровождаемый, с шапкой, зажатой под мышкой, и остановился, напружиненно оборотясь к ликам святых. Лики казались знакомыми, вон тот, с краю хотя бы, иль не похож на светлоглазого рабочего паренька, принявшего смерть от подручных подполковника Алмазова, тот тоже смотрел с грустью и устало, точно бы в последние минуты жизни понял про нее такое, о чем никто из живущих не догадывался, и это угнетающе подействовало на него, отчего и сама смерть сделалась не страшна. Он вспомнил паренька, но не смутился, не свернул с дороги, которой намеревался пойти, такое было бы удивительно, когда бы касалось кого-то еще, не Бельского. Он искренне полагал, что ни в чем не замешан и всякую свою вину, про которую люди сказали бы, что немалая, считал шалостью или глупостью, впрочем, и сотворенную не по его воле, а значит, малого отношения к нему не имеющей. Легкость, с которой смотрел на жизнь, была естественной, в сущности никогда не знал тягостных сомнений, а те колебания, что все же случались, были далеки от сомнений и часто сопровождающих их переживаний. Бельский вспомнил о светлоглазом пареньке и о подручных подполковника Алмазова точно так же, как если бы те не имели с ним ничего общего, вспомнил, глядя на лики святых и норовя настроиться на

тот душевный лад, что был знаком по чужим рассказам, а нынче думал, что и к нему снизойдет. Но так и не дождался, собирался уйти, как вдруг заметил на противоположной стене длинные скользящие тени, замер и не сразу обернулся. Когда же наконец хватило духу обернуться, увидел хмурых бородачей с обрезами в руках и тотчас стал ясен и тверд, то есть не ведающий колебаний и сомнений, каким чаще и бывал. Не мешкая, сорвал с плеч погоны и бросил чуть ли не с брезгливостью на приятном лице к ногам тех людей и громко сказал, вскидывая голову и прищурив глаза, точно бы решившись на необычное:

— Я с вами, товарищи!..

В самом деле, необычное, именно теперь мысль об этом пришла в голову, но не испугала и не смутила, словно бы находилась в согласии с той странной закономерностью, про которую ничего не знал, но которая, судя по всему, двигала его поступками. Он подошел к бородачам, и те без удивления приняли его. И тут же (неприятно, черт!) он отчетливо увидел жилистого скуластого капитана, не сразу догадался, что это Терновой, так тот сделался нынче далек, услышал резкий, насмешливый голос, произнесший по слогам:

— Злой маль-чик!..

Услышал и побледнел, обронил вслух, вызвав недоумение у тех, кто нынче был рядом с ним:

— Сам ты... Сам!..

Но сейчас же замолчал и виновато посмотрел на бородачей и сказал про то, что оказалось причиной его волнения, отыскивая ее в усталости, в том, что не спал двое суток...

Его без удивления приняли партизаны, которые нынче пришли в Одигитриевский собор по каким-то своим делам. Из этого вытекало, что перебежки солдат есть привычное для красных действо, ну, а легкая настороженность, что все же чувствовалась, исчезла, как только корнет, теперь уже бывший, ничего не устаивая, заговорил о войске, вступившем в Верхнеудинск. Партизаны выслушали и были довольны, а потом ушли в дальние приделы собора. Бельский опять остался один. Чуть возвышаясь над ним, висели лики святых и смотрели. Он почти физически ощущал их взгляд, но ничего не испытывал, кроме недоумения. Привычное для Бельского дело в том смысле, что никогда ничего не преувеличивал и жил в строгой подчиненности от всего, что представлялось реальностью: служба в войске, почти болезненный и часто удовлетворяемый

интерес к тому, что совершалось в застенках у подполковника Алмазова, отлучки в обоз, которые не были редкими, однако ж и частыми тоже не были, с тем, чтобы отыскать на ночь женщину, поднаторевшую в любви, или девицу, ни в чем не замеченную и тем привлекшую внимание корнета. Все, что не являлось реальностью и существовало в другом, незримом мире, не интересовало его. Он, случалось, утверждал, что ничего такого и нет. Когда же представлялась возможность убедиться в обратном, не спорил и охотно соглашался, что, наверное, и там что-то есть. Но говорил об этом, как о призрачном, далеком, оставаясь совершенно спокойным и безразличным к тому, что у другого вызвало бы удивление, и восторг, и радость...

Святые смотрели на него, и Бельский морщился. Если бы обладал воображением, растерялся бы и не знал, что делать. Но воображение ничего не подсказывало, держа в прежней строгой подчиненности по отношению к жизни, которая только и управляла его поступками даже и в те минуты, когда страсти, чаще злые, не подчиняющиеся ничему, хотя бы и стремлению соблюдать правила, придерживаться их, норовили взять верх над другими чувствами.

Пришли партизаны и сказали, чтоб он находился в соборе до утра вместе с ними, на заре появятся люди, и тогда все они постараются что-то предпринять... Они осторожничали, не хотели говорить о многом, но это не расстроило Бельского, ничего другого не ожидал, был доволен и тем, что не отвергли, а уж он постарается стать полезен, ему нельзя по-другому, он непременно покажет себя и возвысится, пускай и над ними, обыкновенными работными людьми, впрочем, едва ли не такими же, что в немалом количестве были и в белом войске, только с иными мыслями, которые в любом случае не есть благо, а лишь разъединяющее, горькое...

— Хорошо,— сказал Бельский.— Я подчиняюсь. Поверьте, не подведу...

Говоря так, он был искренен. Вдруг осознал, что с самого начала понимал в себе мысль, которая упорно твердила, что ему, Бельскому, все равно, кому служить, белым ли, красным ли, его мало интересовала сама идея, разделившая людей, поломавшая все в их жизни, но для многих так и оставшаяся холодной, не принятой, а если и принятой, то скорее рассудком, подсказывающим, что иначе нельзя, находясь на обочине, не проживешь, раздавят не те, так другие, иль третьи... Но Бельскому было не все равно, в какой роли служить, подчиняясь ли иль, напро-

тив, стоящим над другими и диктующим свою волю. А он нынче полагал, и пришел к этому не благодаря тому, что долго раздумывал и мучался, просто вспомнил три или четыре дошедших до его нелюбопытного ума примера, когда офицеры, чаще младшие, перейдя в Красную Армию, назначались комдивами, а то и командармами, что и он, находясь на службе у Советов, будет властен над людьми и принесет немалую пользу себе и Отечеству. Он так и подумал: себе и Отечеству, не разделяя их, но и не меняя местами, отмечая в такой последовательности утешительное, ласкающее слух.

Бельский не ошибся в предположениях. Когда солнце, едва выблеснув тонкими лучами, коснулось вершинки собора, вызолотив тусклые поутру, высоко взнявшиеся над землей, точно бы плывущие над нею, ни к чему не касаясь, осиянные святой благодатью кресты, он вышел вместе со всеми: и с теми, кто ночевал в приделе, и с теми, кто появился в предрассветье,— на подворье. Спустя время строго по плану, едва ли не единственным автором которого он оказался, начался бой. Преимущество в нем, пока белые не опомнились после ночи, впервые за долгое время проведенной в избяном тепле, имели партизаны. Бельский не дожидался, когда его подымут и дадут власть над людьми, сам начал искать власти, сделавшись дерзким и умелым, и совершенно незаметно для партизан, но в четком согласии с собственным душевным настроем стал командовать. И партизаны не противились, признали за ним право распоряжаться ими и решать боевые задачи. Бельский внутренне возликовал, но не показал виду, с еще большей настойчивостью стал требовать исполнения приказов, которые нравились не только потому, что сам отдавал их, а еще и потому, что были как раз то, что надо. Малейшее отклонение от них, Бельский понимал, поломало бы ход боя, и партизаны понесли бы потери. И то, что приказы были как раз то, что надо, наполняло Бельского глубоким удовлетворением. Нынче в нем жило сладостное ощущение власти над людьми. Что за диковинное ощущение! Он точно запамятовал совершенно, что из себя представлял прежде, словно бы не являлся корнетом, человеком с узкими и опалыми, верно, недоразвитыми плечами и с головою, что и себе иной раз казалось непомерно большой, хотелось поскорее сделать так, чтоб люди меньше обращали внимания на очевидное несоответствие между его плечами и головою, которая невесть почему еще держалась на слабой и тонкой шее.

Бельский упивался ощущением власти и старался совершить нынче необыкновенное, чтоб поразить не только партизан, а и себя, но, несмотря на значительный успех, достигнутый ими, все ж это был закономерный успех, ничего необыкновенного за ним не стояло, лишь неожиданные и умелые действия людей, руководимых бывшим корнетом. Но вот белые опомнились и сориентировались, приняли меры защиты, а потом и уничтожения партизан. Впрочем, до уничтожения дело не дошло. Когда стало понятно, что белые части начинают теснить партизан, те быстро отступили за черту города. Вместе с ними ушел Бельский, и уж в войске никто не поминал про него.

Части белых, оттеснив партизан, в то же утро выступили из города. Их было немного, тысяч пять вместе с мирными жителями, кто шел в обозе и не был еще убит злыми партизанскими пулями и не сломлен болезнями. Солдаты и офицеры все так же несли на плечах гроб с телом генерала, сменяя друг друга, когда тяжесть делалась невыносимой. Они шли по широкому снежному тракту в суровом молчании, никто не нарушал его, у тех, кто шел, не возникало желания говорить, всяк был углублен в себя, в то мучительное и горькое, что жило в душе, именно так — мучительное и горькое. И уж ничего другого там не оставалось, как только это. Всяк думал с обидным сожалением, что вот он уходит, а то, что дорого, все отдаляется, и, кажется, уж не упадет обратной дороги к тому, что покидается. «Неужто и впрямь навечно?..» — спрашивал солдат у себя и не мог ответить, становился еще мрачнее и суровее, а на сердце меж тем творилось другое, там сквозь мучительное и горькое просвечивало что-то, точно бы лучик небесный соскользнул с вышины и коснулся измаявшегося сердца. Был тот лучик теплый и ласковый, навевал воспоминания про давнее, неизбывное — про близких ли, про отчую ли землю. Эти воспоминания у каждого особенные, со множеством ведомых лишь ему деталей. Не хотелось бы, чтоб исчезли, не дав насладиться ими хотя бы и напоследок.

У каждого из них было свое, но в чем-то единое для всех, может, потому, что воспоминания точно бы спускались с высокого забайкальского неба и уж потом становились глубоко личностными, никому больше не принадлежащими. А небо поутру большое и ясное, темного пятнышка не увидишь, хотя вчера было насквозь продуваемое сильными ветрами, что гнали разодранные облака к дальним гольцам. Небо нынче как бы очистилось, только от-

чего-то чистота эта смущала людей, не грела...

Но вот воспоминания, что жили в каждом человеке, начали понемногу отдаляться, пока не исчезли совершенно. И тогда люди оглянулись и ничего не увидели, кроме усталых товарищей, а в небе тоже ничего не было, одна пустота. Пуще того сделалось мучительно и горько, все ж в колоннах строй не сломался, люди продолжали идти тем же тяжелым шагом, и обреченность, что зримо проступала в них, стала единой для всех, но она не могла поломать силу духа этих людей. Они с упорством необычайным шли все дальше и дальше на восток...

Григорий **ВИХРОВ**

ОТВАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Наши бабы уезжают за моря,
До свиданья никому не говоря.
Улетают голубицы за холмы
И без устали бросают якоря
в царстве гольного разврата и чумы.

Вот с товарищем заморим червячка —
Наши бабы... Наши власти... Наши дни...
И потопаем трудиться в ВЧК,
чтоб надолго нас запомнили они.

За кордоны, за рогатки... на рожон
Эх, попрем и содрогнется белый свет.
Привезем ручною кладью, багажом
Наш святой коммунистический привет.

Собирайся-ка по-быстрому назад.
Да не меть французской туфелькой под дых.
Мы затеяли достроить город-сад.
Не хватает комсомолок молодых.

Славной коннице Буденного — «ура!!!»
Слышу сабельки во кузнице куют.
«Подмосковные (душевно) вечера»
Перелетные красавицы поют.

Осторожно приближается зима
И не скоро ожидается весна.
Ухмыляются сошедшие с ума,
И рыдает сумасшедшая страна.

□ □ □

Кипит крамольная «Коммуния»,
Частушки лихо сочиняет.
Вождя измученная мумия
в гранитном доме почивает.

Года — пустые понедельники
Идут галопом и вразвалку.
Его соратники-подельники
Легли, счастливые, на свалку.

Они в родной смоле купаются,
Чертей-надсмотрщиков ссорят.
Что на земле — грешат да каются,
Позорничают и позорят.

Душа бесхозная скитается,
Не попадая к адресату.
Не вечно ж в карауле маяться
Его пригожему солдату.

...Над обихоженной могилою
Симбирский соловей выводит:
Народ покойного помилует —
На Суд, сердечного, проводит.

ПЕСНЯ БЕЛОКАЗАКА

Эх, ты, мое время —
Маковое семя,
Красное поле, дорогой угар.
Угорела голова,
Прогорело темя.
Подхвати-ка песню, грозный комиссар.

Комиссар гордится, комиссар косится,
жирною тужуркой черт те как скрипит.
Комиссар-«товарищ», а где ж твоя станица.
А где ж краса девица по тебе не спит.

Комиссар хороший привечал по-свойски,
отвечал, любезный, пулею в живот.

— Заливайся, милый, о казачьем войске,
подыхай подольше — до свадьбы заживет.

Умирать не тяжко, воскресать отрадно
в сыновьях и внуках братьев и сестер.
Не успели — правда, не сумели складно
Плюнуть на хваленый мировой костер.

Нет тебе станицы, нет тебе девицы,
Нет живого храма на моей крови.
Эх, ты, мое время — маковое семя,
Душу прогневило... Бога не гневи.

□ □ □

Не горжусь своим чертогом,
Не хвалю своих лачуг.
Я под небом и под Богом
Сам себе — сам-враг, сам-друг.

Буйным сердцем, духом голым
Запою, не удержусь
И пред божеским престолом
Бедности не устыжусь.

Кто приносит клад несметный,
Кто последнюю слезу.
Вишни радости заветной
Покаянно принесу.

Дольше жизни, чище света,
вышедшего из огня,—
Радость доброго привета
Ненавидящим меня.

Александр **ЛИТВИНЦЕВ**

Я ВСПОМИНАЮ

Знание о зле — благо.
Те, кто познал истину о зле,
не имеют права растерять ее,
не довести до других.

А. Адамович

Кто не помнит своего прошлого, осужден на то, чтобы пережить его вновь.

Д. Сантаяна

Окончив школу крестьянской молодежи, я по рекомендации райкома комсомола был направлен в конце 1933 года на службу в милицию. Мне только 16 лет. В 1935 году прошла реорганизация — ОГПУ было упразднено и создан наркомат внутренних дел (НКВД СССР). В него вошли пограничные и внутренние войска, разведка, управление государственной безопасности, лагеря, тюрьмы и милиция. Таким образом, я автоматически оказался в штате НКВД.

Такова внешняя канва жизни. Каковы мои убеждения? Разумеется, я верю, особенно поначалу, той идеологической пропаганде, которую слышу с утра до вечера: о врагах народа, право-троцкистских центрах, вредительских актах, классовочуждых элементах. Народная мудрость гласит: беда не приходит в одиночку. Вслед за крестьянским геноцидом вскоре пришел в мой район кошмарный террор 1937—1938 годов, который обрушился на все слои населения. Но главный удар все же был направлен против партийно-государственных работников, военных, деятелей науки, культуры. Прозрение ко мне пришло позже, в зрелом возрасте. А тогда я стал свидетелем вот каких событий.

* * *

Начальник райотдела НКВД, в котором я служил, капитан государственной безопасности Малышкин находился в длительной командировке в краевом управлении НКВД и вернулся лишь к началу января 1938 года, награжденный орденом Красной Звезды и ружьем. На второй день Малышкин созвал совещание оперативного состава НКВД и милиции, на котором сообщил: «Перед отъездом из краевого управления я был на приеме у на-

чальника УНКВД, комиссара госбезопасности третьего ранга Хаустова, который сказал, что правотроцкистским центром созданы в каждом районе контрреволюционные кулацко-повстанческие организации. По имеющимся в управлении данным, в нашем районе контрреволюционная организация насчитывает не менее двухсот членов, которую нам надлежит ликвидировать в кратчайшие сроки. Далее Малышкин говорил, что мы запоздали с выполнением этой задачи на год и теперь надлежит упущенное наверстывать и работать дни и ночи. Он поставил перед оперсоставом конкретную задачу: просмотреть все имеющиеся в райотделе материалы, в том числе архивные, и составить справки на всех кулаков, причастных в 1921 году к кулацкому восстанию, а также на примыкавших в прошлом к антисоветским политпартиям, исключенных из ВКП(б) по политическим мотивам, ведущих антисоветскую агитацию, колчаковцев, церковников, «бывших людей» (царская аристократия), и т. п. Справки должны были стать основанием для ареста.

В течение трех-четырех суток было составлено около тридцати таких справок, в которых указывались биографические данные и суть компрометирующих материалов. На их основании сделали стереотипные постановления на арест. В качестве мотива выдвигалось обвинение—кулак, эсер, участник повстанческой организации и т. д. В постановляющей части указывалось одно и то же: «На основании приказа НКВД СССР № 00447 подлежит аресту и содержанию в тюрьме по первой категории». В левом верхнем углу написано: «Утверждаю, нач. УНКВД края», в правом верхнем углу — «Арест санкционирую, прокурор края». Справки и постановления подписывал начальник РО НКВД.

Приказ НКВД СССД № 44447, на основании которого арестовывали, я не читал, с ним знакомили только руководящий состав НКВД, но все догадывались, что он обязывает проводить массовые превентивные аресты. «Первая категория» тюремного режима означала отнюдь не льготы, она лишь ужесточала надзор за арестованным опасным политическим преступником, к которому могла быть применена высшая мера наказания — расстрел. Были ли другие категории заключенных, я не знаю, но, судя по тому, что были тюрьмы для особо опасных политических «преступников», как например Суздальский политический изолятор, таковые категории существовали.

Прошла неделя, и постановления со справками на арест, подписанные начальником управления НКВД Хаустовым и крайпрокурором Закатовым, заверенные гербовыми печатями, вернулись в райотдел. В тот же день согласно постановлениям были выписаны ордера на арест. И аресты начались.

За каждым оперативным работником начальник райотдела закрепил определенное количество арестованных для ведения

следствия, если только это можно назвать следствием, ведь никакого расследования ни по одному арестованному не проводилось. Перед оперсоставом начальник РО НКВД поставил задачу: добиться признания у арестованных совершения ими какого-либо контрреволюционного преступления, то есть «получить показания».

* * *

«Получают показания» арестованных по-разному. Помню, например, как начальник РО НКВД Малышкин допрашивал арестованного судетского чеха Эмиля Пыжичка, инженера-строителя по образованию, исключенного из членов ВКП(б). Пыжичек в 1925 году перебежал из Чехословакии в СССР как якобы преследуемый властями Чехословакии за революционную деятельность. Он член КПЧ. Но при проверке через исполком Коминтерна оказалось, что Пыжичек не являлся членом партии и его партбилет поддельный. Допрос Пыжичка длился месяц, с 10 часов утра до ночи ежесуточно с перерывом на завтрак, обед, ужин и сон. На первом же допросе Пыжичек признался, что является агентом германской разведки, и началась подробная запись обстоятельств его вербовки, переброски через границу, практической шпионской деятельности — сбора сведений о военно-промышленном потенциале СССР, армии, явках, шифре... Показания составили целый том. Из них можно было заключить, что последние несколько лет Пыжичек изменил убеждения, прекратил шпионскую деятельность и теперь укрывается от связников, боясь разоблачения. На протяжении всего допроса Малышкин не применял к Пыжичку никакого физического воздействия, даже не повышал голоса. Мне это хорошо известно, потому что по роду службы я частенько бываю в его кабинете днем и ночью, к тому же наши кабинеты находятся рядом. Можно сказать, что Малышкин при допросе Пыжичка не нарушал норм УПК РСФСР, если не считать самого факта ночных допросов.

Иначе ведет допросы арестованных старший оперативный уполномоченный РО НКВД Бондин. У него в кабинете круглосуточно стояли по десять-пятнадцать арестованных, стояли лицом к стене с поднятыми вверх руками. У некоторых через несколько суток так распухали ноги, что не вмещались в обувь, и арестованные стояли босыми, в носках или портянках. Я не знал, как относиться к Бондину. Я преклоняюсь перед революционным подвижничеством, перед его ненавистью к врагам, но все чаще меня точит червь сомнения. Однажды я узнал о готовящихся документах на арест мужа моей крестной — тети Оли, любимого учителя и друга отца. У меня появилось желание спасти их от гибели, предупредив о грозящей опасности. Но не хватило уверенности в правоте такого поступка.

Как-то в конце января, ночью, я стал невольным свидетелем, как Бондин зверски избитого им и

потерявшего сознание арестованного выволок на крыльцо, бросил в снег, а потом окатил ведром воды. Арестованный Заботин был бос, в одной рубашке, а морозы стояли сорокоградусные. После этой процедуры Бондин поволок несчастного в кабинет продолжать допрос. В чем же преступление Заботина? Он колхозник, этакий балагур и потешник, какие есть в каждой деревне. Арестовали его за шутку восьмилетней давности. Однажды он сказал, показывая на похороны за окном: «Вы спрашиваете, что такое темпы? Сейчас везут одного покойника в день, а к концу пятилетки повезут десять. Вот это и будут темпы».

У Бондина дают показания все без исключения. Правильнее было бы назвать их «пыточные показания». Попавшим в его руки людям даже смерть кажется желанной. Все такие «показания» схематичны и похожи друг на друга. В них содержится «признание» арестованных в том, что они являются участниками такой-то контрреволюционной организации, завербованы в нее таким-то и тогда-то, что сами завербовали в эту организацию столько-то человек.

О Бондине мне известно, что он в прошлом уральский рабочий, служил на границе в особом отделе ОГПУ, закончил специальную школу, в район прибыл в 1936 году, является секретарем парторганизации райотдела и членом райкома партии. На партийных собраниях выступает с патриотическими речами, призывает овладеватЪ марксистско-ленинским учением. Особенно любит Сталина. Высокого мнения об органах ВЧК, ОГПУ, НКВД, говорит, что они спасли революцию. Борьбу с «врагами народа» называет великой задачей, а великая задача должна рождать великую энергию. С одной стороны, вот такие слова, а с другой стороны — зверства. Мучительно пытаюсь его понять: кто он, максималист, или у него просто дефицит ума и совести.

Только отдельные арестованные не дают «показаний» и у другого следователя — начальника отделения уголовного розыска сержанта милиции Шальнева. В методах допроса он ни в чем не уступает Бондину. Однажды я слышал, как он зверски избивал глуповатого, тщедушного мальчишку лет восемнадцати. Шальнев требовал, чтобы он признался в том, что является участником правотроцкистской организации (во что сам, безусловно, не верил). Мальчишка плакал и лепетал, что он «трахтаристом никогда не работал, хоть у кого спросите». Я знал этого мальчишку до ареста и представить его в роли преступника, тем более политического, было невозможно. Шальнев выбил у него передние зубы, из ушей текла кровь, лицо — сплошные кровоподтеки.

Я догадывался, что руководило Шальневым, — трусость. Мобилизованный Шальнев служил три месяца в армии Колчака, а затем дезертировал. Когда он узнал, что колчаковцы подлежат аресту, то насмертЪ перепугался и ходил совершенно потерянный. Мне жаловался: «Разве я и другие вино-

ваты, что их мобилизовали?» Я пытался его успокоить, говорил, что раз он был мобилизован, значит, никакой его вины в этом нет (правда, для того, чтобы быть арестованным, не нужно даже и такой «вины»). Но я все-таки подбадривал его, надеясь умерить служебное рвение. Но Шальнев лез из кожи, нещадно избивал арестованных, «доказывая» свою преданность партии и советской власти.

Кстати, о втором туре арестованных: по нему арестовывали людей еще больше, чем по первому. Первую партию уже отправили в тюрьму. Арест второй партии оформлялся по тому же шаблону, но основывался исключительно на «показаниях» ранее арестованных. Двух «показаний» было достаточно для ареста невиновного человека. При этом никакие противоречия и нелепости в расчет не принимались. Например, арестованный А показывает, что он завербовал В в таком-то районе, в такое-то время, а В. приехал в этот район позднее вербовки на два года и ранее никогда в районе не бывал. Или арестованный Г показал, что он служил в белой армии в чине полковника, а ему к началу гражданской войны исполнилось только пять лет...

В этой трагической ситуации странным образом вел себя оперуполномоченный сержант госбезопасности Старшинов. Он молод, холост, беспечен, весельчак, гармонист и плясун. В райотделе служит третий год, ведет себя так, словно ничего не происходит. У него ни один из арестованных из первого и второго туров не давал «показаний». Однако заходишь к нему в кабинет — Старшинов делает вид, что допрашивает строго.

Мне непонятна позиция начальника РО Малышкина. Он никак не реагирует на крайности: и на преступные методы допросов, и на пассивные. Похоже, что все пущено на самотек, но самотек страшный. Кажется, какая-то бездушная машина-мясорубка приведена в движение скрытым механизмом, и она автоматически перемалывает людей — всех, кто попал под руку. Малышкин, закончив дело на Пыжичка, допрашивал от случая к случаю, при этом по-прежнему не допускал насилий. Он составлял главным образом протоколы допросов на тех арестованных, из которых «признания» выбиты другими, оформлял дела, составлял обвинительные заключения, повестки для тройки.

* * *

К середине июля покончено со вторым туром арестованных. Все они этапированы в краевую тюрьму. К концу июля заготовлены документы на арест третьей партии людей. Их обвинения также основывались только на пыточных показаниях. Документы на арест в краевое УНКВД были отправлены нарочным. Надо заметить, что через канцелярию, которой я заведовал, проходила не вся почта. Пакеты с грифом «совершенно секретно, серия «К», вскрыть лич-

но» получались только начальником райотдела Малышкиным или его заместителем Бондиным и хранились в сейфе начальника.

Однажды Малышкина срочно вызвали домой. Он заспешил и забыл закрыть сейф. Я, грешник, решил полюбопытствовать. Сейф был доверху набит бумагами. Меня привлекла лежащая сверху повестка для заседания тройки на первую партию арестованных. Она состояла из трех колонок: первая — фамилия, имя, отечство, год рождения, другие анкетные данные; вторая — состав преступления; третья — решение тройки. Я подсчитал решения. Оказалось, что только против фамилий трех человек красным карандашом стояла цифра «10» (10 лет тюрьмы), а против всех остальных — буква «Р» (расстрел). Меня охватил ужас, когда я прикинул, что все это значит. Ведь каждая партия арестованных возрастала с арифметической прогрессией, новые партии кандидатов на арест могли быть в 5—10 раз больше предыдущих. Эта кошмарная цепная реакция может длиться до тех пор, пока участники репрессий не посадят сами себя. Но что можно предпринять в такой обстановке? Ума не приложу.

* * *

Третьего августа вернулся нарочный. Он сообщил, что к нам на днях приедет комиссия, которая привезет документы на арест следующей партии людей. Вскоре прибыла комиссия в составе зав. отделом крайкома ВКП(б) Крохалева, начальника отдела УНКВД края Карельских, двух сотрудников УНКВД. Карельских провел закрытое совещание с оперативным составом РО НКВД, на котором присутствовал и Крохалев. На второй день созвали пленум РК ВКП(б) (я находился в охране пленума).

С кратким докладом о ходе выполнения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в районе выступил заведующий отделом крайкома партии Крохалев. Он говорил о напряженном международном положении СССР, о «пятой колонне», об усилении бдительности. Затем заявил, что в районе крайне неудовлетворительно выполняется решение февральско-мартовского пленума ЦК. «Недопустимо медленно выкорчевываются вражеские гнезда. Всего на сегодня обезврежено только семьдесят врагов народа. Чем же можно объяснить, что до настоящего времени не арестованы секретарь райкома и председатель райисполкома, эти правотроцкистские выродки? Такое положение объясняется только тем, что начальник райотдела НКВД Малышкин занимает в районе двурушническую позицию».

Далее Крохалев говорил о том, что враги народа не дремлют, а подрывают экономику, оборонную способность нашей Родины и приказал Карельских арестовать секретаря райкома Степанова и председателя РИКа Бабкина. Оперативные сотрудники, прибывшие с Карельских, и Бондин тут же, на пленуме, арестовали их и увели в КПЗ. В заключение Кро-

халев объявил: «Начальника РО НКВД Малышкина я снимаю с занимаемой должности как политического двурушника, пробравшегося в партию и органы НКВД». По предложению Крохалева был избран, вернее, назначен, новый секретарь райкома партии. Так завершился пленум. Назавтра же Степанова и Бабкина специальным конвоем отправили в краевую тюрьму.

Прошло два месяца. Малышкин, уволенный из органов НКВД, уехал из района вместе с семьей. Исполняющий обязанности начальника райотдела Бондин и Шальнев по-прежнему зверствуют. Бондин требует от Старшинова, чтобы он проводил «активные допросы» арестованных. После отъезда комиссии Старшинов посерьезнел, как бы повзрослел, стал вести протоколы допросов. Но никаих насилий к арестованным не применял.

Изменился стереотип протоколов. Если до приезда комиссии он излагался по формуле: меня завербовали, я завербовал, то теперь в протоколах стала отражаться «практическая подрывная деятельность». Так, например, директор МТС Кротов утверждал, что его в контрреволюционную вредительскую организацию завербовал участковый уполномоченный милиции Капустин (арестован во втором туре). По его заданию Кротов поручал членам организации заниматься вредительством — подсыпать в масло песок, чтобы вывести из строя трактора. Ветеринарный врач признался, что он заражал колхозных свиней чумой. Через заведующего МТФ давал с кормами стельным коровам препараты, от которых у большинства коров произошли выкидыши. Дорожный мастер свидетельствовал, что он сжег деревянный мост через реку Быструю. И так далее, и тому подобное. И ни один из этих актов «вредительства» не проверялся.

* * *

В начале октября прибыл новый начальник райотдела Александр Иванович Хвостов — средних лет общительный, симпатичный мужчина в звании старшего лейтенанта госбезопасности. Приняв дела, он тут же отменил «активные» допросы арестованных. Как я понимаю, такой его шаг облегчался тем, что он приехал на «готовые» аресты и ответственности за них не нес, но и вовсе их игнорировать не мог.

К тому времени были не закончены дела примерно на 15 арестованных. Допрошенные без истязаний, они не признали себя виновными. Арестованные все как один заявляли, что их арест — трагическая нелепость, что они оклеветаны.

Для некоторых арестованных были проведены очные ставки и, давая прежде показания, что они участники контрреволюционной организации, они теперь решительно отказывались от своих слов. Запомнилась мне очная ставка между заведующим МТФ колхоза им. Сталина Петровым и районным ветврачом Купряковым, на кото-

рой я присутствовал в качестве понятого.

Вопрос Купрякову: Подтверждаете ли вы прежние показания?

Ответ: Нет, не подтверждаю.

Вопрос: На допросах вы утверждали, что, являясь участником вредительской организации, завербовали в нее Петрова, через которого давали стельным коровам препараты, вызывающие выкидыши плода. Вы давали такие показания?

Ответ: Да, давал.

Вопрос: Почему же отказываетесь?

Ответ: Мои показания вымышленны.

Вопрос Петрову: У вас на ферме были массовые выкидыши плода у стельных коров?

Ответ: За период моей работы на ферме в течение четырех лет такого случая не было.

Вопрос: Чем вы это можете подтвердить?

Ответ: Проверьте по учету, и вы увидите, что выход телят на сто коров у нас благополучен. А, кроме того, спросите доярок, скотников, они вам это подтвердят.

Вопрос: Вас вербовал Купряков в контрреволюционную организацию?

Ответ: Что за чушь! Я член партии с 1928 года, красный партизан, награжден именным оружием. Никто никогда даже не посмел бы при мне заикнуться об этом.

Вопрос Купрякову: Зачем вы давали вымышленные показания?

Ответ: Меня вынудили. У меня не было больше сил сопротивляться и, чтобы избавиться от мук, я решил дать эти нелепые показания. Я считал, что чем они нелепее, тем легче скомпрометировать следствие, а мне легче доказать свою невиновность. Опровержение моих прежних показаний вы уже видите в ответах Петрова, а если вы их проверите, то окончательно убедитесь в моей невиновности. Я говорю правду...

* * *

Прошло время, и мы сблизились с Хвостовым. Александр Иванович рассказал мне, как проходили в кабинете начальника управления НКВД заседания тройки.

За тремя большими столами, поставленными буквой «Т», сидят члены тройки: начальник управления Хаустов, секретарь крайкома партии Щербатый, он же председатель тройки, и крайпрокурор Закатов. Здесь же присутствуют секретарь тройки, работник УСО НКВД, и докладчик с делами. Перед каждым членом тройки лежит экземпляр повестки. Кабинет обставлен богато: на полу персидские ковры, у стен кожаные диваны, под потолком светит громадная хрустальная люстра, окна занавешены плотной цветной тканью, входные двери отделаны под дуб. На передней стене трехметровый портрет Сталина, на боковых стенах маленькие портреты Дзержинского и Ежова.

Дела докладываются в том по-

рядке, как они изложены в повестке. Например, номер первый — фамилия, имя, отчество, год рождения; состав преступления; является участником контрреволюционной правотроцкистской организации, завербован таким-то, тогда-то, лист дела, номер такой-то. По заданию сам завербовал в эту организацию пять человек, таких-то, лист дела, номер. Виновным себя признал. Начальник УНКВД предлагает: «ВМН» (высшая мера наказания), члены тройки в последней колонке повестки ставят букву «Р». Номер второй: фамилия, имя, отчество... Колхозник. Кулак. Является участником антисоветской вредительской организации. Завербован тогда-то, таким-то. Лист дела, номер. По заданию главаря антисоветской группы для подрыва экономики сельского хозяйства не раз ходил в поле и топтал колхозные озими. Лист дела, номер. Виновным себя признал. Лист дела, номер.

— Так, говоришь, кулак и топтал озими? — уточняет начальник УНКВД Хаустов.

— Да, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга, топтал.

Члены тройки ставят букву «Р».

— Александр Иванович, вы хоть знаете, что такое «топтал озими»? — спросил я, слушая этот жуткий рассказ.

— Я не знаком с сельским хозяйством, откуда мне знать.— И я пояснил ему, что если озими слишком раскущивались, то крестьяне-единоличники осенью специально загоняли на них коров и лошадей — топтать их. Не прореженные озими подопревали.

* * *

К ноябрьским праздникам дела, законченные Бондиным, были направлены в управление НКВД, а арестованные — в тюрьму. Бондин приступил к подготовке бумаг на арест следующей партии людей.

По делам, проведенным Хвостовым, были вынесены постановления о прекращении следствия за отсутствием состава преступления и об освобождении арестованных. Однако высылать постановления в УНКВД Хвостов медлил, колебался — как-никак санкция на аресты давалась краевым начальством. Дня за два до праздника Хвостов пригласил меня в кабинет, сам веселый, посмеивается.

— Ну, свалилась гора с плеч! Мне позвонил друг из управления, сказал: кончай с этим! Говорил намеками, но я понял, что скоро поступит и официальное распоряжение. Хвостов передал мне несколько постановлений о прекращении дел и предложил немедленно выслать их в УНКВД. В этот же день арестованные были освобождены из-под стражи. Бондин помрачнел. Он зашел к Хвостову:

— Не много ли вы, Александр Иванович, на себя берете?

— Я поступаю по закону.

— Вы хотите быть выше начальника управления НКВД и крайпрокурора?

— Я не покушаюсь на права

начальства. Они вольны поступать, как сочтут нужным. Не согласятся с нами, мы подчинимся.

— Зачем же вы освободили заключенных?

— Не имею права держать под стражей людей без основания. Нарушать советские законы непозволительно.

30 ноября в райотдел поступило постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 18 ноября 1938 года, подписанное Сталиным и Молотовым. В нем говорилось, что органы НКВД в борьбе с врагами народа перешли к упрощенным методам следствия, потеряли вкус к агентурной работе. Постановление означало перемены. Аресты прекратились.

Затем из управления НКВД стали поступать распоряжения по отдельным делам о проверке фактов вредительства и диверсий. Хвостов, Бондин и Старшинов выезжали в села для проверки этих фактов, но ни один из них не подтвердился.

* * *

В разное время Александр Иванович рассказал мне о том, что происходило в кабинетах управления НКВД в 1938 году.

По периметру комнат стояли арестованные с поднятыми вверх руками, лицом к стене. Стены сотрясались от рева следователей. Среди них особенно выделялся «колун» Масарновский. Его так и звали «колуном». Он за сутки «раскалывал» по два и более арестованных. Это был рекорд. Он добился его при помощи перевернутой табуретки, на конец ножки которой садил арестованного, велев вытянуть вперед ноги. Известность он завоевал не только этим, а еще и ревом. Откроет дверь кабинета, чтобы его слышали другие, и кричит так, что заглушает всех: «Колись, контра! Тебе не удастся уйти от заслуженной кары!»

* * *

Однажды иду я по коридору, в одном кабинете дверь приоткрыта. У дверей солдат внутренних войск с винтовкой. Смотрю— лицом к стене стоит мой бывший начальник по Н-скому горотделу НКВД Петренко. Я в кабинет, спрашиваю:

— Ты как здесь?! Даешь показания?

— Попробуй не дать. Шевелев выбил зубы, отбил все внутренности.

— Кого-нибудь назвал?

— Всех, кого знал по совместной работе, человек пятьдесят, в том числе и тебя.

— Ты с ума сошел! — вскричал я.

— Попадешь к Шевелеву, посмотрю, как ты поведешь себя.

Шевелев, особо уполномоченный УНКВД, действительно беспощадно калечил бывших сотрудников НКВД.

* * *

В этом аду встречались на редкость мужественные люди. Я знал одного такого — начальник

3*

краевого земельного управления Даниелян. Его долго допрашивали, много били, но он никаких показаний не давал, а своему следователю говорил: «Следователь, вот если бы мы поменялись ролями, я бы взял палку и сделал бы из вас хо-о-о-орошего шпиона и не одного иностранного государства, а нескольких». Слышал я, из-под стражи его освободили.

* * *

Здание управления НКВД с внутренней тюрьмой протяженностью не менее двухсот метров — это город в городе. В нишах здания круглосуточно стоят часовые. Под аркой также почти круглосуточно тарахтит трактор, чтобы на улице не были слышны выстрелы и крики умирающих. Каждую ночь, а иногда и днем в подвалах идут расстрелы. Комендантское отделение из 10—12 человек «работает» в полную силу. Трупы вывозятся в бортовых машинах до рассвета на секретное кладбище. Были случаи, когда сотрудникам неоперативных служб приказывали перейти на следственную работу, и они кончали жизнь самоубийством.

— Александр Иванович, кто же разрешил подобные методы следствия? — спрашивал я.

— Произвол и грубое нарушение законности у нас начались с приездом Шкирятова. А вообще-то, мне кажется, эта кровавая трагедия спланирована свыше и заранее. Возьмем хотя бы тройку. Что это такое? Это орган внесудебной расправы. Тройке не нужны ни истина, ни настоящие доказательства вины арестованного. Она судит, не имея о человеке ни малейшего представления. То же можно сказать и об особом совещании при НКВД СССР. Недалеко от этого ушли и военные трибуналы. Ты знаешь, что председателем Верховного военного трибунала являлся К. Е. Ворошилов, членами — С. М. Буденный и А. И. Егоров. Они отправляли на тот свет много заслуженных и талантливых полководцев и даже своего члена — маршала Егорова. В трибуналы формально вызывали «обвиняемых», но истина и доказательства их вины тоже не были нужны.

— Что вы знаете о Шкирятове?

— Только то, что сказал. Но скоро к нам должен приехать на рыбалку подполковник в отставке, бывший начальник контрразведывательного отдела НКВД Павел Петрович Сокольников. Он наверняка знает об этом больше.

* * *

Приехал Сокольников, и Александр Иванович вечером пригласил его и меня к себе в гости. В квартире, кроме нас троих, никого. На столе бутылка коньяка. Выпили, разговорились. Павел Петрович бодр, еще не стар, но весь белый от седин, даже брови седые.

— Павел Петрович, вы что-нибудь знаете о миссии Шкирятова?

— В июне 1937 года в управление приехали двое — заместитель Ежова Фриновский и член

КПК при ЦК ВКП(б) Шкирятов. Выступал Шкирятов. Он говорил о февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года, о том, что его решения недопустимо медленно реализуются, что приближаются выборы в Верховный Совет СССР по новой конституции, а борьба с врагами народа пущена на самотек. «Вы миндальничаете с врагами народа, — говорил Шкирятов. — Мы вас научим, как нужно вести с ними борьбу. У вас есть колоритная фигура?— обращается он к Хаустову.

— Есть, — отвечает Хаустов, вытянувшись по стойке смирно. — Председатель крайисполкома Помялов.

— Дает показания?

— Нет, товарищ Шкирятов.

— Приведите его сюда и принесите ножку от стула.

Комендант, не чуя под собой ног, приносит ножку от венского стула. Затем приводят Помялова. Как только Помялов зашел в кабинет, Фриновский, не говоря ни слова, как ударит его по голове, аж кровь брызнула. Помялов упал. Фриновский стал его, лежачего, избивать, да так, что аж кости хрустят. Помялова, полуживого, утащили из кабинета волоком. А Шкирятов заключил: «Вот так нужно бороться с врагами народа». С этого и начались зверства.

— Павел Петрович, почему вы ушли из контрразведывательного отдела?

— Разве непонятно? После совещания мне стало ясно, чем я должен заниматься. На это я пойти не мог. Я начал жаловаться Хаустову на пошатнувшееся здоровье, приступы головных болей, проситься в архив, в учетно-статистический отдел. На второй месяц моя просьба была удовлетворена. Но прослужил в УСО только семь месяцев, был арестован, обвинен в шпионаже. Оговорили меня свои же сотрудники под шевелевскими пытками.

— Павел Петрович, вы меня простите за бестактность, — обратился снова к нему Александр Иванович, — как вам удалось уцелеть?

— Я думаю, дело случая. Впрочем, я и сам не бездействовал. Во-первых, я не дал никаких показаний, несмотря на варварские допросы и жуткое тюремное содержание. Меня садили в камеры, в которых не только сидеть, но и стоять было негде. В краевой тюрьме при лимите 1500 человек, содержалось одновременно до восьмидесяти тысяч. Воздух был наполнен ядовитым зловонием. Шевелев от меня отступился, передал своему следователю, а этот парень оказался добрее. Как-то у него на допросе мне случайно попался гвоздь, и я решил им воспользоваться. Покончить жизнь самоубийством я намеревался сразу после ареста, но не представлялась такая возможность. Как только следователь куда-то вышел, я этим гвоздем проколол себе горло и стал истекать кровью. Меня в тюремную больницу — лечить. Находился я там долго, оттуда и был освобожден.

— Павел Петрович, вам прихо-

дилось при расстрелах присутствовать?

— Нет. Там для оформления актов находился сотрудник УСО. Но я знаю, как это происходило. Приговоренных к расстрелу помещали в подвал. Общая длина подвала метров 60—70. Метров 30—40 занято под камеры, в остальной части, отделенной капитальной стеной, проводились расстрелы. Арестованных выводили по одному, якобы в баню. Да, это и действительно была жуткая, кровавая баня. Рассказывали, как-то вывели на расстрел секретаря горкома ВКП(б), он увидел гору трупов, истошно закричал: «Не убивайте меня, не убивайте! Я ни в чем не виноват!» Стал сопротивляться, а под конец крикнул: «Да здравствует товарищ Сталин!» Но тут крики отчаяния и сопротивление ни к чему. Палач — нож в мясорубке, он остановиться не может, пока крутят рукоятку. Бороться со злом нужно вовремя. К сожалению, мы это понимаем поздно.

В квартире было душно. Мы вышли на берег речки. Ночь стояла теплая, тихая. Прогуливаясь по берегу, Павел Петрович продолжал рассказывать о Шкирятове:

— Он захотел, чтобы до Владивостока и обратно в Москву его сопровождал наш начальник разведки Скачков. В Москве любезно пригласил домой. Подарил ему отрез хорошей шерсти на костюм. Скачков еще находился в пути из Москвы, а в управление из НКВД СССР пришла шифровка об его аресте. Едва Скачков прибыл на вокзал, его тут же и арестовали. Мы с ним недели две находились в одной камере. Он очень страдал и ослаб. «Что за дикость, — говорил он, — мне и в голову не могло прийти такое. Да если мне нужно было его убить, представлялись десятки случаев, когда мы ночами находились в тамбуре и открывали на ходу поезда дверь для проветривания. Но зачем же мне его убивать?!» Погиб парень, видимо, как нежелательный свидетель.

— Павел Петрович, вы говорите, что вам стало легче с новым следователем, зачем же вы пытались покончить с собой? — спросил я.

— Нет, легче не стало. Дело не в следователе. Я участник гражданской войны, награжден орденом Красного Знамени. Я безгранично верил в Сталина, в Политбюро. И вдруг такое. Я не мог пережить. Последней каплей был случай: в праздник 1 Мая мимо тюрьмы по улице идут колонны демонстрантов с песнями: «Славься великое Первое мая, праздник труда, и паденье оков...», «Вихри враждебные веют над нами, черные силы нас злобно гнетут, в бой роковой мы вступили с врагами...» Доносятся веселые девичьи голоса: «Он готов потушить все пожары, но не может тушить только мой...» Там веселье, а ведь у некоторых из них арестован отец или брат, мать или сестра. Какое кощунство! Какое оскорбительное равнодушие к огромному народному горю! Когда колонны демонстран-

тов удалились, один заключенный, профессор университета, говорит: «Ничего не могу понять. Я считал, что произошел контрреволюционный переворот и к власти пришел фашизм, а демонстрация проходит так же, как и раньше,— поют революционные песни...»

* * *

Мой друг юности работал на авиационном заводе, а теперь работает в крайкоме ВКП(б). Недавно был в командировке в районе, несколько дней прожил у меня на квартире и вот что он рассказал об обстановке в городе и на заводе:

«В мае 1937 года в краевом центре проходили партийно-комсомольские активы, на которых выступал секретарь крайкома ВКП(б) Розов, говорил о работе февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) и делился впечатлением от поездки в Германию. Вскоре Розов был арестован, а также арестована большая группа партийно-советских руководящих кадров, второй секретарь крайкома ВКП(б), председатель крайисполкома, начальник управления НКВД и другие. На место арестованных из Ленинграда была прислана группа руководящих кадров. Секретарь крайкома ВКП(б) Щербатый, начальник управления НКВД Хаустов, председатель крайисполкома Городилов, завотделом крайкома ВКП(б) Крохалев и другие возглавили краевые учреждения, которые до них возглавлялись «врагами народа». Летом в том же году в городском театре проходил партийно-комсомольский актив, на котором сообщили о «вражеской деятельности» Розова и его подручных.

В августе 1937 года проходило заводское партийное собрание. С докладом о политическом моменте выступил секретарь крайкома Щербатый. Выступил на этом собрании и начальник управления НКВД Хаустов, который доложил о вражеской деятельности контрреволюционной организации в крае. При этом в категорической форме заявил, что «многие сидящие здесь в зале являются врагами народа. Вскоре вы о них узнаете».

А вскоре и в самом деле была арестована группа партийных, комсомольских и профсоюзных работников завода. Примерно через месяц арестовали директора завода Гарагулина, главного инженера, начальника управления капитального строительства, главного механика и многих начальников цехов и отделов.

В декабре 1937 года проходило заводское отчетно-выборное партийное собрание, на котором присутствовал заведующий промышленным отделом крайкома ВКП(б) Панкратов, другие представители крайкома. Собрание длилось шесть вечеров. За это время, в связи с арестами, президиум собрания доизбирался три раза. На второй день собрания выступил член завкома Золов, который выразил политическое недоверие представителям крайкома ВКП(б). Во время перерыва они были арестованы. Один из

членов президиума собрания объявил, что представители крайкома арестованы как враги народа, состоявшие в банде Розова. По этим же мотивам были отстранены от ведения собрания еще два состава президиума, в том числе и Золов. Все они также были арестованы.

В это же время проходило партийное собрание коммунистов управления строительства второго завода. Бурно обсуждался вопрос об аресте большой группы работников управления строительства, в том числе главного инженера, начальника производственного отдела и других. Большинство выступало с гневными речами и с требованиями применить к врагам народа суровые меры. В числе выступавших нашелся только один человек, который не поддался гипнозу страха — это заместитель главного инженера Казанцев. Он спокойно стал доказывать, что он ни в одном из арестованных не видит врага народа, вредителя, так как нет ни одного убедительного факта, который бы свидетельствовал об этом. «Если бы были вредители среди строителей, то разве смогли бы мы построить завод за такое короткое время — за два года? — говорил он. — За время строительства не было ни одного пожара, ни одного случая порчи конструкций...» Присутствующие в зале громко, протестующе зашумели и не дали Казанцеву закончить речь. Через несколько дней он был арестован как соучастник вредителей, орудовавших на стройке. Через год Казанцева освободили из тюрьмы и реабилитировали в числе других работников завода.

Мой друг горестно сожалел, что у нас мало Казанцевых, поэтому практически некому противостоять трагедии.

* * *

За эти трагические 1937—1938 годы в крае с населением два миллиона человек было репрессировано тридцать тысяч. В районе, где я служил в райотделе НКВД, было репрессировано 102 человека, из них 70 человек расстреляно. По их «показаниям» проходили как участники контрреволюционных организаций 450 человек. Дело дошло бы и до этих, не опоздай мы с карательной акцией на год.

После окончания массовых репрессий в 1939—1940 годах были осуждены большинство начальников отделов УНКВД, расстрелян зам. начальника управления Сарычев. Его осудили трибуналом к высшей мере за незаконные аресты командного состава военного округа. При исполнении приговора коменданты привели Сарычева в подвал, военный прокурор Чижов объявил, что приговор вступил в законную силу и должен быть приведен в исполнение. Сарычев кричал: «Не может быть! Это ошибка! Сталин не допустит! Чижов, отложи исполнение приговора! Я уверен, Сталин его отменит!» Был разоблачен и расстрелян, как фальсификатор, начальник УСО НКВД Степин, который в повестках подчищал цифру «10» и проставлял букву «Р».

Стало известно и о дальнейшей судьбе Бондина. В конце 1941 года он был отозван в Москву и направлен в тыл врага для разведывательно-диверсионной работы. Бондин успешно руководил резидентурой, добывал ценные сведения и осуществил ряд диверсий на военных объектах фашистов. Однажды ночью по пути к «почтовому ящику» попал в немецкую засаду и погиб, подорвав фашистов и себя гранатами. Бондину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Вот так. Все-таки человек — великая тайна.

Массовые репрессии в масштабах всей страны прекратились, но рецедивы беззакония, произвола и самодурства в разных формах давали о себе знать. Вот некоторые из них.

Приезд секретаря

В Б-й район, где я служил в райотделе КГБ, приехал секретарь обкома ВКП(б) Кабалин, сменивший Щербатова. Остановился он на квартире секретаря райкома ВКП(б) Свистунова, а его помощник и телохранитель — в гостинице.

Райотдел КГБ стал срочно готовить доклад Кабалину о ходе хлебозаготовок в районе. Пока шла подготовка к пленуму, Кабалин развлекался. Он потребовал, чтобы ему ежедневно поставляли литр спирта. Подвыпив, начинал со Свистуновым карточную игру в очко на деньги. На пленуме Кабалин, изрядно подвыпивший, красный, как переспевший помидор, широко расставив ноги, чтобы не упасть, «анализировал» положение дел в районе. Из доклада следовало, что план сдачи хлеба государству выполнен только на 55 процентов, сдача зерна в счет натуроплаты МТС еще не начиналась. «Это неприкрытый саботаж, — говорил Кабалин. — Весь советский народ напрягает силы, чтобы добить фашистского зверя в его собственном логове. Но чтобы этого достичь — нужен хлеб. Сейчас каждый центнер зерна равен танку, самолету... В нашей среде находятся люди, которые не желают этого понять. Вот, например, председатель колхоза Сухих выполнил план сдачи хлеба государству только на 45 процентов и на этом сдачу хлеба прекратил. За последние две пятидневки не сдал ни одного центнера. Сухих саботажник. Прокурор здесь?

— Здесь, товарищ Кабалин! — вскричал райпрокурор.

— Арестуйте Сухих и привлеките его к уголовной ответственности за саботаж.

— Слушаюсь!

Тут же, на пленуме, прокурор арестовал Сухих и увел его в КПЗ. Далее было несколько вымученных выступлений. Ораторы произносили покаянные слова о том, что они действительно не сумели выполнить первую заповедь, что допускаются потери зерна при уборке и обмолоте и

что они напрягут все силы...

И никто не сказал ни одного слова правды. А она состояла в том, что к 1944 году средняя урожайность зерновых в области была доведена до... четырех центнеров с гектара. Главные причины: первая — война, создавшая большие трудности, и вторая — негодная организация всего сельского хозяйства.

С началом войны по инициативе Кабалина и заведующего сельхозотделом ОК ВКП(б) Жаринова была организована (якобы из-за низкой урожайности) замена семян зерновых, приспособленных к местным почвенно-климатическим условиям, на высокоурожайные сорта пшеницы, выращенные на Кубани и Украине. При этом игнорировали то, что область находится в зоне рискованного земледелия, что в Южной и Средней полосе Восточной Сибири безморозный период составляет 90—95 дней, а у привезенных с запада семян вегетационный период составлял 110 дней. В результате посева этими семенами в ряде районов области морозобой достигал семьдесят процентов посевных площадей. Урожайность пала катастрофически. Положение усугубляла также бездумная, шаблонно-приказная структура посевных площадей, лысенковская «теория» сева по стерне, приведшая к снижению урожайности и засорению полей.

Урожайность зерновых в колхозе Сухих была на уровне среднеобластной — четыре центнера. А по установленным правительством нормам требовалось сдать государству обязательных поставок четыре центнера с гектара и три центнера — натурплату МТС, а также засыпать семян из расчета двух центнеров на гектар. Всем было ясно, что «вина» Сухих только в том, что он в это тяжелое время оказался председателем колхоза. Но никто не сказал ни единого слова в его защиту. Никто не сказал также, что действительные виновники выступают в роли обвинителей невиновных. Сказать такое было бы равносильно самоубийству.

После пленума Кабалин продолжал пьянствовать и картежничать еще несколько дней, пока не выпил в аптеке весь спирт и не проиграл все деньги Свистунову.

О Свистунове следует еще сказать, что он, пользуясь своим положением, систематически брал с транзита, идущего на север, товары повышенного спроса бесплатно или за символическую плату, а его жена сбывала их на черном рынке в областном центре. Во время денежной реформы в 1947 году ему удалось обменять триста тысяч рублей, а с двумястами тысячами он «засыпался». Однако легко отделался — строгим выговором и снятием с должности секретаря райкома.

Пожар

В 1947 году вышел указ об усилении борьбы с хищением социалистической собственности. Указ дублировал позорный «за-

кон» от 7/8 1932 года, который после окончания геноцида против крестьян не применялся, но и не был отменен официально.

Как водится, нашлись слишком усердные исполнители указа. Вот как они действовали:

Обстановка в К-м районе отчаянная: в колхозах трудоспособных мужчин почти нет, техники тоже нет, а какая есть, до предела изношена; лошади заморены и замордованы, средняя урожайность четыре центнера с гектара. Нагнетается напряженность. Разговаривает по телефону с Окуневым секретарь обкома партии, отчитывает его за то, что он из пятидневки в пятидневку срывает задания по хлебозаготовкам, что он «развалил район». И Окунев взорвался, так как такая проработка повторялась не раз:

— Я, Сергей Павлович, в районе только три месяца, естественно, не мог ни поднять, ни развалить район, а вот вы руководите областью три года, почему не исправили положение?!

Разговор прервался. Через три дня Окунев был снят с работы. Прислали нового секретаря райкома партии. Новый секретарь из кожи лез, чтобы исправить положение в районе, не давал покоя ни себе, ни другим. Партактив гонял по колхозам, бюро райкома перевел на беспрерывные заседания. Заседали по три ночи напролет каждую неделю. На повестке дня до двадцати вопросов, вызывается большое число людей.

В эту ночь шло обычное большое заседание бюро райкома. Часы показывают без четверти три часа ночи, а повестка дня еще не исчерпана. Объявляется десятиминутный перерыв. Я вышел в коридор. Там несколько человек ожидают вызова «на ковер». В помещении полумрак. 20-линейная лампа затухает и время от времени дает вспышки. Откуда-то доносится храп. Недалеко от меня стоит председатель колхоза «Рассвет», инвалид отечественной войны Зыков, разговаривает с председателем колхоза «Путь к коммунизму» стариком Серых.

— Што это взялись за тебя, сколько раз подряд...

— Так же, как за тебя, — отвечает Серых. — Прошлый раз меня за яйца разносили, а теперь за шерсть теребят. Но какая шерсть, когда в колхозе нет ни одной овцы?

Перерыв окончен. Помощник приглашает в кабинет секретаря, членов бюро и Серых.

— Докладывай, Серых, о выполнении плана сдачи шерсти государству, — предлагает секретарь райкома Смолин.

Серых подходит к приставному столу, некоторое время молчит. Сказать прямо и честно, что он не может выполнить план по шерсти, так как в колхозе нет овец, он не решается. Говорить такое не положено. И он начинает изворачиваться, говорить то, во что не верит сам:

— Мы начнем сдачу, подключим к этому мероприятию колхозников, а ежели что, прихватим со стороны...

Зазвенел телефон. Трубку берет секретарь райкома.

— Горит здание райотдела МВД! Заседание закрывается. Все на пожар!

Когда я выбежал из-за поворота на прямую улицу, где находилось здание райотдела, то увидел кошмарное зрелище. Огромные языки пламени то устремляются вверх, то их кидает в сторону мелькомбината, до которого от места пожара не более ста метров. У меня сжалось сердце, ноги, словно во сне, перестали повиноваться. Недалеко от райотдела МВД находились деревянные здания райисполкома, отделения госбанка и база райпотребсоюза. Но все это, находясь под угрозой истребления огнем, не так страшило меня, как угроза мелькомбинату. «Хлеб, хлеб, последний хлеб. Этого нельзя допустить», — стучало в голове.

Я подбежал к горящему зданию, намереваясь через парадное крыльцо проскочить внутрь здания. Кто-то схватил меня за руку:

— Стой! Сгоришь! — Передо мной обрушилась горящая крыша парадного крыльца, обдав жаром и осыпав искрами.

— С ограды двери отстаивают! — прокричал кто-то. В ограде десятка два людей ручными машинами и ведрами тушили пожар, обливая водой стену и двери, через которые уже началась эвакуация документов. Убедившись, что организует это начальник милиции Ожигов и сотрудники МГБ, я бросился к мелькомбинату. Там пожарная команда уже была приведена в боевую готовность. Буквально за пять минут она протянула шланги к месту пожара, и мощные фонтаны воды обрушились на горящее здание.

К рассвету пожар ликвидировали. Коробку здания, хоть и сильно обгоревшую, удалось отстоять. Еще дымили головешки и от обгоревших стен шел густой пар, а Ожигов, прокурор Соснин и я приступили к осмотру пожарища. В кабинете начальника райотдела МВД — Сороки (в то время он находился в колхозе), обнаружили на полу и на подоконнике следы сгоревшей резины, металлическую трубку от резиновой камеры грузового автомобиля, под окном в палисаднике нож кустарного изготовления с наборной цветной ручкой. Обнаруженное свидетельствовало о том, что произведен умышленный поджог. Это же косвенно подтверждалось ночным сторожем базы крайпотребсоюза. «Было темно, вдруг сильно осветило. Вижу: из крайнего окна дома МВД полоснуло пламя, столб огня поднялся выше дома и от этого угла кто-то быстро перебежал улицу».

Закончив осмотр, я, переодевшись дома в сухую одежду, явился на телеграф и вызвал к прямому проводу начальника областного управления МГБ Ремнева. Выслушав доклад о случившемся, Ремнев распорядился: «Приказываю вам, отложитБ все дела и заниматься только розыском диверсантов. Объявите начальнику райотдела МВД и милиции, райпрокурору, что их аппараты также мобилизованы. Я

договорюсь в обкоме партии и соответствующие указания по линии их ведомств будут даны. Вы координируйте действия оперативных групп и ежедневно шифром докладывайте мне лично о результатах».

* * *

Я со своим аппаратом разместился в ЗАГСе (отдельный дом). Милиции отвели площадь в здании райисполкома. Вечером я провел совещание, на котором предложил отработать два варианта: первый — выявить всех прибывших с автобазы в ночь на 17-е число (время поджога) и проверить, где каждый находился в эту ночь. Эту работу возглавляют товарищи Сорока и Ожигов. Второй вариант — опознание ножа. Этим займусь я с товарищем Сосниным.

Начались упорные поиски преступников. Нож предъявлялся везде, где усматривался смысл: в мастерских, в кузницах, в столовых, в общежитиях, но безрезультатно. Подходила к концу проверка шоферов — и тоже ничего. Меня томила печаль. Я напряженно думал, строил разные предположения. Тревога не оставляла даже во сне. Как-то ночью прилег на кушетку и проснулся от мысли: «А не был ли совершен поджог, чтобы организовать побег заключенных?» В межрайонной КПЗ при райотделе МВД содержалось до сотни подследственных и осужденных заключенных.

Мы с Сосниным немедленно приступили к изучению дел. На вторые сутки дошли до уголовного дела Устина Захаровича Козодоева, шофера «Золототранса», обвиняемого по Указу... в краже трех тонн муки. В деле показания обвиняемого, в которых он полностью отрицает свою вину, и свидетельское показание Козодоева, Василия Захаровича, который свидетельствует, что его брат Устин украл автомашину муки. Обвинение не предъявлено, хотя срок предъявления истек.

— Что за ерунда! — возмутился Соснин и потянулся к телефонной трубке, — Ожигов, зайди, пожалуйста, к нам.

— Я что говорил по делу Козодоева?

— Представить доказательства его вины. В противном случае немедленно освободить из-под стражи, — ответил Ожигов.

— Где доказательства? На каком основании вы его арестовали?

— Сорока получил анонимку.

— Дай ее сюда.— В анонимке указывалось, что Устин Козодоев получил на мелькомбинате автомашину «левой» муки и увез ее в неизвестном направлении. На анонимке резолюция: «Тов. Ожигов! Козодоева задержать и провести срочное расследование. Сорока».

— На мелькомбинате проверяли?

— Да. Хищения муки установить не удалось.

— Почему же не освобождаете Козодоева?

— Сорока не разрешает.

— Вызовите брата Козодоева.

* * *

Я предъявил Василию Козодоеву протокол его допроса.

— Это ваши показания?

— Мои.

— Вы подтверждаете их?

— Нет.

— Почему?

— Я ни о какой муке ничего не знаю.

— Как же вы дали показания?

— Следователь просил, чтобы я подтвердил, что брат украл муку, вот я и подтвердил.

— Но если вы не знаете, как же вы могли подтвердить?

— Но он просил...— отвернувшись, едва слышно произнес Козодоев.

— А может, вы и теперь говорите неправду?

— Нет. Я про муку ничего не знаю.

— У вас вопросы будут? — обратился я к Соснину.

— Да. Скажите, Козодоев, где вы были в ночь на 17-е число?

Козодоев, подсчитав что-то про себя, ответил:

— Я работал во вторую смену на автобазе.

— Вы свободны, Козодоев. Можете идти работать.

Мы с Сосниным решили, что Козодоев-свидетель заслуживает внимания и его следует изучить.

* * *

Через дежурную по общежитию Лузянину удалось установить, что Козодоев пришел в общежитие перед рассветом, примерно в шестом часу утра. Она это хорошо запомнила, потому что спросила его, с какой он смены. И Козодоев ответил: «Со второй». На ее вопрос, почему так поздно, Козодоев промолчал. Вторая дежурная опознала нож. Она сказала, что предъявленный ей нож видела на тумбочке Василия Козодоева и один раз он им резал хлеб.

— Зацепка есть. Надо немедленно допросить Василия Козодоева, — предложил Соснин.

Через час его доставили на допрос.

— Значит, 16-го вы работали во вторую смену. Когда же вы закончили работу и куда пошли? — спросил я.

— Работу я закончил в 24 часа и пошел в общежитие. В первом часу лег спать и проспал до утра.

— Вы говорите неправду. В общежитие вы пришли в шестом часу утра. Есть свидетель Лузянина.

— Лузянина ошибается. Я пришел в общежитие в первом часу ночи.

— Это ваш нож?

— Был.

— Как это понимать?

— Он у меня хранился в общежитии в тумбочке, откуда исчез недели две назад или больше.

Но на очной ставке с Лузяниной Козодоев признался, что он действительно в общежитие пришел перед утром. И далее рассказал, что, закончив работу, он вышел из цеха, на улице было холодно, дул ветер, он решил в общежитие не идти, а переспать на электростанции, где тепло. На

вопрос, кто в это время находился на электростанции, Козодоев назвал дежурного механика Стрелова и слесаря Зайцева. Стрелов на допросе показал, что Козодоева и Зайцева он видел в последний раз на электростанции месяца два тому назад, что находиться на электростанции незамеченным невозможно: там негде укрыться. Зайцев доказал, что на электростанции он не был. И тогда Василия Козодоева решили задержать. Когда ему предъявили показания Стрелова и Зайцева, он растерялся, стал говорить, что, может быть, запамятовал и не в этот раз ночевал на станции.

Козодоев попросил очную ставку с Зайцевым под предлогом того, что он уточнит, где же они в эту ночь спали. Просьбу Козодоева удовлетворили. На очной ставке Козодоев пытался подавать Зайцеву какие-то знаки руками. Но Зайцев бледнел, краснел, видимо переживая, что не может понять, чего же хочет Козодоев. Когда на вопрос, подтверждает ли он свои показания, Зайцев ответил утвердительно, Козодоев не выдержал:

— Эх ты! Соображать надо!— и со злостью ударил себя по лбу. В это время из города вернулся нарочный с актом экспертизы. Экспертиза установила отпечатки пальцев на ноже только Козодоева Василия. Допрос был продолжен:

— Предлагаем говорить правду. О том, что поджог — дело ваших рук, у нас сомнений больше нет. Вот акт экспертизы. Нас интересует другое: почему вы это сделали? — спросил я.

— Дайте закурить, — Козодоев несколько раз нервно и жадно затянулся и заявил: — Я скажу, если вы отдадите мне протокол и освободите моего брата.

— Ваш брат будет немедленно освобожден, как только мы убедимся в его невиновности.

— Он невиновен. Отпустите его и отдайте мой протокол.

— Теперь это во многом зависит от вас. Рассказывайте правду, Козодоев.

— Я поджег, — склонив голову, с трудом произнес он.

— Почему?

— Хотел, чтобы сгорел мой протокол.

— Каким образом вы подожгли здание?

— Во время работы я накачал зисовскую камеру бензином и отнес ее к речному забору. До двух часов ночи переждал в пустующей вулканизаторской и отнес камеру к дому милиции. Я знал, что наружной охраны здания нет. В крайнем окне, где была тень и в случае надобности можно было затаиться, я выставил рамы, закатил в окно камеру, через нипель облил подоконник и камеру бензином и бросил на них горящие спички. Бензин вспыхнул.

— Вам кто-нибудь помогал?

— Нет. Я один.

Когда Козодоева увели, Соснин высказал свои соображения:

— Трудно поверить, чтобы он один за три километра по снегу принес зисовскую камеру с бензином весом не менее 50 килограммов. Это при его-то комплек-

ции. Он что-то скрывает, надо провести следственный эксперимент.

Я, Соснин и Козодоев прибыли на автобазу. В присутствии понятых наполнили зисовскую камеру бензином и предложили Козодоеву нести ее к забору. Но Козодоев с трудом дотащил ее до забора. У забора снежный нанос, виден след, где лежала камера. Тут же отпечатки следов двух человек: один от сапог, второй — от калош. Забор дощатый, глухой, высота два метра 40 см. Козодоев сделал две безуспешные попытки перекинуть камеру через забор и от продолжения эксперимента отказался.

На допросе Козодоев рассказал: «Я не хотел поджигать, хотел только украсть мой протокол. Две ночи провел в дежурке. В два часа ночи, когда заканчивается работа и все уходят, дежурные закрывают наружную дверь на запор и ложатся спать. В это время я несколько раз пытался проникнуть в кабинеты, где меня допрашивали, но ни в один кабинет попасть не сумел. Но я не мог успокоиться, меня мучила совесть. Мы росли без родителей. Старший брат Устин для меня был и отцом и матерью. Он меня вырастил, а я за это столько на него наплел напраслины! Осудят моего брата, думал я, вернется он из тюрьмы и скажет мне: какого я вырастил подлеца! А мне будет стыдно посмотреть ему в глаза. Все время думал, как мне выпутаться из этих тенет и нашел выход: подожгу милицию, и тогда мой протокол сгорит. Тут же обдумал, как поджечь, и поделился этим со своим другом Зайцевым, попросил его помочь мне доставить на палке камеру с бензином до милиции. Зайцев согласился, что мы с ним и сделали. Когда закатили камеру в кабинет и подожгли, огненная струя полоснула вверх.

— Вы в своих показаниях оговорили брата или все-таки это правда?

— Ни о какой краже муки мне ничего неизвестно. Я все наврал.

— Почему вы дали ложные показания?

— Я не хотел говорить, да видно придется: меня трое суток попеременно допрашивали оперы милиции Брехов и Кочергин, били и не давали спать. Как дадут мне под дыхало, я упаду без памяти, очухаюсь, они говорят, подтверждай, что твой брат украл машину муки, а то тебе худо будет. Во время допросов заходил их начальник, они его называли товарищ майор. У него еще птичья фамилия. Но он не бил, а только приказывал им: продолжайте. А когда я совсем обессилел, то согласился подписать протокол, какой они хотели.

Вызванный на допрос Зайцев поначалу отрицал свое участие в поджоге, но на очной ставке с Козодоевым, когда тот ему посоветовал: «Рассказывай, Иван, я все рассказал», — Зайцев признался. Поджог квалифицировали как порчу государственного имущества, и народный суд осудил Козодоева и Зайцева к пяти годам лишения свободы.

Материалы в отношении работников милиции Брехова и Кочергина выделили в особое производство и направили в инспекцию УМВД. Военный трибунал осудил их за нарушение социалистической законности: Брехова, как старшего по службе, к 10 годам лишения свободы, Кочергина — к 5 годам.

Козодоева-старшего Соснин из-под стражи освободил за отсутствием состава преступления в день задержания Козодоева-младшего. Доложив о деле в управлении, я почувствовал, что с меня свалилась гора. Я пришел домой и проспал всю ночь и половину дня.

За обедом мать стала интересоваться делом о пожаре и напомнила о сне. Несколько дней тому назад мне приснился занятный сон. Возле здания райотдела МВД стоит столб с перекладинами и множеством проводов. На перекладинах сидят два петуха, один красный, а второй белый. Головы бараньи и по-бараньи кричат. Об этом сне я рассказал тогда матери. Она предупредила: «Будет пожар!» Я перебрал в уме дни, как развивались события, и подсчитал, что сон пришелся на те же сутки, в которые у Козодоева родился опасный замысел поджога здания РО МВД.

— Как они выглядят? — спросила мать.

— Козодоев рыжий, а Зайцев блондин.

— Сон в руку. Я тебя предупреждала, а ты не поверил.

* * *

После отечественной войны 1941—45 годов жизнь в деревне была особенно тяжкой: труд в колхозах «оплачивался» пустопорожними трудоднями, трудовой стаж государством не признавался, пенсии не полагались. Но за корову полагалось платить 750 рублей налога и ежегодно сдавать государству 48 кг мяса и 200 литров молока. Заготавливать корма на колхозной земле для индивидуального скота запрещалось. Чтобы как-то выжить, колхозники вынуждены были прибегать к заработкам на стороне. Тогда появился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года за подписью Шверника «О паразитах». В этом указе утверждалось, что колхозники, пользуясь всеми благами колхозной жизни, не желают честно трудиться, и те, кто не выработал минимум трудодней — 140, подлежат высылке на восемь лет в отдаленные местности. Такой гнет усилил бегство крестьян из колхозов. Но оно затруднялось тем, что колхозникам не полагались паспорта, и, чтобы приобрести его, применялись такие способы: мужчины старались споить председателя колхоза или сельсовета, чтобы получить справку на отходничество или направление на какие-нибудь курсы. Молодежь совершала целевые преступления: хулиганства, мелкие кражи, чтобы отбыв небольшой срок лишения свободы, получить паспорт. Женщины-вдовы заключали фиктивные браки, и на основании свидетель-

ства получали паспорт. Значительная часть демобилизованных из армии колхозников в колхозы не возвращалась.

В руководстве сельским хозяйством действовал принцип — все для сводки, лишь бы отчитаться, а там хоть трава не расти. Был изобретен «биологический хлеб». Появились инспекции, которые по всходам определяли урожайность. Началась «сдача хлеба на корню». Председатель колхоза или директор совхоза обязывались оформить в заготзерно фиктивную квитанцию на будто бы сданный хлеб государству и выдать сохранную расписку, что хлеб хранится в колхозе или в совхозе, хотя хлеба на хранении не было. Две бумажки, называемые накладной и фактурой, превращались в тонны молока таким способом: является председатель колхоза к председателю райпотребсоюза и говорит: «Вот тебе фактура на сто центнеров молока в счет плана заготовок. И это же «молоко» выпиши мне на внутриколхозные нужды». До таких «чудес» не додумался бы никакой гоголевский Чичиков. Существовал институт уполномоченных: районных, областных и центральных. Любой невежда из их числа считал себя вправе вмешиваться в хозяйственные дела и давать указания, не неся за них никакой ответственности. В итоге земля — любимая мать для многих превратилась в злую мачеху, от которой бегут, как черт от ладана. Сейчас мы имеем в стране двести тридцать восемь тысяч мертвых деревень, словно по ним прошли орды Чингисхана. Раскрестьянивание крестьян приняло катастрофические последствия.

В одном районе, в связи со «сдачей хлеба на корню», произошел трагикомический случай.

Ко мне поступили сведения о том, что секретарь РК ВКП(б) путем угроз принуждает председателей колхозов сдавать хлеб государству «на корню» (как уже выше сказано). В результате в областной сводке по хлебозаготовкам район из отстающих, за короткое время, вышел в число передовых. Я решаю этот вопрос уладить по-доброму, келейно. Прихожу к секретарю вечером и говорю: «Иван Васильевич, у нас в районе хлеб государству сдают «на корню». Надо бы это пресечь, а то может далеко зайти. Меня свяжут и тебе не уйти».

Он сделал удивленный вид и говорит:

— Не может быть. Я заметил, ты веришь разным сплетням. Советую вести себя серьезнее. Не забывай, ты член бюро.

Я ему перечисляю семь колхозов, которые таким образом «сдали» хлеб, количество в центнерах и номера квитанций, выданных заготзерном.

— Хорошо, — говорит, — я проверю.

Я решил, что вопрос улажен и успокоился.

Через два-три дня он вызвал меня в РК партии и сообщил, что в одном селе гр-н «К» активно ведет среди населения антисоветскую агитацию. «Ты, говорит, — его арестуй». Я съездил в село, проверил сообщение секретаря РК.

Он справился по телефону, арестовал ли я антисоветчика. Я ответил: нет.

Недели через две меня вызвали в ОК ВКП(б). Секретарь ОК ВКП(б) по кадрам спрашивает: какие у меня отношения с секретарем РК Иваном Васильевичем и почему я не выполняю его указания. Я отвечаю, что отношения нормальные, а насчет невыполнения каких-то указаний мне ничего не известно.

— Секретарь РК написал на тебя жалобу, — и показал мне его докладную записку, — почему ты не выполнил указания, не арестовал антисоветчика.

— Вопрос об аресте решаю не я. А во-вторых, я проверял, это не антисоветчик, а обыкновенный желудочник.

— Что такое желудочник?

— А это когда человек голоден, он ругает советскую власть. Накорми его досыта — и он жизнь отдаст за нее.

Секретарь ОК улыбается.

— Я убежден, Иван Васильевич и сам не верит, что это антисоветчик. А написал он жалобу для того, чтобы, с его точки зрения, обезвредить меня. Я не хотел выносить сор из избы, да видно придется. У нас в районе идет сдача хлеба государству «на корню». Об этом я проинформировал секретаря РК Ивана Васильевича. Он, видимо, боясь, что я могу об этом доложить в область, сочинил на меня кляузу.

Комиссия ОК ВКП(б) изложенные мною факты подтвердила. Секретарь РК был снят с работы с объявлением строгого выговора.

15 процентов

Были попытки остановить бегство колхозников за счёт создания «левых» фондов зерна.

В Т-ий район прибыли плановые переселенцы из Воронежской области, которые размещались по колхозам. В эти годы существовал «порядок», установленный правительством, при котором колхозы не имели права расходовать на внутриколхозные нужды более пятнадцати процентов хлеба от сданного государству. Такого хлеба не хватало и для местных колхозников, не говоря уж о переселенцах.

Председатель одного из колхозов Ф-нов решил попытать опасный «выход». Утром в колхозной конторе людно. Является переселенец и говорит:

— Товарищ председатель, мне по переселению положено два центнера хлеба.

— Иди на конный двор и скажи Ивану, что я велел коня дать.

Переселенец оказался застенчивым, ничего не понял, но вышел из конторы. А дома дети плачут, просят есть, жена бранится, заставляет мужа получить хлеб. Он опять является в контору и просит хлеба. Председатель повторяет: «Я же тебе сказал: иди на конный двор и скажи Ивану, что я велел коня дать». Когда переселенец явился в контору за хлебом в третий раз, его едва не побили колхозники: «Вот нахал, мы один раз не можем взять коня, а он третий раз приходит...» Так людей приучали не жалеть друг друга.

Еще «саботажники»

Однажды во время уборки и хлебозаготовок в А-ском районе я получаю агентурное донесение о том, что в колхозе имени В... умышленно сломали молотилку, чтобы приостановить обмолот хлеба и оставшийся хлеб не сдавать государству. Были названы организаторы диверсии — бригадир Зуев, заведующий током Радионов и машинист Шубин.

У меня с райпрокурором Рыловым приятельские отношения. Я его уважаю за то, что он настоящий коммунист: честный, правдивый и до невозможности принципиальный. Благодаря этим качествам у него было больше разных выговоров по партийной линии, чем у Л. И. Брежнева наград. В разгул массового террора он, будучи рядовым следователем прокуратуры, отказался от должности прокурора по надзору за местами заключения области, не желая участвовать в преступной вакханалии. И это в начале 1938 года. В то время легче решиться на самоубийство, чем отказаться от такой должности. Но по счастливой случайности он остался жив.

Я по секрету поделился с ним этими сведениями. И, как на грех, буквально назавтра в район приезжает областной прокурор Жгучий в качестве уполномоченного ОК ВКП(б) по хлебозаготовкам. Рылова какая-то нечистая сила дернула за язык, и он рассказал Жгучему о диверсии в колхозе. Вот уж действительно: «Язык мой — враг мой».

Облпрокурор срочно вызывает меня к себе, интересуясь, действительно ли у меня имеются такие сведения. Мне некуда деться, и я вынужден его проинформировать. Облпрокурор приказал немедленно провести расследование. Через неделю неопровержимо доказано, что Зуев, Радионов и Шубин договорились вывести из строя молотилку, сорвать обмолот хлеба и хлебосдачу государству. Во время молотьбы Шубин вместе со снопом направил в барабан стальные вилы, барабан разнесло на части и сломало привод.

Организаторы «диверсии» не преследовали враждебного умысла — причинить вред государству, они рассчитывали лишь задержать в колхозе хлеб, чтобы можно было прокормиться до будущего урожая. Уже ряд лет колхозники жили на сорняках и колосках, обнищали, голод вконец измотал. Так как хлеб в колхозе забирался полностью, их страшила перспектива нового голода и они, не видя другого выхода, сломали молотилку. Преступление было квалифицировано облпрокурором как контрреволюционный саботаж по ст. 58 УК РСФСР.

Через несколько дней выездная сессия областного суда судила злоумышленников. Зуева приговорили к расстрелу, Радионова и Шубина — к 10 годам лишения свободы.

Во время судебных заседаний мой друг из государственного обвинителя переквалифицировался в защитника. Он доказывал, что преступление квалифицировано по статье 58 УК неправильно, что

здесь нет контрреволюционного умысла, что данное преступление следует квалифицировать как порчу кооперативного имущества. Но суд отклонил его доводы, так как вопрос о квалификации был предрешен заранее, и санкция на арест дана облпрокурором именно по статье 58 УК РСФСР. За такие «заслуги» он вскоре пошел на повышение — его отозвали в Москву на работу в прокуратуре СССР.

Диверсанты

Служу в Н-ском райотделении МГБ. Однажды во время посевной получаю акт на диверсию в колхозе «Ангарские волны». В акте указывается, что на силос, заданный для скармливания коровам, было высыпано толченое стекло (прилагается образец силоса со стеклом). Я доложил о случившемся в управление МГБ, приехал опытный чекист Георгий Николаевич Фоминых. Решаем с ним выехать в колхоз. Едем мы на райотдельской клячонке. Погода стоит теплая. По обочинам дороги синеют подснежники. В воздухе висят жаворонки и без умолку звенят. Земли в этом районе плодородные — черные и бурые, их называют «пшеничными». Одним словом, радоваться бы, а на душе тоска: жене и сыну нечего будет есть, хлеб забран вперед. У самого под ложечкой сосет.

Наконец, добрались мы до колхоза. Встретились со старичком-председателем. Он рассказал, как была обнаружена диверсия, и пригласил к себе на квартиру. Пообедав, мы с Фоминых, не теряя времени, приступили к делу. Перед Фоминых была поставлена задача: работать до тех пор, пока не будут разоблачены и задержаны диверсанты. «Дело на контроле в обкоме партии», — сказал он. Трудимся мы упорно и день и ночь. Разработали и отработали несколько вариантов поиска преступников.

В этот раз я познакомился с Фоминых поближе. В нем, кряжистом мужчине с седеющими висками, было что-то нетипичное для работников органов — не закрытость, а, наоборот, потребность общения с людьми, задушевность, доброжелательность. В первый же день Фоминых пригласил меня познакомиться с людьми, с селом. У кузницы он приветствовал кузнецов:

— Сила вам в плечи!

— Спасибо, добрый человек! — ответил бородатый кузнец. Между ними завязался непринужденный разговор о сварке стали. А у амбаров, встретившись с женщинами и стариками, погружавшими на телеги мешки с семенами, он пожелал:

— Бог на помощь!

Женщины засмеялись и, утирая на лицах пот, кто-то ответил:

— Помогай бог!

Встречаясь на улице со стариками, он приподнимал фуражку, слегка кланяясь. Такое проявление теплоты между людьми я наблюдал только в детстве.

Однажды вечером к нам в колхозную контору робко зашел старик.

— Савин, — едва слышно отрекомендовался он и сел у стены на лавку.

Приглядевшись, я заметил, что вошедший не так стар, как выглядел. Лицо его было землисто и в глубоких морщинах, но глаза светились. На нем была надета фуфайка, у которой рукава проносились по локоть и оканчивались рясками. Сквозь дыры было видно, что надета она на голое тело. Из ватных брюк высовывались колени, на ногах — валенки, состоящие из многоэтажных заплат.

— Наслышан я о вашем деле здесь, — начал он слабым, дрожащим голосом, — думаю, зайду, может быть, помогу — вот и зашел. Я знаю, это телятница, Середкина.

— Как же вы узнали?! — вскричал я.

— Когда на силосе обнаружили стекло, я пошел на скотный двор, посмотрел, а после обошел усадьбы работающих на скотном дворе, и, когда побывал у Середкиной, все стало ясно. Живет она на Подгорной улице, у нее двое детей, муж на фронте пропал без вести.

Договорились, что назавтра он покажет нам то, что видел.

— Что же вы, товарищ Савин, сразу-то к нам не пришли? Ведь здесь мы уже целую неделю, — не удержался я от упрека.

Савин улыбнулся вымученной улыбкой.

— Не обижайтесь на меня, вам не понять. Если бы вы приехали без вашего товарища, я и вовсе бы к вам не пришел.

* * *

Утром, как условились, мы отправились к дому Середкиной. Ее низенький деревянный дом стоял в конце села, под горой. За ним метрах в пятидесяти — помещение пустовавшего птичника. Савин повел нас к нему. Земля в этом месте была наносная, рыхлая и местами отчетливо виднелся единственный след от дома Середкиной. Отпечаток был необычный: от одной подошвы продольными линиями, от другой — с такими же линиями по диагонали. Этот же отпечаток обуви на деревянном полу птичника. В одной из оконных рам стекол нет, под окном на полу остатки свежетолченого стекла, они даже не запылились. Савин пояснил, что Середкина носит обувь, сшитую из старых баллонов от автомашины и называется эта обувь торбоза. Шил ее он, Савин, поэтому следы от нее ему хорошо известны.

Заходим в избу Середкиной: справа русская печь, слева деревянная кровать, на которой нет ни единой тряпки. В переднем левом углу стол, две скамейки; в правом углу, за перегородкой, куть. На полу измятая солома и дровяная кора. Окна настолько закопчены, что едва пропускают свет. В избе холодно и сыро. Мы собрались уходить, как вдруг на печи послышался шорох. И что же мы увидели? На нас смотрели, не мигая, две пары детских глазенок. Дети были совершенно голыми. Сквозь полумрак вырисовывались их маленькие силуэты: круглые, как футбольный мяч,

животики, тоненькие ручонки и шейки.

— Ее диверсанты, — печально заключил Фоминых. И мы вышли.

Некоторое время шли молча, пораженные увиденным. Затем Савин пожаловался на сердцебиение, и мы присели на бревно, лежавшее у дороги.

Отдышавшись, Савин, по просьбе Георгия Николаевича, рассказал кое-что о себе. В партии он с 1924 года и почти с начала организации по сорок второй год председатель этого колхоза. Был мобилизован в трудовую армию, работал на Урале разнорабочим, вернулся в колхоз после окончания войны.

До войны колхоз был крепким. Он одним из первых в районе купил на хлеб две грузовые автомашины, две жатки-сноповязалки, полусложную молотилку, имел свою маслобойню. С государством рассчитывался, и колхозники жили сносно. Но вот началась беда, продолжал Савин. Осенью сорокового года, по окончании уборки и хлебозаготовок, к нам приезжает уполномоченный — зав. сельхозотделом обкома партии Питекантропов и говорит, что излишки зерна должны быть сданы в фонд укрепления обороноспособности страны. При этом называет такое количество, что надо сдать почти весь хлеб. Я попытался было возражать, доказывать, что сдать такое количество — значит остаться без семян. А он настаивает, говорит, что хлеба у нас хорошие и много скирд не молочено. Но ведь хлеба в скирдах последней косы, то есть ненамолотистые. «Давайте осмотрим их, а также все амбары, — предлагаю я, — подсчитаем, соберем собрание колхозников».

— Плевать я хотел на ваше собрание. Именем партии,— говорит, — приказываю хлеб сдать. Стал угрожать, наговорил кучу упреков, что я безграмотен политически. Пришлось скрепя сердце подчиниться. Подумал я тогда: может, и в самом деле я что-то недопонимаю, отстал.

А потом мы не набрали семян и для половины посевной площади.

И незадолго до посевной получили семена, неизвестно откуда привезенные. Посеяли. Хлеба-то выросли колосистые, но не успели созреть и замерзли. Вы, конечно, понимаете: лето у нас короткое, нам нужны семена, приспособленные к нашим условиям, с коротким вегетационным периодом, а привезенные, наоборот, — с длинным. Это был первый сильный удар. Началась война. План сева стали давать на всю пахотную землю. Выдвинули новую агротехнику: сев по стерне, пары ликвидировали, а весны-то у нас сухие. Привозных семян не хватало, стали занижать нормы высева, лишь бы натянуть план. Неочищенные семена везли прямо со станции — и в сеялку. Поля засорили овсюгом, морковником. А каких стоило трудов доставлять семена за тридцать километров в распутицу на лошадях, которые ночами висели на подпругах... Сколько надорвалось женщин... Савин замолчал, сокрушенно качая головой. Затем продолжал:

вот и покатились под откос — работы больше, а толку меньше. Так и довели среднюю урожайность до... четырех центнеров с гектара.

С начала войны колхозники на трудодни ничего не получают. Часть семей не имела коров, а мясо, молоко требуют сдать государству, денежный налог тоже. А откуда его взять, когда колхозники питаются сорняками: курлычом, лебедой, крапивой, любимом, «ташнотиками» (лепешки из сгнившего картофеля, подобранного весной в поле). Не скрою, некоторые колхозники питались падалью. Падеж скота от бескормицы был большой. В прошлом году на редкость удался силос, падеж скота прекратился, нечем питаться стало, поэтому и начали подбрасывать в корм скоту битое стекло.

После печальной повести Савина мне стали яснее видны картины, вызывающие горечь. То я видел дом без крыши, на потолке которого росла трава; то у бревен старого дома — белеющие торцы бревен со стороны дверей, а крыльцо заменяли слеги; вместо ворот из земли высовывались обглоданные пеньки; кое-где на месте ранее стоявших домов зияли ямы, возвышались кучи битого кирпича, мусора.

Все наши «варианты» были заброшены. Мы с Фоминых посетили еще несколько семей колхозников. В одном дому, например, обкорнатому со всех сторон, проживало две семьи. Одна из этих семей продала свой дом и перешла к соседям с условием, что «проедать дом» будут вместе. Половина пола в доме уже сожжена, так как некому и не на чем было съездить за дровами. На две семьи оставалась одна корова.

По инициативе Георгия Николаевича были собраны данные по годам о посевной площади, об урожайности, о доходах, об оплате труда, о количестве семей бездомных и бескоровных. С этими данными мы вернулись из колхоза в райцентр. На прощание Савин сказал Фоминых:

— Я не ошибся в вас, — он хотел еще что-то сказать, но разволновался, молча пожал нам руки.

О колхозе «Ангарские волны» мы проинформировали секретаря райкома. Нашей информацией он был встревожен, сожалел о создавшемся положении, обещал оказать срочную помощь колхозу и колхозникам хлебом, одеждой из фонда райсобеса.

* * *

Прибыли мы с Фоминых на доклад к начальнику управления МГБ, как было велено, но без «диверсантов».

В приемной нас встретила полная, скучающая женщина. Она доложила начальнику о нашем прибытии. Через несколько минут раздался звонок, и нас пригласили войти. Георгий Николаевич стал докладывать, я же рассматривал трехметровый портрет генералиссимуса, мраморный прибор с бронзовой фигурой медведя с рогатиной, разноцветные телефонные аппараты и прочее. Выслушав

доклад, начальник управления Горев со злостью произнес: «У вас притупилась политическая острота. Вы все свели к экономическим трудностям».

Горев не мог согласиться с выводами Фоминых, и вскоре Фоминых оказался в отставке. Следует ли держать такого на службе, если он не стряпает «палочки» для статистики? А Горев очень любил благополучную статистику.

Горев не в состоянии был понять сказанного о Середкиной. Он входил в сталинскую номенклатуру, для него была установлена зарплата в пять тысяч рублей, выделен особняк из восьми комнат (даже для собачки у него была особая комната), имел дачу, дворника, истопника, уборщицу — и все это за счет государства. Питался он из закрытого распределителя, кроме того, ему доставлялись регулярно и бесплатно на дом свежие продукты питания из совхоза. Он имел три персональных автомашины: одну для постоянной езды, вторую для охоты на косачей и третью — парадную. Короче, у него было все, чтобы понимать важность своей персоны и дорожить этим. Ну скажите, пожалуйста, разве судьба Середкиной могла его интересовать иначе, кроме как «палочка» в статистике?

Анатолий **СТОЛЯРЕВСКИЙ**

РОДНОЕ ЛИЦО

□ □ □

Зеленое око
ночного такси.
И так одиноко!
— Эй, друг, подвези!

Пусть снежное просо
по стеклам стучит,
туман под колеса
клоками летит.

Дороги не вижу.
И лес — борона.
Осколками брызжет
льдяная луна.

Ну, что ты заладил —
куда да куда?
Чур! Душу разгладит
езда в никуда...

□ □ □

Забытое слово «колодник»
глотаю с полночной тоской.
Как горько мычит ли, поет ли
мой пьяный сосед за стеной.

□ □ □

В прошлогодней скирде заночую,
И приблизится небо ко мне.
Синим светом Венеры врачуя,
Звездно мысль проискрит в полусне,
Что вот здесь, посреди мирозданья,
У полоски налившейся ржи,
Все зарыты земные страданья,
Жизнь и смерть не ведут дележи.

□ □ □

Я — ему: долг, честь, отвага...
А он говорит:
«Туалетная бумага —
Тоже дефицит».

□ □ □

А лес здесь не нужен,
Он вырос не там.
...Бульдозер, натужась,
Ножом — по стволам.
С утра и до ночи,
От всех не тайком,
Он рощу курочит,
Воюет с холмом.
Машина-коптилка
По свае — что сил!
Как будто бутылкой
Тебя по затыл...
Кубы из бетона.
Бетонный туман —
Над микрорайоном
Инопланетян.

□ □ □

Сосна по-птичьи проскрипела.
Вся высохла, кора слетела,
На сучьях мох, паучья снасть,
Но что-то в ней не отболело
И не давало ей упасть.

□ □ □

Когда-то срифмовали
Легко мы «храм» и «хлам»
Колокола свергали.
И, падая, рыдали
Колокола — по нам.

СЛУХИ

Мы — продукт (и все тут!) ограниченной зоны.
На любовь в ней введут—вы слыхали?—талоны.

Доктор выдаст «добро», и не мешкай, в получку
Отсчитай серебро за талон на подружку.

А деньжатами если не очень богат,
Синтетической кукле для секса будь рад.

Только так, утверждают, осилим мы СПИД.
— А наука...
— Да знаем: всех нас победит!

□ □ □

Мечтаем
об идеальных условиях,
ждем,
когда все
покинут нас,
оставив нам
голую Землю
для новых
экспериментов.

□ □ □

Затертое
в толпе
толпою,
мелькнуло родное
лицо,
очеловечив сразу
безликую массу.

Владимир СКУРИХИН

ВЫХОЖУ НА ПЕРЕПУТЬЯ

□ □ □

Я часто выхожу на перепутья.
Моя душа над полем голосит.
Лишь вознесясь над жалостью и жутью,
Я стал бродягой на Святой Руси.

Когда паду, душа не запылится.
Иду туда, куда она летит.
Я помолюсь, и небо осветится.
Я поклонюсь зарнице: просвети!

Пусть я бываю там, где мне не рады,
Где смотрят не в меня, а сквозь меня,
Но эти невменяемые взгляды
Я отражаю, сердце заслоня.

Ничьи не сокращу земные сроки,
Для словаря небес торя пути.
Я у земли беру ее уроки.
Куда иду, туда она летит.

РУСАЛКА

«Добрый свет, красавица лесная!
На полтины поменяй нефрит!»
«Что такое деньги, я не знаю» —
Тихо чародейка говорит.

«Деньги сокращают путь желаний».
«А куда ты, странник, держишь путь?»
«Я иду в страну воспоминаний.
Ты меня согрей и позабудь.

Я иду в обход, и мне не близко.
А твоя привольная вода
Пусть меня слизнет с земного списка.
Помоги мне скрыться в никуда».

Сорок капель — медные копейки.
Две пригоршни — киммерийский клад.
Три волны по зову чародейки
Навевают безжеланный лад.

Тот, кто сокращает путь желаний,
Раньше попадает в никуда.
Нету выше подати для дланей,
Нежели рассветная вода.

□ □ □

Влачусь в пыли, как воин не у дела,
И не плачу за место на земле.
Наполовину сгубленное тело
Давно не подвизается во зле.

Я целовал при посвященье в братство
Тот флаг, что черен, золотист и бел.
Но прежде, разучившись улыбаться,
Ко всякому ранжиру охладел.

Когда на злато-пестрые поляны
Я выйду с неизменным костылем,
Где голубицей весело и пьяно
И сам душистый ветер осинен,

Моя неуловимая улыбка,
Пожизненно у вечности в ларце,
Объявится спасительно и зыбко
И отразится на ином лице.

□ □ □

(Ироническое)

Я недосчитываю что-то
На книжной полке спохмела.
Одна подруга Элиота,
Одна Моэма увела.
Уже и Селлинджера нету.
Но мне приятно сознавать:
Душа, приверженная Фету,
Не снизошла в мою кровать!

□ □ □

Осталось в мире три кита:
Отец, сынок да мать.
Но алчущая нищета
Сумела их сыскать.

Чтоб в трюмах не пропал малец,
Чтоб не погиб от ран,
Кивнула мать: «Держись, отец!» —
Рванувшись на таран.

На двух опорах океан
Держал земную твердь.
Отец рванулся на таран:
«Не трогай сына, смерть!»

Мир покачнулся на ките.
Народ очнулся в темноте:
«А где же двое те?..»

□ □ □

Сам Велес процедил в лукошко
Для осветления ключи.
И белой лошадью картошка
Наперерез морозу мчит.

Из всех прадедовских наказов
Я помню: углубиться вширь.

Я твой Алеша Карамазов,
О, Вознесенский монастырь!

Мой голос прозвучал в народе,
Пасхальный звонкистый каприз.
И слово по России бродит
В сиянии осенних риз.

Знать, русская душа такая.
Изведавшая все ненастья,
Поет, никем не помыкая.
Да сбудется ее безвластье!

Владимир **МАКСИМОВ**

ЗАПИСКИ ПРИСТРАСТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Писать эти заметки, или этюды о природе, мне помогла злость. Вернее, она была моим посылом, ибо столько всего накопилось в душе, что она могла просто взорваться, как паровой котел, не имеющий стравливающего клапана.

Что касается злости и тоски по правде — это не ново.

Виктор Астафьев написал свой первый рассказ именно «со зла».

Он услышал в литкружке при газете «Чусовской рабочий» «розовый» рассказ о войне и так разозлился на автора, бывшего фронтовика, за вранье, что в тот же вечер взялся за перо...

Заметки мои в основном касаются Сибири.

Во-первых, потому что я сибиряк и меня, естественно, волнуют проблемы Сибири, а, во-вторых, потому что Сибирь еще до конца не изгаженный техническим прогрессом край,— это надежда человечества на то, что все еще можно поправить. Надо только с чего-то начать. Ведь не страшно медленно идти. Страшно — топтаться на месте.

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа,
в ней есть свобода,
В ней есть любовь,
в ней есть язык...

Ф. Тютчев

В пятидесятые годы я учился в начальной школе. Тогда, почти в каждом классе — так и запомнилось: красный с белыми буквами лозунг над черным квадратом школьной доски — мичуринский призыв: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача!»

Звучит ультимативно, на наш теперешний взгляд, но для той поры было нормально. Люди еще искренне верили в неисчерпаемость природных богатств, я так часто тогда слышал: и по радио, и от нашей учительницы об этих неисчерпаемых запасах, что тоже свято верил в их существование и в свою исключительность по отношению к природе. Сейчас этого лозунга не увидишь...

Не знаю, может быть, раньше в других школах этого лозунга не было тоже. Может быть, просто угрюмый директор нашей школы, любивший постукивать нерадивых учеников толстым крючком указательного пальца по лбу, был страстным мичуринцем, судя по размерам его приусадебного участка, который, почему-то, назывался пришкольным, на котором работы хватало и ему и школьникам.

Не знаю. Сравнить мне было не с чем, поскольку в начальной школе я учился в небольшом поселке в маленькой бревенчатой единственной на весь поселок

школе, которую окружал сосновый лес. И в нем, в этом лесу, можно было тогда безбоязненно для здоровья собирать грибы и ягоды.

А когда в начале шестидесятых годов я стал учиться в большой школе в городе, лозунг этот уже полинял до прозрачности.

Его заменил другой: «Советская власть — есть электрификация всей страны плюс химизация сельского хозяйства!» Теперь-то понятно, что хрен редьки не слаще, но тогда нам лозунг сильно нравился. Так сильно, что многие потом захотели стать химиками. И многие ими стали. Правда, некоторые — по приговору нарсудов, отправившись «химичить» на «Ударные комсомольские стройки!». Благо, таковые были прямо под боком. Но взяли «милостей», по-видимому, много. Иногда — даже слишком.

Вот и появились вымирающие виды, пустыри вместо осушенных болот, затопленные луга и пашни, больные леса и отравленные вода и воздух.

А потом, в семидесятые годы, а точнее, в 1978 году, вышла первая «Красная книга». Не хотел бы я дожить до полного собрания сочинений этой книги. Хотя к этому, как видно, и идем.

Красный цвет — цвет тревоги. Опасности. Цвет крови.

И я уже в иной интерпретации, перефразированный с юмором, но с юмором висельников, услышал вновь забытый лозунг: «Мы не можем ждать милостей от природы, но пусть и она их от нас не ждет!»

С середины восьмидесятых годов готовится второе издание «Красной книги».

Новое издание уже дополнено тридцатью (!) видами и подвидами млекопитающих. Список рептилий пополнился еще четырнадцатью представителями. К 63 видам и подвидам птиц, ставших редкими, добавилось еще 17. К амфибиям добавился только альпийский тритон. Нас уже радует, когда прибавки в этой жуткой статистике идут единицами, а не десятками видов. Но заметьте, что ни один из ранее занесенных видов не вынесен из «Красной книги»! А вот число высших растений, занесенных в «Книгу», увеличилось сразу на 164! Да и сам человек, как биологический вид, может быть, еще не подозревая об этом, давно уже занесен в эту «Книгу». Ибо беспристрастная статистика гласит, что из 10 человек призывного возраста только один может считаться вполне здоровым: психически и физически. А у 90 горожан из каждой сотни содержание витаминов в организме на пределе допустимого. То есть речь уже идет, фактически, об изменяющейся физической природе человека и о необходимости спасения его иммунной системы.

Наша семья переехала в Ангарск, когда он только еще начинал строиться. Среди прекрасных стройных сосен стояло несколько домов нынешнего Юго-Западного района. Весной весь подлесок пронизанных солнцем сосен покрывался розово-нежным туманом. Легким и как бы парящим. Цвел багульник.

Не подумайте только, что это ностальгия по детству. Уже и тогда все виделось не таким безоблачным и чистым.

Ведь и тогда уже Китой (с бурятского — Волчий поток) задыхался от топляков, был перегружен заторами.

Сколько древесины сгнило в этих заторах? Как часто перевыполнялся план по заготовке леса? Об этом знает лишь река. Наверное, иногда ей действительно хотелось завыть по-волчьи, да наш, советский, лесозаготовитель...

Но! Плыл еще багульник розоватым туманом над землей. И запах черемухи плотно стоял меж домов. И ягод было, и грибов немало и совсем близко — стоит только руку протянуть.

Но! Город рос. Росла его промышленная зона. И ветер все чаще стал приносить запах сероводорода и других «ароматических» веществ и — уносить куда-то запах черемухи и розовый туман багульника.

ВПРОЧЕМ, НЕ СТОИТ ТОЛЬКО ВЕТРУ ПРИПИСЫВАТЬ ВСЕ ГРЕХИ. БАГУЛЬНИК, ЧЕРЕМУХУ И ИЖЕ С НИМИ ЛОМАЛИ И ВЫДИРАЛИ В ОСНОВНОМ ВСЕ ЖЕ ЛЮДИ. «ЦАРИ ПРИРОДЫ».

И если сначала они выдирали всё, что имеет силы цвесть, поблизости от городской черты, то потом они стали тщательно «выпалывать» лес за десятки километров в округе. Ведь со все увеличивающимся давлением промышленного пресса росло и «материальное благосостояние трудящихся». Причем оно росло прямопропорционально городскому кладбищу. И чем быстрее росло кладбище — сначала одно, потом второе — тем безумнее, безудержнее урывали от материальных благ пока еще живущие в этом городе подопытные люди.

Промышленная зона города разрасталась, как злокачественная опухоль, а вместе с ней росло и благосостоянье горожан. Потому и за цветами, багульником, ягодой теперь уже не ходили, а ездили на «личных автомобилях». И так преуспели в этом и не только в Ангарске, что облисполком принял тревожное решение: «Об охране дикорастущих растений на территории Иркутской области»:

«Областной Совет народных депутатов отмечает, что массовый неорганизованный сбор населением дикорастущих декоративных и лекарственных растений (одни рвачи — в прямом и переносном смысле — толокнянщики чего стоят! Выдрали почти всю толокнянку в Тулунском районе. В 89-м уже принялись обчищать Слюдянский район. В дальнейшем планируют ободрать Бурятию. — В. М.) приводит к резкому сокращению их, а некоторых видов — почти к исчезновению.

Отрицательное влияние на произрастание и воспроизводство дикорастущих растений оказывают учиняемые в лесах стихийные свалки бытовых и производственных отходов, влекущие усыхание, заболевание леса, а также уничтожение полезной фауны».

Но какая обычно огромная дистанция от принятия решения до его реализации. Прошло уже больше шести лет со дня принятия вышеупомянутого решения, а изменилось разве что-нибудь в этом вопросе к лучшему...

Причем из этих прошедших шести лет пять приходятся на период так называемой Перестройки. За это время было принято еще множество новых хороших постановлений, в том числе и правительственных, направленных на сохранение природы, но, увы, не выполняемых. Как не выполняется, например, и последнее постановление правительства № 434 от 13 апреля 1987 года по Байкалу, где в числе прочих мер, предусматривающих оздоровление экологической обстановки в регионе, намечено и перепрофилирование Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК) на экологически безвредное производство.

Не уверен, что подобное перепрофилирование возможно даже в принципе, а уж в том, что оно невозможно в данном, частном, случае, пока существует диктат министерств и ведомств, уверен вполне. И вот хотя бы почему: «Трагедия в том, что экологическая преступность последние четыре года угрожающе нарастает... Случайно ли, что именно в те годы, когда общественность стала бить в набат о спасении матушки-Волги, неочищенные стоки в нее возросли в четыре (!) раза. В Азовское — в три и даже в священный Байкал — в полтора раза!». (Известия. 1990. 7.08).

С трудом верится, что этот вопль отчаяния принадлежит заместителю Генерального прокурора СССР (!), который, оказывается, бессилен что-либо сделать. Ибо не может применить никаких существенных санкций к отравителям, так как нет у нас в стране экологических преступлений. Не предусмотрены таковые уголовным кодексом. Потому и дымят и долго еще дымить будут и Ангарскнефтеоргсинтез, и Братский ЛПК, и Саянский Химпром, и БЦБК на самом берегу Байкала, несмотря на всевозможные правительственные: «У-Уу! Мы вас!» А им не страшно ничуточки, потому что они — министерства и ведомства — пока что в этой колонии, именуемой Сибирью, хозяева.

Недавно в Байкальске я посмотрел короткометражный фильм «Репетиция», снятый местной любительской киностудией «Кедр».

Я бы поставил эпиграфом к этому фильму слова Жан Жака Руссо из его романа «Эмиль...»: «Всё прекрасно, когда выходит из рук Творца. Всё портится в руках человека».

По мнению авторов фильма, человек «репетирует» с природой. Но слово «репетиция» здесь, помоему, не совсем точное. Ведь «репетиция» предполагает обоюдное согласие, единомыслие. Иначе ничего просто не выйдет. А природу никто не спрашивает ни о каком согласии, просто делают с ней то, что считают нужным и необходимым для себя, вот и всё. Поэтому применительно к нашим действиям вообще и к фильму в частности, скорее подходит определение или название: рискованный опыт. И не хотелось бы, чтобы этот опыт стал летальным, хотя бы для небольшого региона. А уж для планеты в целом — и подавно. Хотя как раз обратное вроде бы сейчас и происходит. Вот выдержки из газет последних лет.

«Выбросы вредных веществ в атмосферу просто чудовищные — 60 миллионов тонн! Сейчас уже 68 городов Союза, по сути, в зоне экологического бедствия. А добавить ко всему этому еще недоброкачественную пищу... На какое рассчитывать оздоровление, если применение пестицидов увеличилось в четыре раза, а содержание свинца, ртути, меди в почве сейчас по отдельным регионам уже превышает в десятки и даже в сотни раз ПДК (предельно допустимые концентрации)».

«Человечество должно принять безотлагательные меры к тому, чтобы не допустить всемирной экологической катастрофы вследствие изменения климата на нашей планете».

«Глобальное потепление атмосферы — самая серьезная проблема, с которой когда-либо сталкивалось человечество, может привести к повышению уровня Мирового океана на один метр...»

«Проблема озонового слоя приобрела сегодня также поистине глобальные масштабы. Неопровержимо доказано, что широкое применение в промышленности химических соединений, в частности фреонов, ведет к истощению и без того тонкого озонового фильтра, защищающего жизнь на планете от ультрафиолетового излучения солнца. Сокращение содержания озона всего на один процент влечет за собой рост числа заболеваний раком кожи на 4 процента. Однако, несмотря на предупреждения ученых, правительства пока больше говорят, чем принимают конкретные меры: объем выброса в атмосферу углекислого газа не уменьшается, а увеличивается».

Поэтому, на мой взгляд, люди сами должны закрывать ненужные им в их регионах производства, калечащие их жизнь, психику и угрожающие самой жизни на Земле, методом пикетов, забастовок ли, не знаю, но точно знаю другое, что у нас в Иркутской области не осталось уже

ни одного (!) пригодного для жизни людей города. И еще знаю точно, что, кроме нас самих, о нас никакие структуры власти не позаботятся, потому что мы не входим в сферу их функционирования.

«По-прежнему катастрофически быстро уничтожаются леса Амазонки — легкие нашей планеты: за два последних месяца лета (1989 г.— В. М.) в джунглях Амазонки было зарегистрировано возникновение 59 тысяч очагов пожаров, в результате которых уничтожены леса на площади 33 тысячи квадратных километров, что превышает территорию Бельгии».

А что касается «легких планеты», то их у нее два — это леса Амазонки и второе «легкое», пока еще,— Сибирь. Например, уже сейчас ее леса, несмотря на астматический эффект из-за перегруженности Сибири «гигантами химии», экспортируют воздух, скажем, в ту же ФРГ, леса которой едва покрывают расход воздуха, сжираемого в большей мере предприятиями одной только Рурской промышленной зоны.

Итак, киностудия «Кедр»: две подвальные комнатки в ДК «Юбилейный», заваленные оборудованием, проявленными лентами и прочими необходимыми для съемочного процесса вещами, казалось, вместили в себя больше, чем могли.

Но вот погас свет. Зазвучала музыка. Замурлыкал киноаппарат... И вдруг! Пространство за белым полотном экранчика раздвинулось... Сначала — до размеров поляны, на которой росли только желтые маки Ольхона, потом — до размеров Байкала и его побережий, а потом... до размеров бесчеловечности и скотской какой-то тупости людей, с алчным сладострастием опустошающих поляны, выдирающих с корнем цветы.

И был прослежен путь этих цветов, редкостных, занесенных в «Красную книгу», нуждающихся в нашей с вами защите. Снопами, охапками они выносились из леса, вяли на спинках сидений в машинах, торчали из сумок, составленных у ног в электричках, растаптывались, раздавливались на бетоне перрона, на асфальте тротуаров у домов и на дорогах, выброшенные на ходу из машин. И, в конце концов, закончили свой путь на откосах железной дороги, в канавах автострад, в помойных баках, сваленные в огромные кучи — в братские могилы цветов.

Фильм длился 8 минут. Но раздумий оставлял на многие часы. Раздумий о жизни человека современного с точки зрения целесообразности. Не хочу декларировать здесь прописные истины, но вот о целесообразности поведенческих реакций человека хотелось бы читателю напомнить. Хотя я понимаю, что с этой точки зрения человек давно уже ведет себя, мягко говоря, странно, даже по отношению к собственной жизни. Как бы утратив инстинкт самосохранения себя и своего потомства в наш индустриальный век.

«Век шествует путем своим железным...» И, пожалуй, главное «достижение» этого технократического шествия, именуемое техническим прогрессом, заключается в том, что идет массовая распродажа человеком своего здоровья (оптом и в розницу) и самой жизни за нищенские, несоизмеримые никоим образом с ценностью человеческой жизни материальные блага. Это, да еще одно бесспорное «преимущество» нашей тупиковой эволюции — рост умственно отсталых детей.

Древние говорили, объясняя начало мира, так: «Сначала был Хаос. Потом — Космос», т. е. порядок, взаимосвязь всего и вся. В том числе и человека со всем живым и сущим. Где-то и когда-то, и особенно в последние десятилетия нашего безумного XX века, человечество переступило

грань равновесия (в данном случае — экологического), когда мера всему цена. Где-то оборвалась эта тоненькая ниточка взаимосвязи всего и вся. «Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить?» Вопрос этот не только для Гамлета. Он для всех нас с вами. Ибо пока что не ведаем, где и кто та Ариадна, которая, дав нам путеводную нить, выведет нас из лабиринта, в котором царствует безжалостный Минотавр — технический прогресс. Каждый раз, когда пишу это слово, так и подмывает взять его в кавычки, ибо, если то, что мы с вами сейчас имеем, прогресс, то что же такое регресс?

И очень не хотелось бы, чтобы к изречению древних греков прибавилось еще одно предложение: сначала был Хаос. Потом — Космос. Потом — опять Хаос. Или — потом на Земле ничего уже не было.

Настало время. Нам уже давно пора от лозунга об охране природы перейти к лозунгу об охране человека, что, в общем-то, тождественно, ибо без природы человека просто быть не может. Ему остается не жить, а только выживать в тех условиях, которые он, впрочем, сам же для себя с таким усердием и создает. Особенно в городах, где человек желает иметь все сегодня, не думая и не заботясь о завтра и о послезавтра.

Как-то в доме литераторов в Иркутске я, писатель Станислав Китайский и Рената Пицони из ФРГ разговорились о городах. Что же это, собственно, за образования такие — города, в которых люди задыхаются от выхлопных газов автомобилей (за 100 километров пути автомобиль съедает столько же кислорода, сколько его необходимо человеку для дыхания в течение 20—25 суток), но тем не менее машин хотят иметь больше; в которых заводы травят нещадно и их, и детей их, как подопытных кроликов, но тем не менее производства с каждым годом расширяются; в которых им негде жить и они десятилетиями (!) стоят в очереди на квартиру. А получив свой бетонный саркофаг в каком-нибудь отдаленном спальном районе города, составленном из безликих бетонных ульев, даже и не мечтают, по причине нереальности, об экологически здоровом деревянном или кирпичном доме, а безумно радуются каждому лишнему квадратному сантиметру площади.

И все-таки, несмотря на очевидное безумие жизни в городах, люди все равно, как загипнотизированные, стремятся в эти самые города и полжизни потом проводят в переполненных автобусах, троллейбусах, в различных очередях...

Какой-то нереальный, перевернутый мир.

И тут Станислав Борисович Китайский высказал мысль одного из героев своей новой книги о том, что города придуманы для того, чтобы собрать в одном месте, как в муравейнике, как можно больше людей для того, чтобы легче было потом Природе смести эту накипь, эту коросту, именуемую городом...

Мне вспомнились и слова Виктора Петровича Астафьева.

— Надеюсь, что я доживу до того времени, когда из городов люди побегут, как из зачумленных, назад, в деревню. Я просто вижу эти городские дома с заколоченными крест-накрест окнами. Или — пустые и разваливающиеся дома, такие, какие мы видим сейчас повсюду в деревнях...

Но я опять ушел в сторону. Я ведь собирался писать о растительном мире. О цветах и лесах, которые, как сказал мне знакомый егерь: «Кажнную вёсну и лето нещадно пылают. А ведь лес поджечь — что дом свой запалить». Однако же горят леса. И, как это ни печально, в 99 случаях из ста в образовании лесных

пожаров повинен человек. Причем во многих случаях человек молодой — подросток. Представитель нового поколения, которое вроде бы должно быть умнее и лучше нас. Недаром же свой роман-надежду Достоевский назвал «Подросток».

Джеймс Фенимор Купер почти два столетия назад писал: «Я надеюсь, что в скором времени недозволенная порубка леса тоже будет считаться уголовным преступлением...»

Во-первых, как мы видим, это время не такое уж и скорое, ибо и сегодня мы видим на примере нашей области, как всевозможные среднеазиатские конторы, названные народом «Воруйлес», «Самворуй», хладнокровно убивают нашу тайгу, не жалея даже кедрачи.

Да и не только они. Совет Министров РСФСР, планирующие организации, например, в 1990 году пытались узаконить чинимый ими в нашей тайге разбой, добиваясь переруба расчетной лесосеки, ни много, ни мало, аж на миллион кубометров.

Представьте себе такую картину. В ваших легких ежедневно «забивается» пылью хотя бы один квадратный сантиметр легочной ткани. Практически — это все равно что отодрать этот квадратный сантиметр, лишиться его — он уже все равно не живой, не рабочий. Но все равно, несмотря на это, легких вам хватит надолго, так как поверхность легких в 75 раз превышает поверхность тела. Практически — это те же «неисчерпаемые богатства», о которых мы все еще так недавно слышали. Но все равно страшно, не правда ли? А между тем — это то же самое, что не беречь «легкие» планеты — леса, убивая деревья. Ибо:

Без лесов — перемена климата.

Без лесов — эрозия почвы и наводнения.

Без лесов — расширение пустынь.

Без лесов — ухудшение качества питьевой воды.

Без лесов — **исчезновение** бесчисленных видов флоры и фауны.

Без лесов — больше вредных веществ в воздухе.

Без лесов — нет жизни.

Недаром народная мудрость гласит, что человек за свою жизнь должен сделать три равнозначных вещи: построить дом, посадить дерево и вырастить сына. Это, так сказать, житейский минимум...

А многие ли из нас за свою жизнь посадили хоть одно дерево?

И неужели так устроен современный человек, неужели он дошел до такой нравственной деградации, что предвидеть ничего уже не может, пока сам не подойдет к краю пропасти. Неужели всем нам суждено, спокойно или беспокойно, в нее, в эту пропасть, свалиться, не видя уже сейчас, что и лесов небольных, и не до конца отравленных рек почти не осталось. Неужели наша нравственная деградация, которая влечет за собой все остальные, так велика?..

Вспомните, что говорил дикий человек Энкиду (по теперешним временам слово «дикий» по отношению к Энкиду могло быть употреблено лишь в кавычках — в переносном смысле, ибо его этические нормы, как мы увидим ниже, были очень высоки) полулегендарному шумерскому правителю Урука Гильгамешу, когда тот начинает рубить дерево: «Чую я запах крови. Сходна она с человечьей. Только другого цвета...»

И это написано в конце третьего тысячелетия до нашей эры!

Причем странствования Гильгамеша и Энкиду не праздные, как нынешних туристов, которые едут в тайгу за туманом, за цветами и т. д. Они подчинены поискам тайны бессмертия. Но даже во

имя такой высокой цели все равно: «Не вреди!»

Этот пример лишний раз убеждает меня, что человеческое общество развивается не поступательно, от низшего к высшему, а как-то по-другому, например, волнообразно. Ибо даже древние и очень древние греки, если судить по их деяниям, не только были не глупее, а, возможно, намного умнее нас. Мы виноваты и в том, что происходит с нашей экономикой, и в том, что происходит с нашей экологией, и — с нашей нравственностью. Степень вины, конечно, разная. У тех, кто узурпировал власть, — она значительно больше. Виноваты, потому что терпели и терпим до сих пор все те издевательства, которыми в изобилии снабжает нас по сословному признаку наша система всеобщего распределения. Более-менее справедливо распределяется на всех, начиная с грудных младенцев и кончая стариками, только отрава, которую производят во имя мифических народных интересов для нас с вами наши государственные предприятия. Хотим мы этого или нет, нам предоставляют нашу порцию токсикантов с пищей, с аэропромвыбросами, с водой...

Нам нужно восстановить свой нравственный иммунитет (я имею в виду нравственность народа, нации) и быть нравственными не только по отношению к себе подобным, но и к природе. Нужно воспитать в себе чувство разумной достаточности, поняв, что нынешний путь истребления ресурсов для удовлетворения «всё возрастающих потребностей» губителен. Нужно перевернуть существующую шкалу ценностей для этого на 180 градусов. На первое место поставить удовлетворение духовных потребностей, а уж потом — материальных, а не наоборот, как это, пока что, записано в Конституции СССР.

В том же, что у нас отсутствуют не только критерии разумной достаточности, но и вообще разумные критерии, я убеждаюсь ежедневно.

Еще в период цветения ягод я с ужасом начинаю думать об армии людей, уже готовых ринуться в тайгу и готовящих свои «орудия пыток» — совки, которыми не собирают, а выдирают еще несозревшую ягоду с ягодником вместе.

Потом я с тем же ужасом вижу длинные вереницы машин, мотоциклов, мопедов, устремленных за город. (Ура! В леса!! На лоно!!!) и знаю — не раз убеждался,— что все, что растет и хоть как-то годится в пищу, будет выдрано. Все, что умеет бегать и летать, не обязательно дичь, дятел, синичка, кедровка — тоже цель, будет выбито и тут же зачастую брошено. Место, ещё не похожее на свалку, будет до соответствующей кондиции доведено. Консервные банки, битые бутылки, полиэтиленовые пакеты, бумага, о нехватке которой мы все время слышим. Тонны бумаги. А ведь каждая тонна макулатуры сохраняет от вырубки в среднем 17 деревьев. Валяются в лесу и куски, а то и целая еще одежда. И не потому, что мы такие богатые, а потому, что хозяев нет. Хозяин нашей социальной системе не выгоден — у него не украдешь. А ведь из той же тонны шерстяного вторсырья можно изготовить 700 кг восстановленной шерсти. Экономический эффект от этого приблизительно 1100 рублей...

Печально обо всем этом писать. О нашей дикости, невежественности. Но еще печальнее все это видеть. Но ведь видим такое на каждом шагу. Свыклись даже с этим. За норму почитаем. Встречаются, правда, в лесу иногда исключения, но они так редки...

Я разговаривал, и не раз, в лесу, у реки, у костра с разного рода механизированными «землепроходимцами», как называли их местные жители. По возрасту они

могли быть отцами тех отроков, которые на любое замечание искренне удивлялись: «Что ж тут такого?.. Не мы первые — не мы последние... Все так делают...» Они тоже были довольные, сытые, самоуверенные, причем степень самоуверенности находилась в прямой зависимости от мощности транспортного средства, на котором они пробились в тайгу, и тоже говорили: «Что ж тут такого?.. Все же так делают... Мы-то чем хуже?..»

Не хуже. Но хотелось, чтобы лучше был человек. Воистину, пожалуй, осуществить материальные реформы все-таки легче, чем дать людям гармоничное воспитание, чем спасти их от загрязнения духовной среды «отходами» НТР.

Мне кажется, что сейчас развилась тревожная тенденция ко все большему появлению массового сытого невоспитанного бездуховного человека. И проявляется все это не только по отношению к природе. Просто по отношению к ней вся наша невоспитанность и бездуховность проявляются явственнее. Современный человек фактически насилует природу.

В своей статье «Новые человеческие типы» (Вопросы литературы». 1976. № 11.) А. Стругацкий писал: «Дело в том, что пределы материального насыщения есть функции не только и не столько физиологии, сколько психологии. Аппетит к благам духовным возникает только при правильном воспитании».

Сократ, посетивший Афинский рынок, воскликнул: «Оказывается, в мире так много вещей, без которых я могу и обойтись!»

* * *

Несколько газетных заголовков из всесоюзных, областных и районных газет за один только месяц: «Сохраним Байкал», «Тайга-кормилица», «Губителям природы — не место в Советах!», «Почему не ценим зеленого друга?», «Сберечь красоту», «Спасем тайгу!», «Любить природу — значит охранять ее», «Люби и украшай родной свой край!», «Притяжение тайги» и даже — представьте себе — передовица о не перевыполнении плана по лесозаготовкам, озаглавлена: «Об экологическом воспитании». Комментарии, как говорится, излишни. Одни только заголовки статей говорят сами за себя. И — радуют.

И тем обиднее видеть подчас дикое небрежение человека к природе, к своей живительнице и целительнице, к своей кормилице и поилице, к праматери своей...

А ведь ни один биологический вид, как говорил Вернадский, не может жить в создаваемых им отходах.

Александр БЕЛЯЕВ

НОРМАНСКАЯ ТЕОРИЯ

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут.
Русский человек должен по крайней мере знать цену свою.

Н. М. Карамзин

Норманизмом в русской историографии называется то ее направление, в основу которого положена гипотеза о скандинавском происхождении российской государственности. Эта более чем шаткая и, можно сказать, очень да́лекая от истины гипотеза выдается норманистами за непреложный факт, оказавший, будто бы, огромное влияние на культуру, общественное развитие и даже на язык восточных славян.

Может быть, не все защитники норманской теории отдают себе в этом отчет, но по существу она покоится на чистом русофобском фундаменте, ибо под всей словесной шелухой тут лежит совершенно определенная политическая идея: утверждение неполноценности русского народа и его неспособности самостоятельно создавать и развивать свою государственность.

События последних пяти лет, под эгидой так называемой «гласности», вылили реки воды на мельницу русофобов, особенно это проявляется на Западе. Большинство советской периодической печати, под рубрикой «Разоблачения сталинизма», дает обильную пищу для враждебных кругов Запада, использующих этот поток, не всегда правдоподобный, но удобный клеветникам.

Если мы и оглянемся на Имперский период России, когда собственно норманская теория получила формальное принятие как официальная версия русской истории, то увидим, что она является непреложным фактом усилий иностранцев, как при дворе, так и в науке — вопреки всем историческим документам. То же самое можно сказать и о периоде сталинизма, вряд ли кто-либо станет утверждать, что сталинизм и вся негодная система, царившая в России и Восточной Европе, есть продукт «русской неспособности», а не плод западноевропейской философии. «Умные и высоко культурные» европейцы разработали такую «прелесть для человечества», а теперь открещиваются от своего детища, возлагая всю вину на русский народ.

Двести лет тому назад норманисты утверждали: Россия, это орды грязных дикарей, которые неизвестно откуда взялись, как народ не имели даже своего имени, платили дань — кто варягам, а кто хозарам, жили по-звериному и резали друг друга, пока не догадались поклониться немцам, а те прислали им своих князей, навели порядок, дали им имя Русь и научили жить по-людски. Историк М. Погодин дошел до того, что даже принятие Русью христианства считал заслугой норманнов, а «Русскую правду» Ярос-

лава Мудрого называл «памятником норманского происхождения».

Таким началом своего исторического бытия мы, как известно, обязаны немцам: Фридриху Миллеру, Готлибу Байеру и Августу Шлецеру, которые через прорубленное Петром Первым «окно в Европу», попали в Петербургскую академию наук и ревностно занялись «родной» русской историей. Ничто не ново под луною. Историки древнего мира утверждали, что история народов повторяется. Более яркого, чем в России, подтверждения этой теории, вряд ли можно найти. Если Петр Первый прорубил «окно в Европу», так, сказать, из России, то немцы с помощью золота «просекли» ворота в Россию, куда и двинулась почти вся немецко-польская социал-демократия, и стали применять норманскую теорию на практике: «придите и владейте нами», правда часть «грязных варваров неизвестной национальности» отказалась принять новых «культуртрегеров» и даже имела «нахальство» оказать вооруженное сопротивление. Но с помощью всей Европы и особенно Польши и Прибалтики, русские были изгнаны из своей страны. Новые теоретики из Европы пошли так далеко, о чем норманисты Екатерининской эпохи и мечтать не могли.

Созданный в Петрограде научный совет прежде всего предложил заменить алфавит «грязных варваров» — кириллицу, латинским, спасибо Климентию Аркадьевичу Тимирязеву, который убедил «ученый совет», что подобная замена лишит новое правительство возможности руководить страной и является рискованным предприятием. Тимирязев спас кириллицу, но не смог спасти имени «неизвестного народа» и названия их страны — тут «новые норманисты», как говорится, отмели прочь все аргументы, «варварская страна» была переименована и начала строить новую культуру по европейским источникам.

Оставим на момент «строителей новой культуры и истории», а вернемся, так сказать, к «первоисточнику» наших бедствий. Мы уже упоминали, что немцы ревностно занялись созданием «родной» истории. Она еще не была написана,— предварительно нужно было собрать, изучить и систематизировать подсобные материалы: русские летописи, хроники соседних народов, свидетельства древних авторов, писавших о Руси, и множество иных документов. За это взялся в первой половине 18-го столетия русский историк В. Н. Татищев, автор «Истории российской с древнейших времен». Человек чрезвычайно добросовестный, он много лет потратил на поиски и исследование первоисточников — в особенности летописей, хранившихся в различных монастырях,— поэтому труд его продвигался медленно.

Немецкие новоиспеченные академики утруждать себя подобной работой не стали. Они сразу взяли быка за рога, и вскоре «русская история» была у них готова. На основании совершенно недостаточных, сомнительных и непроверенных данных, пополненных натяжками и домыслами, игнорируя одни русские летописи и неправильно истолковывая другие,— они объявили князя Рюрика скандинавским немцем и основоположником русской государственности, хотя имелось немало своих и иностранных исторических документов, которые явно противоречили этому утверждению, проливали свет на более древние периоды и события русской истории.

Так, например, древнейшая Новгородская летопись Иоакима-Епископа, найденная Татищевым, говорит совершенно определенно, что Рюрик был внуком Новгородского князя Гостомысла, а в Киевской летописи Нестора,— на которой базировались академики,— по поводу «призвания варягов»

сказано: «звахуся те варязи русью, како другие зовуться свеи, нормане, англяне и геты». Варяг — это профессия, а не национальность, на карельском языке это значит: бродячий купец, по-русски коробейник (см. В. И. Даль. Т. I. С. 409). Иными словами, Нестор с предельной ясностью говорит, что скандинавами они не были и что варягами в то время назывались на Руси многие племена, занимавшиеся торговлей, самого разнообразного происхождения. Однако вопреки этому Рюрика сделали норманном, а Иоакимовскую летопись, убийственную для норманской доктрины,— объявили фальшивкой, потому что она была опасной для немцев-академиков.

История этой лесописи такова: ее список, по-видимому, единственный сохранившийся и последний, Татищев получил в 1748 году от Мельхиседека Борьщева, игумена Бизюкинского монастыря Тульской губернии. Сняв копию с летописи, Татищев возвратил ее в монастырь, где она несколько лет позже сгорела при общем пожаре. Это дало академикам повод объявить Иоакимовскую летопись подделкой игумена Мельхиседека или самого Татищева. Но игумен совершенно историей не интересовался и уж, конечно, ничего не знал о норманских проектах академиков, потому что был вообще человеком духовным, но светски необразованным, а Татищев не имел ни малейшей надобности прибегать к подобным подделкам, во-первых, он был человеком высоко благородным и честным, во-вторых, в его время никаких споров о истории России не было — полемика началась через двадцать лет после его смерти, с появлением «трудов» Шлецера и Миллера.

Таким образом, норманисты обеспечили себе и своим последователям возможность игнорировать самое важное свидетельство существования древненовгородского государства. Сказками и вымыслом были объявлены и все сведения о Древнекиевской Руси, невзирая на то, что и Нестор, и целый ряд польских хронистов: Ян Длугош, Матвей Меховский, Мартин Бельский, Бернард Ваповский и другие, труды которых были академикам известны,— утверждают, что в Киеве задолго до признания Рюрика уже вполне сложилась своя собственная государственность, и в течение трех веков правила династия чисто русских князей, потомков основателя Кия. Вряд ли можно заподозрить, что польские хронисты, все как один занимались фальсификацией в пользу москалей. Существование же Киева и его название академики отбросили как ненужную шелуху, не имея на это никакого объяснения.

Благодаря тому же «окну», зерно норманизма упало на благодатную почву: теорию «русских» академиков подхватили и разработали историки Готфильд Шриттер, Эрих Тунман, Иоганн Круг, Фридрих Крузе, Христиан Шлецер, Мартин фон Френ, Штрубе и др. Разумеется, она получила полное одобрение и поддержку президентов и вице-президентов Академии наук, гг. Блюменроста, Кайзерлинга, Корфа, Таубарта и Шумахера. Надо полагать, что очень довольны ею остались сменявшие друг друга временщики — Бирон, Миних, Остерман, да и сама матушка Екатерина Вторая, урожденная принцесса Ангальт фон Цербст, при таких «исторических» предпосылках чувствовала себя на Русском престоле более уютно.

Однако русские академики (в небольшом количестве были и таковые в русской Академии наук) Ломоносов, Тредьяковский, Крашенинников и Попов горячо протестовали против этих оскорбительных для России измышлений. Когда Миллер на торжественном заседании Академии прочел свой

труд «О происхождении народа и имени российского», русские академики с возмущением заявили, что автор «ни одного случая не показал к славе российского народа, а только упоминал о том, что к его бесчестию служить может». Ломоносов после этого писал: «Сие есть так чудно, что если бы господин Миллер лучше изобразить умел, он бы россиян сделал столь убогим народом, каким еще ни один самый подлый народ ни от какого историка не представлен». Основываясь на древних источниках, Ломоносов доказывал, что к моменту появления Рюрика, Русь уже насчитывала много веков своей собственной, славянской государственности и культуры.

Еще большего внимания заслуживает выступление Тредьяковского. В изданном им труде «Рассуждение о первоначалии россов, о варягах-русах славянского звания, рода и языка» он обнаружил большую эрудицию и в частности утверждал, что Рюрик и его братья были прибалтийскими славянами, выходцами с острова Рюгена, что позже нашло подтверждение в трудах других исследователей-антинорманистов.

Эти выступления русских ученых имели временный успех: Миллер был лишен звания академика, а уже напечатанный труд его уничтожили. Что это значит? Значит, что эта лживая теория была настолько очевидным, научно не обоснованным вымыслом, что и привело Академию наук к решению, указанному выше. Но измышления Миллера оказались слишком выгодными для немецкой правящей верхушки: Миллер очень скоро был прощен и восстановлен в звании. Его «труд» несколько лет спустя был издан на немецком языке в Германии, а позже снова просунут в официальную русскую историю. Уже в то время печать использовалась врагами России, издавая за границей антирусское, антинародное «творчество» с целью разрушения нашего государства и приобретения выгоды вековыми врагами россиян.

Норманская доктрина восторжествовала: она была признана правильной и научно обоснованной. С той поры все работы историков, которые ей противоречили, рассматривались как проявление назойливого невежества в науке и встречали со стороны Академии пренебрежительное отношение, а иногда и нечто похожее на окрики — этим особенно отличался Шлецер. Замечательный труд С. Гедеонова «Варяги и Русь», совершенно разбивающий норманскую гипотезу, испортил ему научно-служебную карьеру.

Богатые и материально независимые люди у нас историей, к сожалению, не занимались, а те, кто избрал ее своей служебной профессией, не могли, конечно, вступить в идеологический конфликт с Министерством просвещения и с Академией наук. До самой революции каждый русский историк, если он хотел преуспевать и получить профессорскую кафедру, должен был придерживаться доктрины норманизма.

Наглядным примером такой вынужденной двойственности может служить Д. И. Иловайский: в своих «частных» трудах он был ярым антинорманистом, а в написанных им казенных учебниках истории проводил взгляды Баера, Шлецера и иже с ними. Как историк может быть двуличным и не чувствовать ответственности перед грядущими поколениями?

Читателя, может быть, удивит то, что унизительная для русского национального достоинства теория не встретила в верхах нашего культурного общества никаких протестов? Но это тоже имеет свое историческое объяснение. Почва и все условия для пышного расцвета норманизма были подготовлены на Руси задолго до немецкого засилия.

Еще в конце пятнадцатого столетия у Великих Князей Московских, уже начавших титуловать себя Царями, возникла чисто политическая необходимость официально возвысить свой род в глазах европейских монархов. Это было вызвано следующими обстоятельствами: в 1453-м году турки сокрушили с помощью Рима Византийскую империю, девятнадцать лет спустя Великий князь Иван Третий женился на племяннице последнего императора Византии Зое-Софии Палеолог, Рим приложил огромные усилия к совершению этого брака, возлагая большие надежды на будущую Царицу Московскую, воспитанную в Риме для крещения Руси в католичество, однако этим надеждам не было суждено исполниться. Породнившись с Византийским Императором уже разрушенной Империи, Иван Третий перенял Византийский символ — Герб Двуглавого Орла, подчеркивая этим актом, что Москва стала прямой наследницей и преемницей Византии, которая была оплотом Православия и восточно-европейской культуры. Московским Государям надо было чем-то обосновать свои права на такую преемственность и в то же время утвердить за собой Царский титул, которого, по наущению Рима, никак не хотели признавать за ними другие монархи. Были ли эти единственные причины или какие-то другие, неизвестно, история не оставила по этому поводу никаких документов.

Известно только, что опальный митрополит Спиридон,— известный на Руси как широко образованный человек и духовный писатель, чтобы избавиться от опалы, предложил Василию Третьему разработать соответствующим образом родословную Московской династии. Следует обратить внимание на хронологию царств. Иван Третий родился в 1440 году, вступил на престол Великокняжеский в 1462 году, умер в 1505 году. Его сын Василий Третий родился в 1479 году. Царствовал с 1505 года, умер Великим Князем в 1533 году, и только Иван Васильевич Четвертый — Грозный в 1547 году объявил себя Царем, следовательно почти через сто лет после падения Византии, поэтому аргумент о спешном желании Великих Князей Московских иметь Царский титул, чтобы сравняться с Западными монархами, категорически опровергается проверкой хронологии царств.

Однако жуликоватый монах, ставший обманным путем митрополитом в Царьграде, сочинил родословную Московской династии, свое сочинение он назвал «Посланием», в котором взял отправной точкой всемирный потоп; от Ноя вывел родословную египетского фараона Сезостриста, а прямым потомком фараона сделал римского императора Августа. У Августа, по Спиридону, был родной брат Прус, получивший будто бы во владение область реки Вислы, которая по его имени стала с тех пор называться Прусской землей. По прямой линии, от Пруса, Спиридон вывел род Рюрика и в результате всех этих «генеалогических», а фактически шарлатанских построений оказалось, что «... государей Московских поколенство и начаток идет от Сезостриста, первого Царя Египту, и от Августа кесаря и царя, сей же Август пооблада вселенною. И сея от сих известна суть».

Василий Третий в семейном кругу хохотал до коликов над «родословной», сочиненной лукавым Спиридоном. И только Иван Грозный, обремененный борьбой с боярами, по совету митрополита Киприяна для утверждения своих прав и прав его детей объявил себя в 1547 году, т. е. через 14 лет царствования «Царем Самодержцем Всея Руси». Фантастическая версия» была вытянута на свет уже после смерти ее

автора. Митрополит Киприян сделал дальнейшую разработку родословной в книгах «Сказание о князях Владимирских» и в «Степенной Книге», позже она вошла в «Государев родословец», а потом и в так называемую «Бархатную книгу».

Разумеется, с научно-исторической точки зрения весь этот материал не выдерживает никакой критики и способен вызвать только улыбку. Греки, которые знали о приднепровских славянах больше, чем кто-либо, называли норманскую теорию политическим шулерством, тем не менее Вселенский Патриарх признал за Иваном Грозным Царский титул, а вслед за ним и вся Европа.

Но в то же время это политшулерство подготовило почву для принятия норманизма и оказалось первым шагом на пути неуважения к своему русскому началу. Некоторые историки утверждают, что царь Иван Грозный любил щеголять фразой: «Я не русский, мои предки немцы». Это дело все еще ждет досконального исследователя для установления правды, или это была просто болтовня жениха, якобы Грозный сватался к Елизавете I английской? Или в самом деле Иван Васильевич верил в свое немецкое происхождение?

И пошло с его «легкой» руки: иностранное, а в частности немецкое происхождение начинает считаться на Руси особенно почетным. Родоначальник иноземец становится объектом вожделения каждой аристократической семьи, и для отыскания такового широко применяются генеалогические методы «митрополита» Спиридона, т. е. совершенно невероятные измышления и натяжки, подделка документов и т. п. трюки.

Известный генеалог Л. М. Савёлов-Савёлков, член Императорского историко-родословного общества, в своей книге «Древнее Русское дворянство» по этому поводу пишет: «Главной особенностью родословных древнего русского дворянства являются легенды об его иностранном происхождении, и этот вопрос обойти молчанием нельзя... Отрицать выезды в Россию из Польши, Литвы и татарских царств, конечно, невозможно, но выезды из европейских государств, а особенно «из Прус»,— которыми так изобилуют русские этой первой в России родословных дел стала требовать доказательств, их не было,— стали фабриковать и в результате всего этого получилось, что русские дворянские родоначальники ведут свое происхождение откуда угодно, только не из России».

Савёлов-Савёлков нисколько не преувеличивает. При составлении этой первой в России родословной книги оказалось, что подавляющее большинство высшего русского дворянства ведет свое начало от всевозможных «честных мужей», некогда выселившихся («на ловлю счастья и чинов» по определению М. Ю. Лермонтова) на Русь из «прус», «из немец», «из свей», «из фрягов», «из грек», в крайности «из ляхов», или из Литвы. Некоторые из них бежали в Россию по не вполне честным мотивам. Всего было представлено 933 родословных, и из них 804 — оказались иностранного происхождения.

«Род Новосильцевых от Юрия Шалого. А прежде звахуся Шель и выеха из Свейского государства»... «Выеха из немец муж честен именем Андрей Иванович Кобыла, от него же род Кобылин» (в Германии они звались Кобылль, в России они предпочли Кобылу Кобелю). «Выеха из Прусс честен муж Христофор, прозванием Безобраз и от него род Безобразов»...

...В соответствии с подобными заявлениями, потомками «немцев» оказались: Клычевы, Кутузовы, Салтыковы, Епанчины, Толстые, Шереметевы, Беклемишевы, Левашовы, Хвостовы, Бобрыкины, Васильчиковы и многие другие.

Потомками шведов — Воронцовы, Сумароковы, Ладыженские, Вельяминовы, Богдановы, Зайцевы, Нестеровы и пр. Потомками итальянцев — Елагины, Панины, Сеченовы, Чичерины, Алферьевы, Ошанины, Кашкины и др. Потомками греков — Жуковы, Стремоуховы, Власовы; англичан — Бестужевы, Хомутовы, Бурнашевы, Фомицины; венгров — Батурины, Колачевы; Апухтины и Дивовы оказались французами, а Лопухины, Добрынские и Сорокоумовы — черкесами и т. д.

Нередко то происхождение, которое люди себе приписывали, чтобы удовлетворить эту печальную моду, было значительно хуже подлинного, которое считалось скверным только потому, что оно было чисто русским. Дело доходило до абсурдов. Так, например, известные всей России Рюриковичи — князья Кропоткины — показали себя выходцами из Орды! Даже это, очевидно, казалось более почетным, чем происхождение от Великих князей смоленских! Собакины — тоже потомки смоленских князей — стали писаться выходцами из Дании.

Так высшее общество России наводнили люди, которых можно определить как «Иваны, не помнящие своего родства». Преклонение перед иностранщиной овладело русским дворянством, то же самое они говорили и о вере: «православие — вера мужиков», а вот «католичество намного культурнее».

Когда они оказались бедными эмигрантами за границей и хлебнули мурцовки, то тогда вспомнили, что они русские, потому что те, кому они пытались подражать, угодничать и приписывать себя к ним, смотрели на русское дворянство, как на никуда не годных унтерменьшей. Струве, Шаховские, Милюков, Коковцев, Львовы, Оболенские, Гагарины, Горчаковы и многие, многие другие каялись на коленях в Русской Православной Церкви, что они изменили Отечеству, Трону и народу, поэтому должны нести заслуженное наказание за то, что перестали быть частью русского народа...

При Петре Первом и его ближайших преемниках эта тенденция в русском дворянстве еще больше усилилась. Меншиков, до встречи с Петром, как известно, торговавший на улицах Москвы пирожками, оказался «потомком» литовских магнатов. Разумовский и Безбородко — заведомые малороссы, и притом далеко «не знатного» происхождения,— объявились отпрысками древних польских родов и т. д.

Стоит ли говорить о том, что порожденная немцами норманская доктрина при такой настроенности верхушки русского общества не могла задеть в нем каких-либо специфически-русских национальных чувств и была принята в лучшем случае с полным равнодушием. Она вошла во все академические труды и учебники, ее стали преподавать в школах и университетах, постепенно отравляя национальное сознание русских людей, прежде справедливо гордившихся своей древней историей и самобытной культурой, а теперь все глубже проникающихся подсунутой им идеей неполноценности русской нации и неспособности русского народа обойтись без руководства и опеки иностранцев.

Она была с отменным удовольствием принята и утверждена заграницей, давая нашим соседям «научное» основание для того, чтобы смотреть на русских свысока, как на низшую расу, пригодную лишь в качестве удобрения для других. Более всего в этом погрешны немцы, навязавшие нам норманскую теорию и старавшиеся использовать ее в своих политических целях. Но сами русские совершили грубую ошибку, приняв эту доктрину с овечьей покорностью, и не защитили своего национального нас-

ледства. Следует добавить, что сегодня, а особенно последние пять лет, советская печать, ТВ, кино и пр. ежедневно, ежечасно, подтверждают, что мы и в самом деле годимся только на удобрение.

И, конечно, не случайно все народы, входящие в состав СССР, смотрят на русских свысока, считая нас совершенно никчемными людьми. Переселенцы последних лет, покидающие Советский Союз, без стеснения называют русских баранами! Почему? Да потому, что развитие русской исторической науки пошло по совершенно ложному пути, искривленному предвзятой уверенностью, что мы народ без прошлого, из мрака неизвестности выведенный на историческую арену каким-то другим народом высшей категории,— конечно, не славянским. Если учесть господствующую в стране идею интернационализма, то русские оказались самой последней спицей в колесе, признанной служить и ублажать другие национальности СССР и Восточной Европы, жертвуя всем и вся, включая «копеечные» жизни русских солдат.

Приняв летопись Нестора за основу истории Киевской Руси, наши официальные историки вынуждены были в какой-то мере считаться со сведениями, которые имеются в этой летописи об основателе города Киева — князе Кие и его династии. Однако допустить, что князья были полянами, т. е. русскими, никто не хотел. Академики Байер, Миллер и другие отечественные немцы, конечно, объявили их готами; В. Татищев — сарматами, историк князь Щербатов — гуннами. Только Ломоносов утверждал, что они были славянами, позже к этому мнению без колебаний примкнул Карамзин. Наконец, просто решили объявить все это легендой и таким образом совершенно списать князя Кия и все с ним связанное с исторического счета. Костомаров, отважившийся верить в основание Киева славянами и считать Кия исторической личностью, испортил этим свою репутацию серьезного историка. Преуспевающий Ключевский благоразумно обходил «спорные» вопросы молчанием, хотя по существу норманистом не был. Платонов тоже счел за лучшее о Кие не упоминать и с некоторыми оговорками примкнул к норманистам — иначе бы ему не бывать академиком. Иловайский, как уже было сказано, сидел на двух стульях.

Итак, под Рюрика был подведен германский фундамент и с него стали начинать официальную историю Русского государства. Все, что было прежде, объявили вымышленным или недостоверным. Даже допущение того, что поляне были способны сами построить свой столичный город, считалось ненаучным и противоречащим всему норманистскому представлению о древней Руси. Основание Киева старались приписать кому угодно, только не славянам. Многие русские историки (Куник, Погодин, Дашкевич и др.) защищали совершенно нелепую гипотезу, согласно которой Киев был построен готами и есть не что иное, как их древняя столица Данпарштад. То обстоятельство, что Константин Багрянородный в одном из своих трудов назвал Киев Самбатом, сейчас же породило целую серию «исторических» гипотез, будто этот город был построен: аварами, хозарами, гуннами, венграми и даже армянами,— только лишь потому, что в языках этих народов нашлись слова, похожие на Самбат. На прямое указание Птоломея (второй век христианской эры) на то, что в его время на Днепре уже существовал славянский город Сарбак (чем можно легче всего объяснить «Самбат» Багрянородного), всеми было оставлено без внимания. Решили Птоломея и его свидетельство о славянском

городе Сарбак-Киеве объявить как бы не бывшим.

Вопрос по существу совершенно ясный, в конце концов, запутали до того, что только археология могла дать ему окончательное и правильное решение. Теперь раскопки археологов, и в частности академика Б. А. Рыбакова, неопровержимо доказали, что никакие «высшие» народы тут ни при чем и что Киев был построен своими, славянскими руками. К чести многих иностранных историков, следует сказать, что, не в пример большинству своих русских коллег, они этого никогда не отрицали и считали норманскую теорию о Руси — вымыслом.

Конечно, среди русских историков было немало и антинорманистов (Костомаров, Максимович, Гедеонов, Забелин, Зубрицкий, Венелин, Грушевский и др.), которые проделали большую исследовательскую работу и нанесли доктрине норманизма чувствительные удары. Борьба между этими двумя течениями не прекращалась со времен Ломоносова вплоть до самой Октябрьской революции. Но практически она ни к чему не привела: слишком неравны были условия этой борьбы.

Научные позиции антинорманизма и тогда были гораздо сильнее, ибо их подкрепляли факты, открывавшиеся все в большем количестве и определенно говорившие не в пользу норманизма, который держался больше на рутине и на предвзятых мнениях. Но на стороне защитников норманской теории была сила авторитета Академии наук. Кроме того, у норманизма был весьма ценный союзник: инертность русского общества.

Сколько непоправимого вреда принес норманизм престижу нашей страны и нам самим? Многие из тех, кто взлелеяли эту вражескую теорию, стали понимать ее вред уже за границей, очутившись в «норманском» мире и поневоле сделав кое-какие наблюдения, сравнения и выводы. Российскую эмиграцию принимали в Западной Европе и Америке в полном соответствии с учением норманизма.

Западноевропейских эмигрантов — французов, испанцев, греков и других — в России принимали иначе. Французский эмигрант герцог Ришелье в России получил пост генерал-губернатора; русский эмигрант герцог Лейхтенбергский во Франции из милости получил место монтера. Французские эмигранты офицеры, ни слова не знавшие по-русски, у нас получали поместья и полки в командованье, а русские заслуженные генералы-академики, в большинстве прекрасно владевшие французским языком, в Париже работали простыми рабочими или гоняли по улицам такси. И этим мы обязаны, главным образом, норманской доктрине, созданной и официально утвержденной в нашей же Академии наук.

Что касается советской исторической науки, то она от норманизма решительно отказалась, объявив норманскую теорию антинаучной. Но оформила она этот отказ не очень убедительно. Сделав много в области исследования и описания древнейшего периода истории Руси, полностью признавая самобытность русской государственности и культуры, советские историки в то же время заняли какую-то невразумительную позицию в отношении призвания варягов и личности князя Рюрика. Не занимаясь вопросами его происхождения и появления в качестве правителя на Руси, о нем просто стараются вспоминать пореже, трактуя в этих случаях как личность скорее легендарную, чем исторически действительную. Как у этого легендарного отца мог оказаться вполне реальный сын — князь Игорь, советские историки не объясняют, хотя Игоря признают безоговорочно и считают его чистейшим славянином? Впрочем, для Рюрика в последние го-

ды выдумали особый термин: его называют персонажем не легендарным, а «эпизодическим». Это, по-видимому, следует понимать так, что он в действительности существовал, но не заслуживает того, чтобы им занимались историки.

Так или иначе, плохо, с недоговорами с норманизмом на нашей Родине покончено, хотя выводов из прошлого Академия наук не сделала. Но Запад продолжает держаться за него цепко и в течение последних десятилетий с завидной настойчивостью старается укрепить обветшалые позиции норманской теории. Западные историки, среди которых есть, к сожалению, и выходцы из России, в разных странах выпустили немало книг и публикаций, в которых на все лады повторяют, по существу, все те же псевдонаучные измышления шлецеров и байеров, при полном замалчивании непрестанно возрастающего числа исторических открытий и работ, совершенно убийственных для норманской доктрины. Мы не знаем, реагировала ли на это советская историческая наука?

Этот факт весьма показателен и требует самого пристального внимания, ибо за ним кроется не одно лишь тщеславное желание Запада отстоять видимость своего превосходства над русским народом. Дело обстоит гораздо серьезней: норманская доктрина пошла на вооружение тех русофобских сил Западного мира, которые принципиально враждебны всякой сильной и единой России — вне зависимости от правящей там власти,— и служит сейчас чисто политическим целям; с одной стороны, как средство антирусской обработки мирового общественного мнения, а с другой — как оправдание тех действий, которые за этой обработкой последуют. В этом нет сомнений. Надежды на коэксистенцию эфемерны, это лишь средство для выжидания удобного момента и скрытой разрушительной работы.

За неуважение к своему прошлому пришлось и приходится платить дорогой ценой.

Надежда ТЕНДИТНИК

ГЛУБОКИЕ РАНЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Один из жесточайших парадоксов нашего времени — полное расхождение позиций в преподавании гуманитарных наук. «Либеральная» пресса не жалеет красок для очернения творчества А. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова. В это же самое время в школах, и не в каких-нибудь сельских, удаленных от духовных центров, а в самом центре Иркутска, где обучается немало детей из «элитарных» семей, «Мать» преподносится как вершина пролетарской культуры, звучат стихи о приравнивании штыка к перу и о «левой, левой, левой». Студенты, возвращаясь с практики, жалуются, что методисты не дают им сказать новое об А. Блоке. Приводятся факты преследования молодых учителей за уроки по творчеству А. Солженицына.

Институт усовершенствования учителей не один год использует практику приглашения вузовских преподавателей и учителей, исповедующих диаметрально противоположные взгляды. Иные «блестящие» методисты, не смущаясь подбором слов, так характеризуют гражданскую позицию «деревенщиков», что после них, кажется, неплохо было бы смыть грязь с кафедры. Право учителя менять программы по своему усмотрению разрушает самые основы обучения и ставит в неравное положение детей, обучающихся в глубинке, где, бывает, литературу преподают и вовсе случайные люди.

Научимся ли прогнозировать последствия этого разброда? Как найти выход из тупика? А как быть со все усиливающейся критикой культуры и интеллигенции «справа»? Ведь она объективна и честна!

Оглядываясь с высоты лет на путь, пройденный русской национальной культурой, нельзя не осознать ее непроизвольный, а иногда и осознанный отход от судьбы народной. Правы исследователи этого процесса, констатирующие давнее отчуждение культуры верхов от народной культуры, пусть не столь величественной, но самодостаточной и набиравшей силу даже в условиях советской власти.

После петровских крутых ре-

форм цвет общества предпочел общаться между собой по-английски и по-французски, национальному костюму предпочли европейский, а литература все более настойчиво стала черпать вдохновение в критике государственных и церковных установлений. Пагубность все нараставшего нигилизма осознана и оценена лишь в XX в. А ведь именно он заслонял горизонт «не теми, кто строил мосты, города, дороги, водил корабли, осваивал российский континент, изобретал сталь, сажал парки и леса, а целым сонмом увечных, больных и слабых — всеми этими «бедными Лизами», «униженными и оскорбленными», аккакиями аккакиевичами, собакевичами и плюшкиными, из героев 1812 года сделали скалозубов и целой толпой лишних людей — желчных «неврастеников»![1] Горько и страшно читать все это, и, не дай Бог, впасть в новый нигилизм и мазохизм, но нельзя и не осознать того, как своими руками лучшие люди страны давали подкормку и фашизму, и сионизму, и космополитизму. Тип безнационального человека, столь распространившейся в эпоху «плюрализма», рожден этим же неустанным поношением «проклятой», «гнусной» российской действительности, в которой царили одни лишь «свинцовые мерзости». «Круг описан, и наши раны, а это наши глубокие и нами же нанесенные раны, мы должны понять теперь частью всей цельной и единой нашей истории. Мы и эти раны, которыми уничтожалась и губилась русская история и русская традиция, и эти раны, которыми собирались ее совсем доизрезать, мы и эти раны должны вписать теперь в образ всей русской истории»[2].

Вопрос «Народу ли за нами или нам за народом» первый всерьез осознал Ф. Достоевский, а осознав эту истину, призывал покончить с «самооплеванием» и растить в себе и окружающих «самоуважение».

Часто сейчас цитируют слова А. Солженицына о том, что жесткая самокритика — признак силы нации, что лишь великий народ склонен смеяться над собой. Однако же непомерно разрастался этот смех, обретал несусветные масштабы, в результате чего возник образ страны, лишь после 1917 года вступивший на «благостный» путь. Ну а сейчас и последние 73 года жизни народа тоже пошли на слом, хотя все понимают, что было три России: «сидевшая», «садившая» и та, третья, «которая не садила и не сидела, а работала, голодала, рожала детей, защищала Отечество»[3].

Сейчас вполне определились контуры беснования в среде интеллигенции, обозначена кульминация этого процесса и этапы кризиса культуры с их психологической подоплекой. Князь Евгений Тру-

[1] Раш К./Литературная Россия. 1991. № 1. С. 7.
[2] Михайлов А. В. Итоги/Наш современник. 1990. № 12. С. 26.
[3] Собор. 1990. № 1. С. 4.

бецкой, мыслитель, нами пока еще не открытый, за три недели до Октябрьского переворота в письме к А. Кони с изумлением отмечал, что множится число людей, готовых порвать с родиной и пылающих по отношению к ней «презрением и озлоблением». Относясь с великим уважением к тем, кто «любит истерзанную, несчастную, глубоко падшую, но все же бесконечно дорогую Россию», философ обозначает самые страшные последствия беснования — презрение и равнодушие к народу, взгляд на него как на серое стадо, обманутое, «висящее на трамваях, грызущее «семячко», а ныне восставшее за Ленина... Легион бесов, сидевший недавно в одном Распутине, теперь после его убийства переселился в стадо свиней. Увы, это стадо сейчас на наших глазах бросается с крутизны в море...»[1]

Любовь к России заметно начинает двоиться в глазах интеллигенции. «Святое духовное» в ее истории оказывается несоединенным с поступью грядущего хама, стада, быдла. Словно лишь в кровавых зорях революции и проснулись, вознегодовали. Обиднее всего, что этому процессу оказались подвержены те, к кому нельзя было не прислушаться: А. Чехов, И. Бунин, В. Короленко, эти мудрые из мудрейших, умевшие быть властителями дум. Разве не бунинские «Веселый двор» и «Деревня» укрепляли презрение к мужику, к его лености, идиотизму и «пещерному» образу мысли? Печальна подобная «Духовная связь» поколений. В роковом 1922 г. Россия предстала перед писателем в образе Блудницы, родившей урода. И. Бунин призывает на ее голову все возможные кары.

О, слез невыплаканных яд!
О, тщетной ненависти пламень!
Блажен, кто раздробит о камень
Твоих, Блудница, новых чад,
Рожденных в лютые мгновенья
Твоих утех — и наших мук!
Блажен тебя разящий лук
Господнего святого мщенья!

Ярость, жажда мести — плохие союзники поэта и гражданина. И. Бунина оправдывает лишь одно — великая боль за родину, кроваво сочащаяся из стихов, переполненных ненавистью. Примечательно признание такого свойства: «Народ сам сказал про себя: «Из нас, как из древа, и дубина, и икона, в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает». Отчего же, понимая это, русская интеллигенция оказалась в стороне от процесса завоевания умов, начатого радикально настроенной прессой эпохи трех революций? Трех! Ведь видно было, куда все клонилось. Не оправданием ли своего равнодушия к судьбе народа звучит у И. Бунина насмешка над «Чудо-богатырем»: «Как мы врали друг другу, что наши «чудо-богатыри» — лучшие в мире патриоты, храбрейшие в бою, нежнейшие с побежденными!» И вот по-

[1] Трубецкой Е. Письмо к А. Ф. Кони/Новый мир. 1990. № 7. С. 227.

каяние: «Было, в сущности, жесточайшее равнодушие к народу... Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого и жизнь не в жизнь была». И. Бунин искупал вину в мучительном разрыве с родиной, внезапной солидарностью с ней в годы испытания, что свидетельствовало о неумирающей любви к Отечеству.

В воззрениях на народ как на сырую темную массу, которая может смести все идеалы, которую легко направить в самое неожиданное русло, сошлись писатели, совсем непохожие друг на друга в поношении мужика, в обвинениях его во всех мыслимых и немыслимых грехах В. Короленко, И. Бунин и... А. Горький.

Неожиданности гражданской войны и способы укрепления «диктатуры пролетариата» вызвали смятение, раздражение и гнев в умах вчерашних гуманистов. Человеколюбие и сострадание сменилось яростью. Пример — письма В. Короленко к А. Луначарскому 1920 года.

Протестуя против изуверств ЧК, писатель призывает: «Пусть зверство и слепая несправедливость остаются целиком на долю прошлого, отжившего, не проникая в будущее»... Писатель сетует, что в сознании народа «повернулся внезапно какой-то логический винтик, и от слепого преклонения перед самодержавием, от полного равнодушия к политике наш народ сразу перешел к коммунизму», а «нравы остались прежние, уклад жизни тоже»[1]. Какие же это нравы? Чем был плох тысячелетний уклад? И почему в борьбе с террором нужно было разыгрывать русскую карту? Писатель вспоминает при этом «лучших представителей американской демократии», умевшей в лице губернатора штата Иллинойс Алтчелджа, «человека своеобразного и прямо замечательного», регулировавшего забастовки политическими средствами. Кажется, что это написано сегодня, так совпал идеал писателя с программами желтой прессы.

В сегодняшней трагической реальности трудно воспринимать шабаш тех дней вокруг таких понятий, как народ, патриотизм, государственность, религия. Великий поэт в рамках одного произведения призвал расстрелять «толстозадую» Русь, а во главе новых «апостолов» с цыгаркой в зубах и примятом картузе поставить Христа в «белом венчике из роз». Стоит ли удивляться тому, что А. Блок пошел служить Керенскому в его суде над министрами, а потом без колебаний сделался чем-то вроде секретаря у А. Луначарского. А. Горький в книге «Заметки из дневника. Воспоминания» рассказал, как встретил А. Блока после доклада на тему «Падение гуманизма» и не мог определить: радует или пе-

---

[1] Владимир Короленко. Письмо к Луначарскому/Новый мир. 1988. № 10. С. 201—202.

чалит поэта факт падения гуманизма? А. Блок вообще напомнил ему ребенка, заблудившегося в лесу.

Странное, горькое чувство оставляет опубликованная С. Есениным в 1922 г. в пролеткультовском журнале «Скифы» поэма «Христос — младенец» с обезображенными изображениями Христа и Богородицы и с опрощенными до юродства носителями православной идеи. Отчего разгулялись стихии нигилизма и безбожия?

Литература послеоктябрьского периода, формировавшаяся в условиях последовательно разрушаемой традиции, внесла значительную лепту в нарастающий кризис духовного сознания. И здесь на первом месте по масштабу дарования и крайности метаний стоит А. Горький. Метаморфозы его сознания наиболее точно отражают процесс, обозначенный А. Солженицыным как «изворот всей народной психологии».

В сенсационных публикациях последних лет часто стало появляться имя А. Горького. О нем пишут как о вдохновителе сталинских репрессий. Публикации неизвестных читателю произведений нередко имеют странную направленность. Из архива писателя в усеченном виде извлекается материал, богато иллюстрирующий не просто нелюбовь художника к собственному народу, но и противопоставление «темному и дряблому» населению страны людей другой нации, избранной Богом, «умеющей работать», вносящей одинаковую страсть как в «дело личной наживы», так и «на арене общественного служения». Создается впечатление, что А. Горький удобен в сегодняшней групповой борьбе как орудие в руках русофобов — «прогрессистов».

В самом деле, что означает комментарий И. Вайнберга к публикации «Несвоевременных мыслей», в котором сказано: печатается «полностью по тексту отдельного издания (Пг, 1918), сверенному с авторским экземпляром книги, подготовлявшимся для предполагаемого переиздания, и с первой (газетной) публикацией» (Литер. обозрение. 1988. № 12. С. 97). Возникает вопрос: неужели комментатор не знает, что книга не просто подготовлена, но и издана, и по строгим меркам литературоведческой науки сверять и выбирать куски текста следовало не из газетной публикации и не из отдельного раннего издания, а из канонического варианта, пусть он и издан за рубежом. Если сопоставить публикацию «Несвоевременных мыслей» в «Литературном обозрении» с текстом «Заметок из дневника. Воспоминаний», написанных в период духовного кризиса А. Горького и близких по тональности «Несвоевременным мыслям», становится очевидным: неприязнь Горького к Руси, коллекционирование странных и страшных типов, «выщипывание из человека павлиньих перьев» не было самодовлеющим. Всякий раз, когда писатель ожесточался против бессмысленности поступков и дел в изображаемой им стране, он словно спохватывался и говорил то, что потаен-

но, но неизменно жило в нем рядом с ожесточением — любовь. «Я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым, своеобразным. Даже дураки в России глупы оригинально, на свой лад, а лентяи — положительно гениальны. Я уверен, что по затейливости, по неожиданности изворотов, так сказать — по фигурности мысли и чувства, русский народ — самый благодарный материал для художника». Была уверенность, что «когда этот удивительный народ отмучается от всего, что изнутри тяготит и путает его», он «многому научит этот и уставший и обезумевший от преступлений мир»[1]. «Национальным несчастьем», грозящим «уничтожить слабые зародыши русской культуры», А. Горький считал «большевизм» таких вождей, как Зиновьев, Володарский, Луначарский, других «комиссаров», «бесшабашная демагогия» которых, грубость, «фанатическая непримиримость» грозят разрывом с демократией и насаждением «идеологии классового эгоизма».

В «Несвоевременных мыслях» отчетливо сформулирована мысль А. Горького о жестоком эксперименте большевиков над Россией. «Несчастную» страну, пишет он, тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира». Разве это не «мессианство» во сто лошадиных сил? «Все то, что я говорил о дикой грубости, о жестокости большевиков, восходящей до садизма, о некультурности их, о незнании ими психологии русского народа, о том, что они производят над народом отвратительный опыт и уничтожают рабочий класс — все это и многое другое, сказанное мною о «большевизме», — остается в полной силе»[2]. Называя дни революции тяжелейшими в своей судьбе, окрестив их временем, забрызганным кровью и грязью, писатель прозревал и насчет народа: «Народ не может быть лучше того, каков он есть, ибо о том, чтобы он был лучше — заботились мало».

Нельзя произносить над А. Горьким безапелляционный суд, памятуя об его огромной общественной деятельности. В условиях «революционного» разгула в области культуры, развязанного Пролеткультом, а позднее и РАППом, голос А. Горького, его позиция были решающими в защите классики. В сущности, благодаря его огромной работе в издательстве «Всемирная литература» не прервалась национальная традиция. «Из широкого горьковского рукава» выпорхнул не только Л. Леонов, но стала возможной творческая практика М. Шолохова, М. Пришвина, А. Платонова. Он был мостом, соединившим литературу доктябрьского периода с периодом мучительных для творчества последующих лет.

Отъезд А. Горького за границу в 1921 году воспринимался со-

---

[1] Цитирую по Собр. соч. в 30 т. М. 1951. Т. 15. С. 336. Во всех последующих случаях ссылки делаются на том и страницу.

[2] Горький А. М. Несвоевременные мысли/Литер. обозрение. 1988. № 12. С. 88, 96.

временниками как эмиграция. Горько думать им о Горьком-эмигранте. «Оправдайтесь, гряньте», — взывал В. Маяковский, вряд ли до конца представляя себе, с чем он мог вернуться и вернулся в 1928 г. Начался новый страшный виток его метаний, новый кружный путь к полной сдаче позиций. Свидетель прихода к власти Муссолини, а затем Гитлера, А. Горький сделался последовательным обличителем как Запада, который неизменно называл миром лавочников, так и Востока, который представлялся оплотом темных сил, всяческой отсталости и дикости. Духовная перспектива утрачивалась. Все упования были связаны с «третьей действительностью» — идеализацией и пропагандой будущего. Не этим ли объясняется тот факт, что в последние годы жизни А. Горький с новым ожесточением обрушивается на Ф. Достоевского, приписав ему эстетизацию страдания, оправдание в человеке звериного и животного. Подвергнуто сомнению соответствие «Мертвых душ» русскому опыту, в один негативный ряд поставлены В. Розанов, Л. Андреев и Арыбашев. «Литератор, — пишет А. Горький в обращении к писателям Китая, — если он марксист, ленинец, сталинец, уже не русский, не китаец, не француз, а прежде этого он — революционер». Жестоко критикуя многие книги и фильмы тех лет за равнодушие и серость, он вместе с тем объявляет: «Наша литература в некоторой, очень небольшой, ее части уже превратилась в интернациональную». Доказательством этого считает ее пафос, пропаганду «героизма нашего пролетариата». И в этом нередко впадает в крайности. «Действительность величественна и прекрасна», «в бывшей буржуазной, мужицкой, варварской и пестроплеменной России действительно осуществлено братство и равенство людей». Радуясь преображению физического труда — в духовный, он вместе с тем замечал перерождение в среде интеллигенции героического индивидуализма — в мещанский. В статье «Люди пафоса освоения и мусор прошлого» о чистках в партии сказано как о «неоспоримом, прекрасном признаке врастания большевиков в массы». Павлик Морозов безоговорочно объявлен героем по той причине, что понял: родные по крови люди — враги, значит, и пощады им нет. Много страниц публицистики А. Горького посвящено «гуманизму силы», прославлению «чудодейственно работающей железной воли Иосифа Сталина» (26, с. 297).

Мучительнее всего читать неприязненные, наполненные гневом строки об истории России и судьбе крестьянства. «Сказочный» сегодняшний день настойчиво противопоставляется «косности», «подлейшему паразитизму» крестьянина, его «убогой» мечте об «уютном курятнике», «идиотизму» и «отсталости» прошлого. В призывах «стереть» разницу меж городом и селом, покорить и обуздать природу ощущается нетерпение человека, который судит обо всем в духе времени и обнажает собственную глубокую и

глухую историческую слепоту А. Горький, и не он один, к сожалению, оказался во взглядах на судьбу деревни внутри сложившейся в 20—30-е годы антинациональной традиции.

Перечитывая сейчас публицистику последних лет его жизни, испытываешь буквально шоковое состояние от неожиданных, непредсказуемых метаморфоз сознания. С одной стороны книги А. Горького и его статьи убедительно опровергают зацикленность современной печати на событиях 1937 г. Видно, как все начиналось именно с 1917 г. С другой стороны, из многих его статей, писем и телеграмм вырастает образ времени, в коем тихо вошли в жизнь преступления 20-х—начала 30-х гг. Взять хотя бы для примера строительство Беломорско-Балтийского канала силами репрессированных. Какими фанфарными отчетами и наградами устроителей оно отмечено! А. Горький оказался в числе тех, кто восславил это «воспитание правдой». Во множестве статей и на протяжении нескольких лет — с 1933 года по конец жизни он писал о «десятках тысяч людей, различно опасных обществу, классово враждебных диктатуре пролетариата», которые прошли процесс «перевоспитания» из «социально опасных в социально полезных». Он на весь мир провозглашал, что это и есть школа коммунизма, где человеку дается новая специальность, «хорошее питание, хорошая спецодежда и обувь», что и сама идея лагерного труда — «замечательно здоровая и красивая». Отражалась ли подобная «позиция» в творчестве? И как отражалась?

Судить об этом следует по главной книге писателя «Жизнь Клима Самгина». Ее замысел мстительно прямолинеен: «показать все гекатомбы» русской жизни, все ее «алогизмы», «уродства, оскорбительные толчки извне», «уродливый порядок жизни». А вот что получилось в финале, как его оценивает сам писатель в своей последней исповеди: «клетки нервов гаснут, покрываются пеплом, и все мысли сереют... Конец романа — конец героя — конец автора».

Претензии к интеллигенции, высказанные в «Несвоевременных мыслях», — там А. Горький сравнивал ее с большой головой, набитой чужими мыслями, — разрослись до космических масштабов. В сорок мучительных лет России уложил писатель ее «подвиги». Именно благодаря этому беснованию шли мучительные разрывы духовных связей, нарастание вражды и пропасти между интеллигенцией и народом, усиления политической демагогии и «ковки догматов», благодушия и истерии, либеральничанья, двоедушия и конформизма. В романе отражена история собственных заблуждений, мучительных поисков и ошибок. Нелюбимый, даже презираемый автором герой эпопеи много раз говорит и думает, как его создатель. Жалость и отвращение вызывает его жизнь и в нашем читательском сознании.

Недюжинный талант А. Горького расцветал ядовитыми цветами

безверия и скептицизма. Анатомия духовного мира, названного «межеумочным», производилась блестяще и неповторимо, но за нею не всегда видны боль, сострадание к человеку. Примечательны наброски финала. В сцене гибели Клима, этого свидетеля жизни, «системы фраз», интеллигента без народа и отечества, суд вершат люди из толпы. Что это? Случайная вспышка ненависти народа к интеллигенту? Характеристика революционной толпы, вобравшей в себя мутные потоки? Звуки гимна «Отречемся», крик «Уйди! Уйди с дороги, таракан», «милосердие» женщины, пытающейся закрыть глаза покойника... Все перемешалось, но в голосах толпы явно и недвусмысленно прозвучало: «Народу никто не служит». «Жизнь Клима Самгина» свидетельствует о том, как десятилетиями разрасталась пропасть между народом и его «мыслящей» элитой. Не случайна в творчестве А. Горького жуткая картина лицемерия, заигрывания и конечного предательства интересов народа не только Самгиным, но и легионом его двойников. Вершина этой пирамиды обозначена писателем так: Самгины — это писатели, критики, редакторы, Чириков, Амфитеатров, Поссе, Маклаков, Бунин. Вот кого он называет прототипами героя, вот в ком обличает «чудовищную пустоту и бездеятельность интеллигенции». «Ваш роман, — писал А. Горькому В. Зазубрин, — страшнее «Бесов» Достоевского... Для русской интеллигенции тех лет это прямо смертный приговор...» Жизнь подтвердила пророчества. Раздвоение, в состоянии которого жил А. Горький последние 7—8 лет, чудовищное. Оно деформировало многие важные представления о смысле и назначении творческого труда, его значении в духовном формировании общества. Так, в статье «О социалистическом реализме» одной из важных функций литературы названа ее роль «могильщика», призванного «добить и похоронить все враждебное людям — враждебное даже тогда, когда они его любят». Он ратует за «отмирание» вечных тем, за их исчезновение и замену «неизмеримо более значительными и трагическими, чем смерть человеческой единицы, какой бы крупной ни являлась ее социальная ценность» (Статья «Беседа с молодыми»). Возникает идея покорения природы, которая мыслится в ряду главных препятствий на пути преобразователей жизни. Понятие «национальная культура» объявляется буржуазным предрассудком лавочников, заинтересованных «грабить вполне свободно и безнаказанно». «Единственно необходимой и спасительной для народа» объявляется наука. Семья и религия мыслятся как оплот всего враждебного обществу и «общепролетарскому чувству кровного, классового родства». Понимая, что «мир болен», «мир обезумел», писатель с яростью пытается доказать, что «болезням капитализма» противостоят истинные дела «пролетариата — диктатора» и его мудрого вождя.

Обладая огромным запасом

жизненных впечатлений, фантастической начитанностью, феноменальной памятью и талантом, А. Горький без энтузиазма оценивал пройденный им путь. В письме Б. Лавреневу есть такое признание: «...самую обидную и поучительную статью о Горьком написал бы я сам».

Р. Роллан, гостивший у А. Горького летом 1935 года, оставил поразительно точную характеристику писателя, проделавшего немыслимый путь от «полного морального смятения» перед революцией до состояния, когда хочется «видеть в деле, в котором участвует, только величие, красоту, человечность» и когда нельзя не видеть реальности, как бы от нее ни отмахиваться.

«В сущности он слабый, очень слабый человек, несмотря на внешность старого медведя и внезапные вспышки гнева». Найденный Р. Ролланом образ необыкновенно точен. А. Горький и в самом деле, доживая свои дни в домашней тюрьме, напоминал медведя, обвешанного побрякушками почестей и «с кольцом в губе». Всенародного признания и мировой славы недостало для укрепления духа. Сокрушение его твердынь катастрофично. Подобный феномен предстоит объяснять и объяснять, не спеша сбрасывать с парохода современности. Трагедия А. Горького — не просто трагедия творческой личности, но и трагедия культуры, не удержавшейся на подобающей ей высоте в годы мучительных, нечеловеческих испытаний. Этот печальный итог приходится признать. Из этого и исходить.

Андрей РУМЯНЦЕВ

БЕЗ МИФОВ...

Будем надеяться, что в ближайшее время исследователи напишут точную, выверенную биографию Александра Вампилова. Хотелось бы, чтобы в ней не было ошибок, пусть даже мелких. А пока в публикуемых материалах о драматурге они, к сожалению, встречаются на каждом шагу.

Кажется, самое бесспорное — место рождения писателя: город Черемхово Иркутской области. Но и тут авторы публикаций умудряются «спорить». Если в сборнике «Я с вами, люди», вышедшем в издательстве «Советская Россия» в 1988 году, подтверждается: да, Черемхово, то выпущенный через год в Иркутске библиографический указатель «Александр Валентинович Вампилов» отвергает это, называя местом рождения поселок Кутулик; такие же сведения содержатся и в книгах, выходивших в Иркутске раньше,— в сборнике «Дом окнами в поле» (1982 г.) и в двухтомном собрании сочинений драматурга (1987, 1988 гг.). Это, конечно, непростительно для редакторов изданий, опубликованных на родине Александра Вампилова: была возможность уточнить все сведения у близких родственников писателя.

Почти все авторы, писавшие об отце замечательного драматурга Валентине Никитиче, не знали перипетий его судьбы, поэтому излагали факты весьма приблизительно. В нескольких источниках сообщается, что он был арестован в 1937 году. Иные исследователи пишут, что в этом же году он и погиб. Другие вообще не упоминают о том, что Валентин Никитич был репрессирован. Например, Б. Н. Вампилов в книге «От Алари до Вьетнама», выпущенной издательством «Наука» в 1986 году, говорит: «Мальчику (т. е. Александру, — А. Р.) не исполнилось еще и семи месяцев, как умер отец». Как будто скончался дома, а не погиб в сталинской тюрьме. Эта неточность тем более досадна, что она исходит от родственника Александра Вампилова, его брата в четвертом поколении.

На самом же деле Валентин Никитич 17 января 1938 года был арестован, осужден «тройкой» по сфабрикованному обвинению и

расстрелян 9 марта того же года в Иркутске[1].

Автор книги «Александр Вампилов. Очерк творчества» (Советский писатель, Ленинградское отделение, 1990) Е. Гушанская написала обширное интересное исследование. Но на тех страницах, где приводятся фактические сведения о драматурге, то и дело ставишь знак вопроса. Например, автор так описывает день рождения А. Вампилова — 19 августа 1937 г.: «Теплый воздух дрожит за окнами. Директор Кутуликской средней школы готовится к августовской учительской конференции...» Но как видно из письма Валентина Никитича, написанного им незадолго до ареста, в это лето он перевелся в Аларскую школу и, пожалуй, мог готовиться к конференции лишь в новом качестве — как исполняющий обязанности завуча этой школы. По Е. Гушанской, «шахтерский город Черемхово», где появился на свет Александр, расположен «сотней километров южнее Кутулика»; на самом деле расстояние между ними втрое меньше.

Едва ли о поселке Кутулике — районном центре и железнодорожной станции на Транссибирской магистрали можно сказать так, как это делает автор упомянутой книги: он «был не только одним из самых удаленных уголков России, где Пушкина читали по «Полному собранию сочинений», но и одним из самых маленьких ее поселков, где отмечали 100-летнюю годовщину со дня смерти поэта...» Расхожие представления живучи, но от этого они не кажутся менее наивными.

О Валентине Никитиче в книге Е. Гушанской можно прочесть, что «он окончил... историко-филологический факультет Иркутского университета, вернулся в Кутулик, стал работать в школе». Это не верно. В связи с женитьбой Валентин Никитич ушел со второго курса университета, возвратился в родное село Аларь и преподавал поначалу там.

«Выбор историко-филологического факультета для младшего сына Анастасии Прокопьевны и Валентина Никитича Вампиловых, — пишет далее автор,— был, помимо прочего, и данью семейной — учительской — традиции». Однако главным здесь все же было «прочее». В университете мы с Александром Вампиловым занимались в одной группе; никто из ребят в ней с самого начала учебы не готовился стать учителем. Мечтали о журналистике, возможно, что А. Вампилов — втайне — и о писательской стезе. Вообще, гуманитарное образование, полученное в университете, давало в те годы, а может быть, и сейчас, большой простор для выбора будущей специальности. Кроме права преподавать в школе выпускники нашего факультета имели возможность работать сотрудниками газет, радио, телевидения, издательств, научных библиотек, архивов. И мы знали это.

---

[1] См. наши очерки «Письмо из 37 года», «Расстрелян в 1938-м»./Восточное обозрение. 1991, № 1, 4.

Немало вольностей допускается в описаниях характера Александра Валентиновича, его увлечений и способностей. Один из авторов, Л. Сидоровский, вынес в заголовок своей публикации в ленинградской газете «Смена» (31 декабря 1974 г.) такие слова: «Характер у Вампилова был взрывчатый». Не думаю, что знавшие драматурга согласятся с этим.

Журналист Т. Калинина-Жилкина, в юности иркутянка (она дочь известного сибирского поэта Е. В. Жилкиной), хорошо знала А. Вампилова и посвятила ему несколько публикаций. Но и она не избежала досадных ошибок. В журналах «Студенческий меридиан» (1983. № 8) и «Радуга» (1986. № 12) она утверждает, например, что Александр Валентинович неплохо играл «на гитаре, домбре и пианино». Стоит уточнить: за пианино он садился (лучше сказать, вставал) от случая к случаю, чтобы выстучать несложную мелодию, мог настроить гитару по звучанию фортепиано, но играть на нем, строго говоря, не умел. На «домбре» — тем более; это казахский национальный инструмент. В студенческом оркестре русских народных инструментов Вампилов играл на домре-приме. Ну и не расставался с гитарой.

Александр Валентинович неплохо рисовал. По этому поводу в книге Е. Гушанской есть такие строки: «О способностях к рисованию мы можем судить по обложке «Стечение обстоятельств», которую автор оформил сам.» Информация, содержащаяся в этом неуклюжем предложении, была для меня новой. Хорошо помню, как, подготовив для Восточно-Сибирского издательства первый сборник своих рассказов, Вампилов пришел в студенческое общежитие, в нашу комнату, и мы сообща придумывали для него новый псевдоним; старый — «А. Санин» не устраивал его по нескольким причинам. Во-первых, существовал роман Арцыбашева, в заглавие которого была вынесена эта фамилия, и «родство» с ним Вампилову не нравилось. Во-вторых, и это самое главное, тогда уже печатался писатель В. Санин. Под собственной же фамилией Александр Валентинович публиковаться не хотел. Решение нужно было принять срочно, потому что, по его словам, художник Леви приступал к оформлению книги и торопил его.

Может быть, А. Вампилов в последний момент взялся нарисовать обложку сам? Я задал этот вопрос редактору сборника «Стечение обстоятельств» Веронике Григорьевне Волковой, которая по-прежнему живет в Иркутске. Она ответила: нет, обложку, как и всю книгу, оформил Георгий Григорьевич Леви.

Многим, если не всем, близко знавшим Александра Вампилова, нравилось его пение под гитару. Голос его был глуховатый, однако страстность и задушевность, с какими он исполнял свои любимые романсы, словно бы забывая о слушателях и отдаваясь лишь собственной печали, тревоге, раздумью, делали его пенье запоминающимся. Но едва ли тут точна оценка, выдаваемая Е. Гу-

шанской еще и за «общее мнение»: «Все вспоминают, что Александр прекрасно пел»[1].

Духовную жизнь А. Вампилова студенческих лет автор книги представляет так, как сейчас принято изображать духовные интересы молодежи конца пятидесятых—начала шестидесятых годов. Будущему драматургу в том времени уготовано «зачитываться Ремарком, голубоватыми книжками «Нового мира», пестро-красочными «Иностранной литературы»... А кроме того — «писать на лекциях рассказы, деревенея от неловкости, читать их на ЛИТО и, с изумлением расслышав одобрение, писать еще и еще...» Честное слово, это сказано о каком-то другом Вампилове. Да, зарубежная классика двадцатого века открывалась и для юноши Вампилова новыми именами, но Ремарк среди них не выделялся им особо. Да, «Новый мир» и «Иностранная литература» в массе других изданий стояли тогда особо, были на слуху, но нетерпеливого внимания к их публикациям, неодолимой жажды высказаться по поводу новинок в коридорной компании или в читательских дискуссиях, постоянно устраиваемых нашими пастырями, у А. Вампилова не было. К словесным схваткам вокруг романа «Не хлебом единым» он был равнодушен, экзальтированное отношение иных ровесников к эстрадной поэзии не разделялось им. Мне кажется, у Вампилова было строгое мерило для каждого явления искусства — классика, ею он поверял новые художественные впечатления, она удерживала от поспешных восторгов или хулы.

Что касается «писания рассказов на лекциях», то это идет, видимо, от мнения иных критиков о ранних произведениях А. Вампилова как о непритязательных пробах пера, которые, естественно, можно кропать и на лекциях.

Ну, какие-то строки, возможно, и рождались в учебной аудитории, торопливо записывались на случайном листке. Но все же о творчестве у Александра Вампилова были серьезные представления, и с самого начала он относился к нему соответственно. На этот счет у молодого автора есть и признание в записной книжке: «Я не знаю, как должны писать талантливые люди, но мне мои рассказы достаются трудом». А «трудиться», то есть сочинять, исключительно под мерный голос лектора и шумок аудитории, как вы понимаете, невозможно.

Не в вампиловском характере было и «деревенеть» от неловкости при чтении собственных рассказов, «изумляться» по поводу их одобрения и тем более писать лишь в состоянии окрыленности от похвалы. Ему, конечно, были не чужды и застенчивость, и волнение автора, ожидающего оценку своему произведению. Но он имел достоинство писателя, пусть молодого, начинающего, ту смелость, которая позволяет вынести

---

[1] В своих воспоминаниях мать А. Вампилова, Анастасия Прокопьевна, сдержанно сказала о сыне: «...немного пел».

на суд людей свое творчество и спокойно воспринимать их приговор.

Возможно, некоторые авторы почерпнули сведения о студенческом периоде жизни А. Вампилова из воспоминаний Владимира Мутина. Владимир Николаевич учился в соседней, «параллельной» группе филологов нашего курса, из всех ребят своей группы был единственным, близко сошедшимся с «вампиловской» компанией; тут играло роль помимо душевных качеств и то, что все пять лет он жил в одной комнате с нами, товарищами Сани по учебной группе. Воспоминания В. Мутина интересны и в главном — точны. Но исследователи, опирающиеся на них, не учитывают одного: представления и оценки, сложившиеся у автора в те годы, его тогдашнее мироощущение не следует отождествлять с вампиловскими.

«Спорили о «Не хлебом единым» В. Дудинцева, «Трех товарищах» Ремарка...» «Пятидесятые годы будут потом изучать по Евтушенко.» — «Ты так думаешь?» — «Так и будет...» — это, скорей, штрихи автора воспоминаний к собственной жизни того времени. К Вампилову они не имеют отношения.

Мы и тогда были разными. И когда В. Мутин пишет: «...всю ночь звучал «Людвиг Иванович», так мы амикошонски называли Бетховена», его студенческие друзья согласятся: кто-то из нас действительно называл (по этой аналогии Саня даже записал в блокнот, думаю, с чужих слов: «Композитор Генделев (Бахов)»). Но у Вампилова отношение к Бетховену, равно как и к Чехову, и к Толстому, и к другим гениям, было иным, тут его язык не повернулся бы обронить что-то бесцеремонно-фамильярное. А критики приняли «амикошонство» А. Вампилова. Один из них фантазирует на эту тему: если Саня «оказывается в доме, где есть пластинки, обязательно просит поставить «Людвиг Ивановича Бетховена»...»

Обрастает легендами даже трагическая смерть драматурга. Кажется, тут сочинять невозможно: есть свидетель, иркутский писатель Глеб Пакулов. Он рассказывал мне о Саниных последних минутах: «Я вцепился в перевернувшуюся лодку, а Саня поплыл. Он был уже у берега, так виделось мне со стороны моря. Почудилось даже, что Саня приподнялся над волнами, будто встал на ноги... Обернулся ко мне... Но в следующий миг исчез в воде и больше не появлялся...»

Место, где нашли тело Александра Валентиновича, было довольно глубоким (два с половиной метра), встать на ноги здесь он не мог.

Что из этого следует? То, что в рассказе о гибели Александра Вампилова можно ссылаться лишь на свидетельства Г. Пакулова и людей, поднимавших тело драматурга с байкальского дна. Однако Е. Гушанская, например, считает возможным утверждать: «Он (А. Вампилов. — А. Р.) доплыл и уже почувствовал дно под ногами, но сердце не выдержало».

Свою «историю» происшедшего приводит в книге «От Алари до Вьетнама» Б. Н. Вампилов, причем, делает такую сноску: «Имеются и другие версии гибели А. Вампилова, но я лично придерживаюсь этой» (?!).

Приводится много неточных сведений, касающихся творчества писателя. В упоминавшемся библиографическом указателе автор вступительной статьи Марк Сергеев пишет: «...в двадцать четыре выпустил он первую и единственную книгу юмористических рассказов, написанных в редакционной суете иркутской газеты «Советская молодежь», в которой он начал работать литсотрудником, еще будучи студентом». Но ведь известно, что основная часть новелл, вошедших в книгу А. Вампилова «Стечение обстоятельств», создана автором в студенческие годы, до поступления на работу в газету.

Ошибается в датах написания некоторых вампиловских рассказов Е. Гушанская. Так, по ее словам, юмореска «Сумочка к ребру» «о страданиях литконсультанта» была написана спустя несколько месяцев после прихода А. Вампилова в редакцию газеты «Советская молодежь». Между тем, во всех изданиях приведена дата первой публикации этого рассказа — 22 февраля 1959 года. А на работу в редакцию, как верно указывает и сама Е. Гушанская, будущий драматург был зачислен 30 октября 1959 года.

Не повезло автору монографии с временными подсчетами и в другом случае. Приведя дату зачисления А. Вампилова в штат редакции, она неожиданно заявляет: «Уже в мае (в сноске указано: 14 мая 1959 г. — А. Р.) газета упомянула о своем молодом сотруднике как о способном прозаике». Какой же сотрудник почти за полгода до поступления на работу?

Дело доходит до курьезов. «На карте Иркутской области,— пишет Е. Гушанская, — буквально нет места, которое не было бы упомянуто молодым ее корреспондентом (т. е. А. Вампиловым.—А. Р.): Тайшет, Братск... Красноярск...» (!)

Согласно Е. Гушанской, сценарий документального фильма «Баргузин», который писался А. Вампиловым в соавторстве с В. Шугаевым для Восточно-Сибирской студии кинохроники, «не был окончен», а в сборнике «Белые города» опубликованы лишь «отрывки» из него. Но это не так. Сценарий был создан, другое дело, что он не устроил студию, а переделывать его авторы отказались. Опубликован он полностью.

Несколько неточностей допущено в комментариях к рассказам А. Вампилова в его двухтомнике и в книге «Дом окнами в поле», вышедших в Иркутске. Эти ошибки повторены потом и в других изданиях. Автор комментариев Борис Ротенфельд, друживший с драматургом, сделал многое для подготовки посмертных вампиловских книг. И не для того, чтобы умалить значение его работы, а, наоборот, для того, чтобы помочь в ней и исключить неточности в новых изданиях, хочу внести коекакие поправки.

О рассказе «Железнодорожная интермедия» комментатор пишет: «...за подисью «А. Санин, студент» опубликован (имеется в виду: впервые опубликован. — А. Р.) в газете «Советская молодежь» 13 июня 1958 г.» На самом деле рассказ этот еще раньше, 16 мая того же года, напечатан в многотиражной газете «Иркутский университет».

Ошибки допущены и в пояснениях к двум юморескам «На пьедестале» и «Коммунальная услуга», написанным примерно в одно время. Сообщается, что первая появилась в свет в сборнике «Стечение обстоятельств» (1961), а вторая — в газете «Советская молодежь» 28 декабря 1958 года. Точные сведения: оба рассказа напечатаны в районной газете «Ленинские заветы»; «На пьедестале» — 12 октября 1958 г., а «Коммунальная услуга» — 23 ноября того же года.

О новелле «На другой день» в комментарии сказано, что это «вариант рассказа «Лужи в декабре», опубликованного под псевдонимом А. Санин в газете «Иркутский университет» 27 декабря 1958 г.» В действительности это не вариант. 27 декабря 1958 года университетская многотиражка напечатала под общим заголовком «Лужи в декабре» две вампиловские юморески: «Грустный рассказ» и «Шорохи». Первая из них и получила позже название «На другой день»; под этим новым заголовком она и вошла в сборник «Стечение обстоятельств».

Еще одно произведение А. Вампилова студенческих лет — «Свидание. Сценка из нерыцарских времен», по словам автора комментариев, впервые напечатано в книге «Стечение обстоятельств». Не верно. Впервые оно появилось в иркутской районной газете «Ленинские заветы» 29 апреля 1959 года. А следующая публикация «сценки» связана с окончанием университета нашим курсом. Мы разъезжались в конце июня 1960 года. По традиции вузовская многотиражка посвятила свой последний в учебном году номер (от 25 июня) очередному выпуску молодых специалистов. Номер был «сдвоенный», на четырех полосах, и праздничный. Одна из полос отводилась творчеству членов литобъединения; А. Вампилов предложил для этой страницы свою сценку «Свидание». Этой интермедией он попрощался с университетом, с многотиражкой, в которой за два с лишним года напечатал десять произведений.

Поступив на работу в газету «Советская молодежь», Александр Валентинович опубликовал в ней старый студенческий рассказ «Исповедь начинающего». Это дало комментатору повод поместить в двухтомнике и однотомнике, вышедших в Иркутске, такое пояснение: «Сцена опубликована... в газете «Советская молодежь» 9 апреля 1961 г.» А это не так. Еще 6 ноября 1959 года рассказ был напечатан в многотиражке «Иркутский университет».

Нечто похожее произошло и с новеллой «Эндшпиль». Вампилов написал ее в студенчестве и напечатал в районной газете «Ле-

нинские заветы» 6 февраля 1959 года. А 13 мая 1961 г. она вышла в «Советской молодежи». Странно, но эту повторную публикацию называют теперь первой.

Почти на двадцать лет позже, если верить сегодняшним комментариям, появился в печати рассказ «Листок из альбома». Во всех изданиях о нем говорится: «...впервые опубликован в еженедельнике «Литературная Россия» 14 мая 1976 г.; написан в самом начале шестидесятых годов». Ошибочно и то, и другое. Рассказ создан автором в студенческие годы и напечатан в газете «Ленинские заветы» 14 декабря 1958 года.

Отдельный разговор — о рассказе «Солнце в аистовом гнезде». Комментарий к нему во всех изданиях дается следующий: «...впервые опубликован в газете «Советская молодежь» 8 сентября 1963 г.» Между тем, передо мной лежит вырезка из газеты «Молодежь Бурятии» — вампиловская новелла напечатана в ней 7 августа 1963 года. Тем летом Александр Валентинович приехал в Улан-Удэ, где я работал тогда, и я, как обычно, подступил к нему: «Давай что-нибудь для нашей газеты». «Есть у меня один газетный материал, — ответил Вампилов. — Он вполне пойдет как рассказ». «Материал», назовем его очерком, по словам автора, был написан им в Белоруссии. Учась в Центральной комсомольской школе, А. Вампилов поехал сюда не то в командировку, не то на короткую практику в молодежную газету. Однажды он побывал в белорусском селе Корма-Пайки на спектакле народного театра и подготовил очерк. В тексте, который напечатала газета «Молодежь Бурятии», сохранялись «очерковые» подробности. Один из абзацев, например, звучал так: «В то время, когда в городах заканчиваются концерты, в клубе вспыхнул свет. В половине одиннадцатого мятый ситцевый занавес открылся, чтобы колхозники увидели спектакль Краснопольского народного театра «Левониха на орбите». И еще одна строка в конце очерка: «Спектакль в Корма-Пайках закончился во втором часу». Ту и другую подробность в окончательном варианте рассказа А. Вампилов убрал. Правда, в одном месте название деревни все же осталось: «Тихим этим вечером чуда ждали все кормапайковские ребятишки: в село приезжал театр». Да и в других строках рассказа Белоруссия «проглядывает»: «...на машине приехали из Драготыни», «Иван Григорьевич Велюга, учитель и артист народного театра». Но это уже художественно оправдано: ведь читатель видит перед собой ночные безмолвные хаты, сельский клуб (где идет увлекательный спектакль о пройдохе Левоне), мальчишку, «пожирателя чудес», одно из которых — солнце, закатившееся в аистово гнездо.

Мать А. Вампилова, Анастасия Прокопьевна, заметила в своих воспоминаниях, что в рассказе отразились детские впечатления сына. Думаю, это утверждение

нисколько не противоречит тому, что сообщено мной. Создавая поначалу газетный очерк, Александр Валентинович и в него постарался вложить свое, потаенное — жившую с детства любовь к театру, к чудесам сцены, на которой все «необыкновенно»: и стог, и человек, и его ружье...

Очень вольно иные исследователи трактуют вопрос о прототипах вампиловских героев. К примеру, в очерке драматурга «Как там наши акции» упоминается «старик Камашин, угрюмый пастух». Это дает основание Е. Гушанской заметить: «...не без памяти о Камашине родился Калошин». Вероятней, однако, что герой пьесы «История с метранпажем» получил свою фамилию от другого человека. В студенческие дни, на первом курсе, во время нашей поездки на сельхозработы в Аларский район, руководителем группы у нас был преподаватель Калошин. Его чудачества заслуживали внимания как раз писателя-юмориста. Но Александр Валентинович использовал лишь его фамилию, возможно, оставив до будущих времен в творческой «копилке» странный характер этого человека.

Трудно объяснимо еще одно утверждение Е. Гушанской. По ее мнению, декан сельхозинститута, о котором А. Вампилов в упомянутом очерке мимоходом сообщил: он приезжал в Кутулик и «прямо здесь... с местными учителями принимал вступительные экзамены», — что этот декан «переродился» потом... «в амбициозного ректора» из комедии «Прощание в июне». Но позвольте, какая же связь между ними? Похоже, что безымянный декан — это бузина, а «амбициозный» Репников — это киевский дядька.

Впрочем, самая большая неожиданность ждала меня дальше. Оказалось, что, цитирую Е. Гушанскую, «в основе фабульных событий «Прощания» лежат и перипетии реальной жизни автора. Студентом он написал эпиграмму на ректора. Ректор обвинил незамысловатые вирши одной студентки в аполитичности, космополитизме и прочих идейных грехах, тогда как стихи были просто не слишком грамотными. Эту ситуацию и подчеркнул эпиграммист. Строчки подхватили студенты. Вскоре в общежитии, в комнате, где часто бывал у друзей Вампилов, обнаружили пустые бутылки. Ректор пообещал заняться «делом о разводе Вампилова с университетом». Факультетская общественность заволновалась, и в конце концов остроумец отделался легким испугом, не казавшимся, вероятно, столь уж легким во время событий...»

В этом фантастическом рассказе причудливо переплелись вымысел и то, что отдаленно напоминает реальные события. Литературно-критические упражнения тогдашнего ректора нашего университета, кстати, физика по образованию и кандидата соответствующих наук, стали для нас анекдотом на долгие годы. Его рецензия в вузовской многотиражке была посвящена опусам юных авторов, опубликованных чуть раньше в

той же газете (я нашел в подшивке оба эти номера). Особо досталось от высокого ценителя искусства студентке Л. Б. Ректор нашел, что ее элегическое стихотворение «Сад» «выражено в стиле натурального описания мельчайших деталей без какой-либо идеи. Сад. Просто сад с разными деталями и предметами». Писать эпиграмму Вампилову не потребовалось. Сама рецензия была такой, что над ней смеялись веселей, чем над иной эпиграммой.

Что касается комнаты, куда постоянно наведывался Вампилов, то это могла быть только наша: здесь жили его товарищи по учебной группе. Истории с «пустыми бутылками», которая бы дошла до ректора, в нашей обители не случалось, хотя пустые бутылки иногда могли найтись. «Дела о разводе Вампилова с университетом» не возникало.

Встречая в книге Е. Гушанской, в других публикациях подобные вольности, я думал: обычно исследователи подкрепляют свои утверждения ссылками на чьи-то свидетельства, на документы, на опубликованные материалы. Почему же с А. Вампиловым частенько не церемонятся? Неужели он не заслуживает того, чтобы его жизнь и творчество предстали перед читателем без мифов?

Сергей НИЛУС

БЛИЗ ЕСТЬ, ПРИ ДВЕРЕХ*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящая книга является 4-м изданием 2-й части моей книги «Великое в малом». Эта часть носила особое название: «Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле». Значительно переработанная, дополненная и иллюстрированная, она теперь представляет собою достаточно самостоятельное целое, чтобы быть выпущенной в свет отдельным изданием. Отнюдь не претендуя на ученость и оригинальность, пользуясь трудом и изысканиями иных исследователей затронутого вопроса, в связи с впечатлениями и переживаниями лично моими, как рядового христианина, книга моя тем не менее есть крик моего сердца, обращенный к сердцу всех тех, кто, удручаемый ныне совершающимися на его глазах событиями, стремится найти им посильное разъяснение, уразуметь духовный смысл и значение разыгрывающейся мировой катастрофы.

Вот к сердцу и уму таких людей и обращаю я книгой этой мое слово.

В 1882 году, год спустя после безумно-кровавого злодеяния, жертвою которого пал человеколюбивейший Государь Александр II и за год до Священного Коронования Александра III, я был в Киеве. Стояли чудные сентябрьские дни, на которые так щедра бывает иногда наша южно-русская осень. Уличная киевская жизнь кипела и била ключом: весь Киев, казалось, от мала до велика жил на улице; особенно Крещатик бурлил и шумел веселой, оживленной и впечатлительной толпой, той южной толпой, какой обычно не встретишь на городских улицах нашего севера. Под жарким солнцем юга родятся, растут и созревают характеры совсем иного типа, чем те, которыми дарит нас наше тусклое, бледно-туманное, холодное небо.

В те дни я был христианином только по имени и только по метрическому свидетельству числился православным: довольно сказать, что, прожив тогда в колыбели Православия — Кие-

* Нилус С. Близ есть, при дверех. Сергиев Посад. 1917. Печатается с незначительными сокращениями (*прим. ред.*).

Колесница Гермеса. Седьмой ключ Таро

ве два с половиною месяца, я за все время своего пребывания в такой близости от благоухания Лаврской святыни ни разу не был не только в Лавре, но даже и в церкви. И тем не менее я именно в Киеве в те самые дни получил впечатление от одного события, которое особенно врезалось мне в память, и которому вскоре суждено было стать предметом моего размышления, но уже не с обыденно-мирской точки зрения, а с христианско-эсхатологической.

Событие это была комета, блестящая, яркая, огромная, прорезавшая своим хвостом около трети видимого юго-западного неба и как-то внезапно появившаяся на киевском горизонте. Теплыми и темными осенними ночами весь Киев собирался к памятнику Св. Владимира наблюдать это таинственное грозное небесное явление. От этого памятника оно особенно хорошо было видно во всей своей ослепительно-величавой устрашающей красоте.

Поистине величественное и жуткое было это зрелище!..

Но скоро у пылких южан прошло увлечение блестящей гостьей киевского неба, прошло так же скоро, как и возникло,— и садик, разбитый у ног Св. Владимира, опустел настолько, что, в разгар наибольшего расцвета этой небесной красоты почти все скамейки его были пусты: две-три темных фигуры мечтателей, да я четвертый — вот и все, кто из всего многолюдного Киева по тускло-освещенному садику, в заветный час наблюдений, пробирался к подножию Равноапостольного Просветителя земли святорусской.

Сколько долгих лет прошло уже с тех дней, а грозное небесное явление еще и доселе стоит перед моими глазами, нечто стихийное и страшное знаменуя, что-то великое и, как смерть, неотразимое предвозвещая.

И тогда, в те памятные для меня киевские дни, комета эта не казалась мне случайным, простым астрономическим явлением, без влияния на жизнь не только планеты нашей, но и духа населяющего ее человечества: история моей родины, как и мировая история, особенно же память великих и страшных дней нашествия Наполеона[1] напоминали мне, что не напрасно и не без основания человеческое сердце с незапамятных времен привыкло соединять с появлением на небе хвостатого знамения тяжкие предчувствия неведомых, но неизбежных, как перст судьбы, угроз, сокрытых в таинственной тьме грядущего. Конечно, человеку такого настроения, каким я был тогда, и в голову не могло еще придти при наблюдении над дивным небесным знамением, что оно может иметь то или другое прикровенное значение для грядущих судеб царств земных и Церкви Христовой, на земле воинствующей, но тем не менее сердце мое, помню, уже и тогда исполнилось тревожнаго ожидания чего-то страшного, что грозящим призраком неминучих

---

[1] Комета 1812 года известна в анналах астрономии.

скорбей и бед, неясно для меня восставало в туманной дали будущего моей родины.

Наступившее вослед за тем, исполненное величия, мира и безмятежья, царствование великого миротворца и Самодержца Александра III не оправдало, казалось, моих предчувствий: Россия достигла в его дни такой силы и славы, пред которой померкла вся слава остального мира. Слово державного властителя православных миллионов заставляло подчиняться ему все, что могло быть втайне враждебно России, а явно враждовавшего на Россию и на Царя ее не было: оно исчезло, скрылось в подполье глубин сатанинских и на свет Божий показываться не дерзало.

Люди, имеющие досуг, могут сколько угодно спорить и препираться между собою о значении для России этого великого царствования; для нас, православно-верующих верноподданных нашего Царя, плоды этого царствования были налицо: Россия и Помазанник Божий, ее Царь-Миротворец были для меня частью того целаго, что Св. Апостолом Павлом именовано словом «держай»[1] — «удерживающий», тем державным началом, которое есть дар Духа Святого, даруемый при помазании на царство, и которое в своей властной деснице содержало в повиновении и страхе все политические стихии мира, со времен французской революции обнаружившие явную склонность к анархии, т. е. к безначалию.

И Россия это чувствовала и инстинктивно понимала; неложность и неподкупный свидетель тому — собор Св. Апостолов Петра и Павла, скрывший под своими плитами останки великодержавного: из серебра всенародной слезы безутешной скорби слилось все то бессчетное множество серебряных венков, которым народное горе оковало не только гробницу его, но и всю усыпальницу Царей наших в твердыне Петропавловского собора. Не было в России ни одного сколько-нибудь значительнаго местечка, общества или даже простого содружества, которые бы не прислали на гроб великому Государю знака своей скорби об утрате того, в ком все, что было истинным сердцем России, нелицемерным носителем и исповедником ее триединаго начала, привыкло видеть опору свою и надежду, воплотивших в одном лице весь богатырский эпос Святой Руси.

Скорбь об усопшем Царе была истинно всенародною скорбью: Россия дрогнула и застонала как бы в предчувствии чего-то неотвратимо-грозного, что могла бы остановить державная рука только того, который был и котораго не стало.

Встрепетало тогда вновь и мое сердце, и снова пережило все то, что, как смутную и неотвратимую угрозу переживало оно в памятные темные южные ночи, у подножия Владимира Святаго, при бледном и странном свете таинственной и жуткой гостьи земного неба.

---

[1] 2 Сол. 11 гл. 7 ст.

Не убоялось ли сердце страха, где не было страха?

И вспомнилось мне тогда же, что в том же Киеве, вскоре после появления кометы, на улицах киевскаго «гетто», в местах наибольшего скопления жителей черты еврейской оседлости, появился какой-то странный юноша, мальчик лет пятнадцати. Юноша этот, как бы одержимый какою-то нездешней силой, бродил по улицам еврейским и вещал Израилю: «Великий пророк родился Израилю, мессия явился народу Божию!»

И за юношей тем неудержимой волной устремлялся поток еврейский, и из уст в уста с восторгом и священным трепетом исполненного многовекового желания и ожидания передавались слова: «Явился мессия! родился мессия! Бог посетил вновь чад Своих в рассеянии».

Об этом всякого внимания достойном событии писали и в газетах... там где-то, на задних страницах. Но кто прочел это, и кому было до этого дело? — У мира и людей мира столько было и есть других, «более важных», забот и интересов, чтобы стоило им отдавать свое внимание какому-то сумасшедшему киевскому мальчишке-жиденку и суеверной и невежественной толпе каких-то грязных жидов, чающих какого-то мессию.

Но я обратил внимание, запомнил и почему-то связал и юношу-еврея, возвещавшего рождение Израилю мессии, и киевскую комету, и свои жуткие предчувствия в одно неразрывное целое, и впервые в сердце моем, во всем духовном существе моем высеклись и огненными буквами зажглись страшные слова:

АНТИХРИСТ БЛИЗКО, ПРИ ДВЕРЕХ.

Почему совершилось это во мне тогда, когда я еще продолжал быть питомцем либеральных влияний шестидесятых годов и жить в отчуждении от матери моей Церкви, от великих и святых идеалов моего народа, это для меня тогда было тайной, которой просится под перо мое только одно объяснение: «Бог идеже хощет, побеждается естества чин».

Непонятное тогда стало ясным теперь, когда в исканиях истины я обратился к Христовой Православной Церкви: от нее, от духа ее, я получил возрождение в новую жизнь, от нее приобрел разумение земного и горнего в тех пределах, которые доступны ограниченному уму человеческому и моему в частности. Тайна за тайной стали открываться моей немощи, в которой совершалась великая сила Божия и только силою этою великою я и познал тайну своего предчувствия и того, что мир и вся иже в мире — былое, настоящее и будущее — могут быть уяснены, постигнуты и усвоены во всей своей сущности только при свете Божественнаго Откровения и тех смиренномудрых и великих, кто жизнь свою посвятил на служение Богу в духе и истине, в преподобии и правде. И вот из этого чистейшего источника я узнал впервые и убедился, что на теперешней земле нет и не может быть абсолютной прав-

ды, что была однажды на земле такая правда, но что Тот, в Ком жила эта правда, Кто Сам был и Истина и Жизнь, Тот был распят на кресте; что мир во зле лежит, что он и все дела его осуждены огню; что будет некогда новое небо и новая земля, где будет обитать правда, но что пред водворением этого Царства правды под новым небом и на новой земле должен явиться заклятый враг истины, антихрист, который евреями будет принят как мессия, а миром — как владыка и обладатель вселенной. А затем перед моими духовными очами, просветленными учением Церкви и ее святых, стали открываться картины прошедшего, настоящего и даже будущего в такой яркости и силе освещения внутреннего смысла и значения исторических и современных мировых событий, что перед их светом потускнела и померкла вся мудрость века сего, ясно открывшаяся мне, как борьба против Бога, как апокалипсическая брань на Него и на святых Его.

И сказал я себе: если явление антихриста миру так близко, как то чувствует мое сердце, то быть того не может, чтобы оно свершилось без предварения о том человечества от Святого Духа, ибо за антихристом вскоре должен явиться день оный Господень, великий, просвещенный и страшный. И стал я искать свидетельства от Духа и нашел, что предчувствие мое в мое сердце проникло, как отклик вселенскаго голоса Церкви Христовой и христианской богословско-философской мысли, как отзвук отдаленнаго и сокровеннаго вопля богоотступника Израиля, зовущего день и ночь и призывающего к себе своего лже-мессию с тою же неудержимой страстностью, с какою он некогда звал мессию пред днями Мессии Истинного.

Как нашел я это и что обрело в исканиях моих мое разумение, о том от многого немногое, но наиболее важное расскажет предлагаемая вниманию читателей эта книга.

Пусть только помянет он в молитвах своих имя ее составителя

Сергея Нилуса.

29 августа 1916 года. День Усекновения главы
Предтечи Господня, Крестителя Иоанна.

Часть I
ИСПОЛНЕНИЕ ВРЕМЕН

Господи, оружие на диавола крест Твой дал еси нам: трепещет бо и трясется, не терпя взирати на силу его.

Октоих 8-го гласа

Писания Божественные извествуют должника быти сего, иже сам что приемши туне от Господа иным сего не изъявляет: зане аки нечто украде от Церкви, егда утаевает могущее пользовати иных.

Св Амвросий Медиоланский Четьи-Минеи Октябр. 14. Житие Мучч. Гервасия, Протасия и Кельсия

Знаешь признаки антихристовы: не сам один помни их, но и всем сообщай щедро.

Св. Кирилл Иерусалимский.

Глава I

Грозные предчувствия. Мировое значение России. Первые шаги XX в. Серафимовы дни и их значение. Записки Мотовилова: беседа Пр. Серафима о Царской власти, о злоумышляющих против нее и о бедствиях Православной Церкви. Что ждет Россию и мир?

Молиться надо!..

Что-то грозное, стихийное, как тяжелые свинцовые тучи, навалилось непомерною тяжестью над некогда светлым горизонтом Православной России. Не раз омрачался он: с лишком тысячелетняя жизнь нашей родины не могла пройти без бурь и волнений в области ее духа, но корабль Православия, водимый Духом Святым среди ярившихся косматых волн, смело и уверенно нес Россию к цели ее, намеченной в Предвечном Совете. Стихали бури — и по-прежнему в безбрежном просторе вечности, в неудержимом своем беге к определенной цели, наш православный корабль рассекал смирявшиеся и вновь покорные волны.

Бог избрал возвеличенную Им Россию принять и до скончания веков блюсти Православие — истинную веру, принесенную на землю для спасения нашего Господом Иисусом Христом. Мановением Божественной Десницы окрепла Православная Русь на диво и страх врагам бывшим, настоящим и... будущим, но только при од-

ном непременном условии — соблюдении в чистоте и святости своей веры.

С непонятной жаждой новизны стремились мы вступить в новый XX век[1]. Точно некая незримая сила толкала нас разорвать необузданным порывом цепи, связующие наше настоящее со всеми заветами прошлого, насильнически вынуждая забыть, что только в великих заветах прошлого и было заложено зерно той жизни и значения, которыми мы пользуемся в этом видимом мире. Наши первые шаги на пути нового столетия ознаменовались ярко и резко выраженными стремлениями сбросить с себя ярмо устоев нашей духовной жизни, и в безумии своем мы первый удар нанесли под самое сердце свое — в наше Православие. Эпопея воинствующей толстовщины, проповеди самозваных лжеучителей, направленные к разрушению семейных начал, к осквернению таинства брака; наконец, в недавние дни откровенная и открытая проповедь «свободного совращения из Православия» и им подобные, как туча отравленных змеиным ядом стрел, пущенная несметною ратью из вражеского стана, укрепленного почти поголовным равнодушием к вере наших отцов, закрыла от нас, кажется, навсегда свет Самого Солнца правды...

Так писал я в 1901 году в книге моей «Великое в малом», с ужасом внимая отдаленным громам надвигавшейся на Россию и на мир грозы роковых бедствий. И не один я слышал эти приближавшиеся громы: слышали их все, «веровавшие Богу своему в простоте детского сердца и невнимавшие обольстительным учениям премудрости века сего, учениям бесовским; слышали все, от среды которых не был отъят «Держай» — благодать Духа Святого[2], подаваемая одним только смиренным и послушным овцам Христова стада; слышала их вся Церковь верных, чуждых церковного обновления в прикровенно-антихристовом духе. Все слышали, но не все говорили открыто, потому что не все умели говорить, как бы хотели.

Большинство братий наших умело только молча страдать и молча плакать в незримой миру тишине своей уединенной к Богу молитвы.

И вскоре, в дни плача нашего и нашей великой скорби, да-

---

[1] Следившим за повременной печатью того времени памятна, вероятно, та полемика, которая возникла по вопросу о том, какой год считать за начало XX века — 1900 ли или 1901 год. Большинство полемистов так торопилось закончить счета с XIX веком, что признало за 1900 годом право именовать себя первым годом новаго века, не дожидаясь наступления того, который и по самому названию своему был действительно первым (1901-м).

[2] И с нею неразрывно связанная благодать помазания от Духа Святого, даруемая Православному Самодержцу во время Священного Его коронования на Царство. Отсюда при утрате веры в Бога,— отступление от неверных Св. Духа и отъятие от них Самодержавной Царской власти.

ровал нам Господь новаго великаго заступника и ходатая, Преподобного Отца нашего Серафима Саровскаго.

И в великие Саровские, Серафимовы дни, когда казалось, что само небо спустилось на землю, а лики Ангельские с ликами певцов земли «среди лета пели Пасху», воспевая хвалу Богу, дивному во святых Своих: в те дни для верного и чуткого сердца православного русского человека благоволил Господь воочию явить тайну величия и мощи России, заключенную в единении Божьего Помазанника — Царя с его народом, в общении веры, любви и молитвы к Богу и новоявленному Преподобному, великому ходатаю пред Богом за православную землю Русскую. Бог говорил в Сарове с народом Своим, новозаветным Израилем, с Россией, последней на земле хранительницей Православной Христовой веры и Самодержавия, как земного отображения Вседержительства во вселенной Самого Триипостаснаго Бога.

И через самого Преподобного говорил России Господь слово Свое о том же, о том, как нужно ей хранить и оберегать во всякой чистоте и святыне великую ту тайну, которою крепка была Россия от смутных своих дней даже до сего дня.

Напомнить России слово это устами самого Преподобного. Не поможет ли напоминание это Русским людям оглянуться на себя и опомниться, пока еще не поздно, пока не услыхали еще они грозных слов Божиих: «Се, оставляется дом ваш пуст!».

Вот что в ночь с 26-го на 27 Октября 1844 года в Саровской Пустыни было записано Симбирским совестным судьей, Николаем Александровичем Мотовиловым, близким человеком и сотаинником Преподобного Серафима:

«...А в доказательство истинной ревности по Бозе приводил батюшка Серафим святого пророка Илию и Гедеона и, по целым часам распространяясь о них своею боговдохновеннейшею беседою, каждое суждение свое о них заключал применением к жизни собственно нашей и указанием на то, какие мы и в каких наиболее обстоятельствах жизни можем из житий их извлекать душеспасительные наставления. Часто поминал мне о святом Царе, Пророке и Богоотце Давиде и тогда приходил в необыкновенный духовный восторг. Надобно было видеть его в эти неземные минуты! Лицо его, одушевленное благодатью Святого Духа, сияло тогда подобно солнцу, и я,— по истине говорю,— глядя на него, чувствовал лом в глазах, как бы при взгляде на солнце. Невольно приводил я себе на память лицо Моисея, только что сошедшего с Синая. Душа моя, умиротворяясь, приходила в такую тишину, исполнялась такою великою радостью, что сердце мое готово было вместить в себя не только весь род человеческий, но и все творение Божие, переизливаяся ко всем божественною любовию[1].

---

[1] **Сергей Нилус.** Беседа Преп. Серафима с Мотовиловым о цели жизни христианской/Великое в малом. 1911.

— Так-то, ваше боголюбие, так,— говаривал батюшка, скача от радости (кто помнит еще сего святого старца, тот скажет, что и он его иногда видывал как бы скачущим от радости),— избрах Давида, раба Моего, мужа по сердцу Моему, иже исполнит вся хотения Моя...

Разъясняя же, как надобно служить Царю и сколько дорожить его жизнью, он приводил в пример Авессу, военачальника Давида.

— Однажды он,— так говорил батюшка Серафим,— для утоления жажды Давидовой прокрался в виду неприятельского стана к источнику и добыл воды и, несмотря на тучу стрел из неприятельского стана, пущенных в него, возвратился к нему ни в чем невредимым, неся воду в шлеме, сохранен будучи от тучи стрел, только за усердие свое к Царю. Когда же что приказывал Давид, то Авесса ответствовал: «Только повели, о Царю, и все будет исполнено по-твоему». Когда же Царь изъявлял желание сам участвовать в каком-либо кровопролитном деле для ободрения своих воинов, то Авесса умолял его о сохранении своего здравия и, останавливая его от участия в сече, говорил: «Нас много у тебя, а ты, Государь, у нас один. Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты был жив. Израиль цел и непобедим. Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?»

Батюшка отец Серафим пространно любил объясняться о сем, хваля усердие и ревность верноподданных к Царю и желая явственнее истолковать, сколько сии две добродетели христианские угодны Богу, говаривал:

— После Православия оне суть первый долг наш русский, и главное основание истинного христианского благочестия.

Часто от Давида он переводил разговор к нашему великому Государю Императору[1] и по целым часам беседовал со мною о Нем и о царстве Русском; жалел о зломыслящих противу Всеавгустейшей Особы Его. Явственно говоря мне о том, что они хотят сделать, он приводил меня в ужас; а рассказывая о казни, уготованной им от Господа, и удостоверяя меня в словах своих, прибавлял:

— Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям на малое время, но болезнь их обратится на главу их, и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля Русская обагрится реками кровей, и много дворян побиено будет за великого Государя и целость Самодержавия Его: но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского.

Однажды, так пишет далее в тех же своих записках Мотовилов, был я в великой скорби, помышляя, что будет далее с нашею Православною Церковью, если современное нам зло

---

[1] Николаю I.

все более и более будет размножаться и, будучи убежден, что Церковь наша в крайнем бедствии как от преумножающегося разврата по плоти, так равно, если только не многим более, от нечестия по духу чрез рассеиваемые повсюду новейшими лжемудрователями безбожные толки, я весьма желал знать, что мне скажет о том батюшка Серафим.

Распространившись подробно беседою о святом пророке Илии, он сказал мне на вопрос мой, между прочим, следующее:

— Илия Фесвитянин, жалуясь Господу на Израиля, будто он весь преклонил колена Ваалу, говорил в молитве, что уж только один он, Илия, остался верен Господу, но уже и его душу ищут изъяти... «Так что же, батюшка, отвечал ему на это Господь? — Седьм тысяч мужей оставих во Израили, иже не преклониша колен Ваалу». Так если во Израильском царстве, отпадшем от Иудейскаго, верного Богу царства и пришедшем в совершенное развращение, оставалось еще седьм тысящ мужей, верных Господу, то что скажем о России? Мню я, что во Израильском царстве было тогда не более трех миллионов людей. А у нас, батюшка, в России сколько теперь?

Я отвечал:

— Около шестидесяти миллионов.

И он продолжал:

— В двадцать раз больше. Суди же сам, сколько теперь у нас еще обретается верных Богу!.. Так-то, батюшка, так-то: ихже предуведе, сих и предъизбра; ихже предъизбра, сих и предустави; ихже предустави, сих и блюдет, сих и прославит... Так о чем же унывать-то нам!.. С нами Бог! Надеющийся на Господа, яко гора Сион, и Господь окрест людей Своих... Господь сохранит тя, Господь — покров твой на руку десную твою, Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое отныне и до века; во дни солнца не ожжет тебе, ниже, луна нощию».

И когда я спросил его, что значит это, к чему говорит он мне о том?

— К тому,— ответствовал батюшка отец Серафим,— что таким-то образом хранит Господь, яко зеницу ока Своего, людей Своих, то есть православных христиан, любящих Его и всем сердцем, и всею мыслию, и словом, и делом, день и нощ служащих Ему. А таковы — хранящие всецело все уставы, догматы и предания нашей Восточной Церкви Вселенской и устно ми исповедующие благочестие, ею преданное и на деле во всех случаях жизни творящие по святым заповедям Господа нашего Иисуса Христа.

В подтверждение же того, что еще много на земле Русской осталось верных Господу нашему Иисусу Христу, православно и благочестиво живущих, батюшка отец Серафим сказал некогда одному знакомому моему,— то ли отцу Гурию, бывшему гостиннику Саровскому, то ли отцу Симеону, хозяину Мас-

лищенского двора,— что однажды, быв в духе, видел он всю землю Русскую, и была она исполнена и, как бы, покрыта дымом молитв верующих, молящихся к Господу.

Рассказанное здесь со слов записей Мотовилова относится по времени к началу 30-х годов прошлаго столетия. С тех пор прошло более восьмидесяти лет. Время бежит; беззакония умножились, проникли даже в самое сердце народное. С развитием в народе грамотности не столько слово Божие распространялось среди «малых сих», сколько слово человеческое, «премудрость века сего», «наука зла». Уже не дымом благовонным молитв верующих, молящихся Господу, покрывается Русская земля, а угольным смрадом фабрик, заводов, паровозов, омерзительною вонью бензиновых моторов, реющих над облаками, бороздящих молниеподобно во всех направлениях землю. Весь этот чад гордости человеческой как вызов Богу несется к небу от злобы и проклятий социальной ненависти, развившейся на почве борьбы бездушного капитала с замученной, озлобленной и непрестанно озлобляемой душой фабричного и заводского рабочего и дьявольски искусно обезземеленного уже дворянина и обезземеливаемого крестьянина, выкидываемых злым духом века сего на холод и голод улицы, в ряды всемирного бесприютного пролетариата.

Сохранили ли мы Православие? Бережем ли Церковь Святую? Бережем ли Богом дарованное Самодержавие?

Охраняем ли мы всею силою любви своей Боговенчанного?

Нет.

Что же ждет Россию за измену вере и верности отцов своих?

Что ждет весь мир с падением Православия и Самодержавия в России?

Пусть на вопросы эти ответит то жестокое и страшное, что последует за сим в дальнейших главах настоящей книги.

Не снимается с себя твоя воля, читатель: хочешь — верь, не хочешь — не верь! Но, прочтя со вниманием то, что в книге этой собрано и изложено и немного измышлено, сверь все это со словом Божиим, с церковным преданием и с современными тебе мировыми и русскими событиями и — считай себя своевременно предуведомленным.

Молитвами Богородицы, Преподобных Сергия Радонежского, Серафима Саровского и всех Святых, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных!

Глава II

Мир объединяется. Цель объединения

На глазах современного внимательного наблюдателя совершается в наши дни нечто столь удивительное и чудесное, чему мир еще не бывал свидетелем за все время своего существования:

Совершается всем видимое объединение всего человеческого рода.

Над этой еще не бывалой со дней Вавилонского столпотворения грандиозной задачей трудится и наука, и политика, усердие и ревность верных чад Божиих, и злоба и ненависть сынов диавола,— в целях, конечно, различных, вернее,— диаметрально противоположных.

Уже вскоре после французской революции 1793 года, de Maistre[1] писал: «Мир несомненно идет к великому объединению, цели которого в настояшее, по крайней мере, время предвидеть и определить представляется затруднительным.

Стоит только взглянуть на бешеную страсть к путешествиям, охватившую многих при современной легкости общения между собою разноязычных народов, при невероятном смешении людей разного происхождения и положения, совершенном ужасами революции, при взгляде на беспримерные завоевания и на все прочее, что на вид не столь страшно, но по существу не менее значительно и важно».

И в других своих творениях de Maistre так же внимательно и подробно останавливался на тех способах и средствах, которыми человечество стало пользоваться для своего объединения в том духе, в каком оно его пыталось осуществить еще во дни Вавилонского столпотворения. И мы видим, что и средства эти, и способы в наше время стали умножаться с такой головокружительной быстротой, что срок конечной развязки, которого не мог еще предугадать de Maistre, нам представляется уже весьма близким. На всем земном шаре теперь нет места, где бы не обосновали своего местожительства народы Европы: их идеи, язык их, их обычаи, нравы и учреждения проникли и в Америку, и в Азию, и в Океанию, и в Африку.

В то же время и все остальные человеческие расы, в свою очередь, —одни добровольно, другие по принуждению — втягиваются в вихрь общемировой политики, торговли, науки в общем их стремлении к объединению, уже бывшему некогда раз перед рассеянием после Вавилонского столпотворения.

«Объединение человечества,— пишет Dufourg в предисловии к капитальному труду своему «L'avenir du Christianisme» («Будущее христианства»),— в наше время совершается, повидимому, ускоренным темпом и все быстрее и быстрее приближается к своему конечному завершению. Особенно заметным это стало за последнее десятилетие. Различные народы, представляющие собою все человечество и прожившие врозь длиннейший ряд веков, в виду всех ныне обнаруживают явное стремление выйти из своей обособленности, развить свя-

---

[1] Жозеф де Местр был посланником короля Сардинии при русском дворе во втором десятилетии прошлого века. Известнейший антисемитский французский писатель; уроженец Франции. Умер в 1821 году.

зующую их между собою общность интересов и объединиться в одну великую семью».

Это было написано в 1903 или в 1904 году. С тех пор Русско-японская война и вступление Китая на путь европеизма открыли вновь этому объединению еще невиданные доселе и безграничные горизонты. Что выйдет из милитаризации Востока на европейский образец, одному Богу известно. Во всяком случае, те дальние экспедиции, в которые пустились европейские государства с полвека назад, часто давали результаты, обратные ожиданиям, которые на них возлагались: ни Англия, ни Франция, ни Россия, надо полагать, совсем не ожидали, что выведут азиатские народы с их насиженных гнезд и бросят их на остальной мир в явно неудержимом стремлении.

У Японии теперь армия равносильна немецкой; Китай готовится стать военной державой в ряду, если только не впереди держав Европы.

То же самое явление наблюдается и в научной, и в политической области. Каких только открытий не было свидетелем наше время?! Пар, электричество и его применение: телеграф, телефон, беспроволочный телеграф, управляемые воздушные машины — все это служит и будет продолжать служить, подобно революциям, войнам или эмиграциям, все той же цели сближения народов между собою[1]. Не говоря о прочем, одна только авиация своими аэропланами и дирижаблями сделала то, что для человека уже не стало более государственных границ.

Когда началось в начале прошлого и конце позапрошлого столетия передвижение продуктов разных климатов из одной страны в другую, de Maistre говорил: «так как в мире нет ничего случайного, то я уже давно подозреваю, что это передвижение, так или иначе, но должно служить какому-то тайному делу, которое творится в мире помимо нашего ведения».

Что же скажем мы теперь по этому поводу? Куда поведет нас открытие радия, давшее нам такое новое и глубокое проникновение в тайны материи?.. В Англии уже больше двадцати пяти лет разрабатывается проект «двуматериковой» железной дороги, имеющей прорезать Африку от Капштадта до Каира и Азию от Каира до Сингапура. К этой дороге имеют намерение присоединить «трехматериковый» путь, связующий Европу с Африкой и Азией. Дорога эта должна прорезать по диагонали Африку от Мозамбика к Танжеру, пройдя севернее озера Чад на Фигиг по ущелью Таца.

Нельзя не вспомнить здесь кстати и о банковых операциях, и о бумажных денежных знаках, столь облегчивших теперь трудности дальних путешествий. Некий г. Rene de Sanssure, Женевский ученый, уже работает над осуществлением идеи

---

[1] Чемберлен получил 1 ноября 1902 года две телеграммы, облетевшие мир одна с востока, другая — с запада. Первая на это употребила 10 часов 10 минут, а вторая 13 часов и 30 минут.

единой всемирной монеты, могущей иметь свободное обращение на международном денежном рынке наравне с денежными знаками любой страны[1]. В том же направлении ведутся изыскания и в области умственного международного обмена. В Японии в 1908 году образовалось общество по имени «Ромажиквай» для введения в японскую азбуку латинскаго алфавита. У этого общества есть свой журнал; первый Японский министр, маркиз Саяти, состоит его президентом, и много японцев сочувствуют ему, как проводнику реформы, назначенной облегчить международное взаимообщение.

А кому неизвестны попытки создания международнаго всемирнаго языка, вроде «эсперанто», «волапюка», «идо» и подобных? Не яркое ли это доказательство назревшей потребности ума, работающаго над сближением народов?

В том же духе с тою же настойчивостью и быстротою работает и преуспевает революционное движение, цель котораго еще со времен первой «Великой Революции» обнаружилась ясно в сознании из всех племен и народов земнаго шара единаго народа и в основании на развалинах прежних государств всемирной республики с упразднением христианской веры и с поставлением на ее место новой, по мнению одних, «гуманитарной», а по убеждению других — «сатанинской» религии, единой, всемирной, призванной в едином для всего мира храме, как в едином для всех государств, объединить все человечество.

Не казалась ли такая идея безумием, когда она впервые была провозглашена и изложена перед членами Конвента во дни «Великой Революции»? И как она близка теперь к своему осуществлению!

С чьей помощью совершилось такое быстрое превращение мира, это мы увидим в дальнейшем изложении нашей книги.

В номере от 7 января 1899 года газета «La Croix» напомнила своим читателям слова некоего еврея: «Настает наше царство. Грядет тот, которого вы боитесь, как антихриста, и который воспользуется всеми новейшими средствами и путями для быстрого завоевания мира»[2].

---

[1] De Sanssure принимает за денежную единицу 8 граммов золота стоимостью около 25 франков, или 20 марок, фунта стерлингов или пяти долларов. Эта денежная единица делится по десятичной системе на части, и десятитысячная ее часть будет называться «спезо»; сто спезо будут стоить 20 сантимов, 16 пфенигов или 1/2 пенса. Тысяча спезо составят спезмс или 2 марки, 2 шиллинга, 1/2 доллара, 1/2 пезо (испанских), 1 иену японскую.

[2] Delassus. La conjuration antichristennat; т. III, стр. 934—94».

Глава III

Знаменитое движение в области вселенской церковно-религиозной мысли. Епископ Графтон и его записка. Стремление к унии англиканской и православно-восточной Церквей. Пий X и его энциклика. Кризис римско-католицизма. Принц аббат, Макс Саксонский. Общецерковное ожидание явления антихриста и конца мира

Указанное в предшествующей главе стремление всего человечества к объединению захватило собою, в частности, и христиан различных вероисповеданий: и между ними не без воли Божией, думается нам, началось то же объединительное движение, направленное к разрушению вероисповедательных средостений.

«Начало XX столетия,— так в одной из статей своих писал Л. А. Тихомиров[1],— ознаменовалось чрезвычайно важным и в высшей степени знаменательным движением в области вселенской церковной религиозной мысли, которое на короткое, правда, время поразило общественное внимание даже современного мира, вообще мало склонного к углублению в вопросы религии и Церкви и в соотношение их к запросам и ожиданиям человеческого прогресса и цивилизации. В самый разгар увлечений мнимыми победами культуры, когда вдумчивому наблюдателю стало достаточно ясным стремление оматериализованного человеческого духа поставить свой престол наравне с Божиим и стать равным Всевышнему, когда даже в России, избравшей Божественное Откровение Христа в руководство для своей государственной жизни, стало заметным, а теперь едва ли не преобладающим, торжество антихристианского духа, когда даже в ней стало возможным преклонение целой массы поклонников перед Львом Толстым, как перед кумиром и «единым истинным христианином»; в то самое время раздался голос Вселенской Церкви, призывающий путем пересмотра и определения своих верований к устранению из них всего самоизмышленного и на почве истины к соединению всего христианского мира в одно необоримое духовное стадо. Так в 1901 или в 1902 году Константинопольская Вселенская Патриархия возбудила вопрос о том, нет ли уже достаточно подготовленной почвы для признания православия старокатоликов. В свою очередь Англиканская церковь также проявила усиленную деятельность в тех же интересах церковного объединения. С особенной же силой это стремление к единству сказалось в Американской Епископальной церкви, выразившись в записке ее представителя, епископа Графтона,посетившего Россию в 1903 году.

«Кажется,— так писал еп. Графтон в этой записке,— если

[1] Моск. вед. 1904 год.

мы не ошибаемся, ныне вместе с возвышением духа ревности к Церкви у всех христиан возрастает желание сблизиться между собою, и это в такое, именно, время, когда стали яснее обнаруживаться многообразные козни сатаны, и возможно уже стало видеть знамение Сына Человеческого, предреченное Спасителем мира».

В развитии идеи сближения христиан всего мира между собою и соединения церквей в Единую Вселенскую Церковь, в Англии в 1905 году была учреждена «Уния англиканской и восточноправославной Церквей», с 1907 года имеющая свое отделение и в Америке. Председателем этой Унии со стороны православных в Америке состоял преосвященный Рафаил, епископ Бруклинский, а со стороны англикан — Э. Паркер, епископ Нью-Гемпширский[1]. Уния эта развивает все большую и большую деятельность, и уже видится то время, когда при внешнем враждебном давлении на христианскую Церковь, обе ветви англиканской и американской епископальной Церквей сольются с Греко-Российским Православием.

Престол католического Рима не только не остался чужд общему голосу Западной Церкви, но со свойственной ему властностью и резкостью в одной из папских энциклик, изданных вскоре по восшествии на папский престол Пия X, высказал и предвидение роковой мировой развязки в лице явления уже родившегося в мир, по мнению Римскаго первосвященника, антихриста.

«Внимательный наблюдатель,— так говорит помянутая энциклика,— не может не исполниться опасения, что уже не далек конец мира, и что антихрист уже пришел на землю: с такою резкостью всюду попирают религию и борются против Богооткровенной веры, с такими усилиями стараются порвать какие бы то ни было отношения человека к Богу. Напротив,— и это по Апостолу призрак антихриста,— человек самого себя поставил на место Бога».

Еще упорствует в надменности своей гордый Рим и в лице князей своей церкви еще не идет на соединение с Православным Востоком иначе, как только в образе лицемерной унии, или не менее лицемерного так называемого «русского католичества» под главенством «непогрешимаго» папы-царя. Но и ветхого Рима многовековое упорство ломается извне и изнутри под напором торжествующего масонства, модернизма, мо-

---

[1] По сведениям «Московских ведомостей», почерпнутым из нью-йоркской газеты «Свет» (№ 40), в конце 1910 года в Цинциннати состоялось собрание этой Унии, представленное духовенством и мирянами англиканской церкви из Китая, Японии, Южной Америки, Австралии. Одних епископов было 106, 500 священников и несколько тысяч мирян. Нашему еп. Рафаилу была предоставлена честь благословить собрание.

риавитизма и искреннего стремления в лучших сынах Римской церкви к познанию истины.

Так недавно принц Макс Саксонский ставший католическим аббатом, в исследовании своем о якобы «схизме» Православной Греко-Российской Церкви пришел к открытому заключению, что Восточная наша Церковь не отступила ни от одного из догматов и не привнесла ничего самоизмышленно нового в чистоту исповедания Вселенской Апостольской Церкви.

Таким образом, с великою радостию для православно-верующего сердца надлежит отметить, что все подразделения и ветви христианства, в которых сохранилась и еще горит священная искра искания чистой христианской истины, обращают свои взоры и упования на наш Православный Восток, сохранивший в себе во всей полноте всю чистоту первоначальной соборно-апостольской истины и не допустивший в свои недра ничего из новшеств церквей Запада. И в то же время с любовию и вместе со страхом, умеряемым христианской надеждой, отмечаем, что религиозная мысль Запада в стремлениях своих обрести чистую христианскую церковную истину, ближайшею своею целью поставляет найти пути к объединению в Православии всех ветвей Вселенской Христовой Церкви, основанием к тому выставляя чаяние предреченного Спасителем явления знамения Сына человеческого, описание близкого конца мира и явления миру антихриста в качестве беззаконного вершителя судеб, отступившего от Бога человечества.

Глава IV

Учение Православной Церкви об антихристе и о Втором Христовом Пришествии

Что же говорит Православный Восток по поводу предвидения церквами Запада близкого конца мира и явления миру антихриста?

Как учит о сем Святая Апостольская Православная Церковь?

Перед кончиной мира, так учит Церковь, перед Вторым Пришествием Христовым, попущением Божиим, явится антихрист, последний чрезвычайный противник Христа и Его Святой Церкви. Во дни его Господь, по безграничной любви Своей и милосердию, для борьбы с ним и для предотвращения людей от него пошлет на землю двух Своих пророков, Еноха и Илию. Пророки эти придут во плоти, чувственно, и будут проповедовать против антихриста три с половиною года, утверждая в последних людях веру в Господа Иисуса Христа, Единородного Сына Божия, Спасителя мира и в Его Святую Апостольскую Церковь.

«Христова Церковь, находясь в состоянии странствования

на земле, в то же время пребывает и в состоянии непрестанной брани со своими врагами. Брань с иудейством и властным иудейским синедрионом кончилась падением неверного Израиля[1]; но дух вражды его переселился в Рим. От Нерона до Максентия редкий из римских императоров не поставлял для себя долгом и честью с большей или меньшей силой преследовать и подавлять христианство; продолжительные гонения, одно за другим, были воздвигаемы с нарочитой целью; истребить с лица земли поклонников Иисуса, уничтожить Христову Церковь.

Подвигнув языческий мир со всеми его силами на борьбу с Церковью, исконный враг рода человеческого думал сокрушить и разрушить Царство Божие, т. е. Церковь. Но силою Божиею, терпением святых сокрушилось и это оружие дьявола: Христианство восторжествовало над языческим Римом и, вообще, над идолопоклонством. Когда истощились силы язычества в борьбе с Церковью, у врага уже было готово для продолжения борьбы оружие другое — это скопище различных еретиков и лжеучителей. Рано враг начал сеять плевелы между чистою пшеницею слова евангельского: еще во времена Апостолов являлись неправые лжеучители и учения (Иоанн. IV, 1—13); и далее Церковь постоянно находила внутри себя врагов, искажавших содержимое ею учение. Но это оружие до IV века было второстепенным оружием в руках врага дьявола. Когда же Церковь начала торжествовать над миром языческим и на развалинах его утверждать свое внешнее благополучие, тогда дьявол вооружил против нее полчище разных еретиков, чтобы посредством их ослабить, поколебать и разрушить ее в самом ее основании, в ее вероучении. Жестока и опасна была брань Церкви вселенской и с этими врагами. От арианства до иконоборства, один за другим, являлись в ней ересеначальники, возмущали мир в ней, колебали ее и увлекали за собою легкомысленных, простодушных, неискусных в вере людей. С окончанием времен вселенских соборов, восторжествовала Церковь и над этим врагом. Но и далее не обрела Церковь покоя: еретический Рим, Лютер — на Западе, жестокое изуверство поклонников лжепророка Магомета — на Востоке, ереси и расколы в русском государстве...

Но вся эта брань ничто в сравнении с тою бранью, которую воздвигнет дьявол на Христову Церковь в последнее перед Вторым пришествием Христовым на землю для Суда время чрез антихриста. Это будет последний, чрезвычайный противник Христа и Его Святой Церкви, о котором Св. Апостол Иоанн говорит: «грядет», т. е. придет. Вот почему великий учитель Св. Иоанн Дамаскин и писал: «Требе есть знати, яко имать приити антихрист».

Кто же такой последний антихрист? Когда он явится и каков его конец?

Для разрешения сих вопросов обратимся к слову Божию, и прежде всего к учению Самого Господа Иисуса Христа.

Обличая неверие иудеев в Него, как Сына Божия, обещанного Израилю Мессию, Господь говорит: «Аз приидох во имя Отца Моего и не приемлете Мене; аще ин придет во имя свое, того примите». (Иоанн. V, 48). Под «иным», которого Господь противополагает Себе со стороны свойств и действий, а также со стороны отношения к нему иудеев, надлежит разуметь последнего антихриста, как определенное лицо, которого в будущем приимут иудеи. «О ком это Он (Христос) говорит,— пишет Св. Златоустый,— «приидет во имя свое»? Здесь Христос намекает на антихриста. «Если вы преследуете Меня,— говорит Он,— из любви к Богу, то гораздо более следовало бы так поступить с антихристом. Он ничего подобного не будет говорить, то есть, что послан от Отца, что пришел по воле Его; но, совершенно напротив, насильственно будет похищать все ему не принадлежащее и называть себя богом над всем» (как и Павел пишет, «паче всякого глаголаемого бога, или чтилища, показующи себе, яко бог есть») (2 Сол. 11, 4). Это именно и значит, что он придет во имя свое. «Но Я,— говорит Христос,— пришел не так, а во имя Отца Моего». Достаточно было и этого для доказательства, что они не любят Бога, так как не приняли Того, Кто им говорил о Себе, что послан от Бога. Но в настоящем случае Он показывает бесстыдство их с противоположной стороны — из того, что они готовы принять антихриста. (Златоуст. Т. VIII. С. 272—273).

Спаситель «иного» противопоставляет действиям Своим во имя Отца; неверию Иудеев во истинного Мессию («не приемлете Мене») противопоставляет их веру в неистинного — «иного» («того приимете»). Христос есть лицо единое, и под именем «иного», которого Он противопоставляет Себе, нужно разуметь определенное, единое лицо.

Итак, последний антихрист — определенное, единое лицо; он еще не пришел (придет), и в будущем его примут жиды; отвергнув Христа, они готовы принять антихриста.

Так объясняют это место и другие Святые Отцы.

Феофилакт Болгарский в толковании сего места писал: «Я,— говорит Христос,— пришел во имя Отца Моего... А приидет иной, то есть антихрист, который будет доказывать, что он только один бог. Итак, Меня, Который пришел во имя Отца, вы не принимаете, а его примете» (На Иоанна зач. 1898. 17-е. С. 138—139).

Более подробно об антихристе говорится у Ап. Павла в послании к Фессалоникийцам, где, по словам книги «О вере», описан весь образ антихриста (л. 269 об.)... Ап. Павел учит, что прежде Втораго Пришествия Христа Спасителя явится антихрист, что антихрист будет определенное лицо, человек беззаконный, находящийся под особым руководством сатаны, будет выдавать себя за Бога; для совращения людей будет проповедовать ложное учение, чем увлечет многих слабых; будет совершать ложные знамения и чудеса; будет могущественным царем, по изображению пророка Даниила и Тайнозрителя;

воздвигнет гонение на христиан, от которых будет требовать к себе божеского поклонения, нехотящих же следовать за ним предаст смерти (Дан. XI, 37; Апок. XIII, 7—8 и 15 с.), родится от девицы нечистой, жидовки сущей от колена Данова (Быт. XLIX, 17; Ипполит. Вып. 11. С. 16—17 и книга «О вере», 270); царствовать будет только $3^1/_2$ года, как читаем о том у пророка Даниила: «И дастся в руку его даже до времени, и времен полувремени» (VII, 25 и Иероним, XII, 67); погибнет антихрист от действий Христа Спасителя, когда Он придет судить живых и мертвых (2 Сол. 11, 8).

Возвысившись над всеми царями и над всяким богом, антихрист построит город Иерусалим и восстановит разрушенный храм, всю страну и пределы ее возвратит Иудеям. Затем, освободивши их от рабства народам, он объявит себя царем их (Блаженный Ипполит. Т. 11. С. 160), как и Христос сказал, что Иудеи примут антихриста за Мессию.

О ТОМ, ЧТО ПРИИДУТ ПРОРОКИ ИЛИЯ И ЕНОХ, СВИДЕТЕЛЬСТВА В ПИСАНИИ И У ОТЦОВ

О Енохе: 1) в книге Бытия читаем: «И угоди Енох Богу, и не обреташеся, зане преложи его Бог (гл. V, 24). 2) У Сираха: «Ехон угоди Господеви и преложися, образ покаяния родом (XLIV, 15). 3) Ап. Павел: «Верою Енох преложен бысть не видети смерти; и не обреташеся, зане преложи его Бог (Евр. XI, 5). Лежит человеку единою умрети, потом же суд» (11, 27).

На этом основании Св. Отцы учили, что одним из пророков, которого убьет антихрист, будет Енох, так как он не вкусил смерти, а между тем непременно надлежит каждому человеку единою умрети, а потом уже суд.

Пр. Феодор Студит и Пр. Максим Грек: «Возьми Еноха, угодившего Богу, не исхитил ли его Бог из среды тогдашних развратников, старавшихся и его развратить, переселив в неизвестные места, где он и доселе пребывает, имея быть предвестником второго пришествия Христова.

Пр. Максим в слове «О неизглаголанном Божием Промысле» писал: «Енох же праведно помолися Богу, да сицеву смерть не узрит. Услышана бысть молитва его, преложив бо его жива Скорый на заступление всем призывающим Его истиною, якоже писано есть, и не обреташеся Енох в сродниках его, его же по человеколюбному смотрению соблюдает жива до явления богопротивника антихриста, да тем и блаженным Илиею посетить и утвердить в вере и любви своей благоверный язык христианский и обратить к нашей неблаженной и непорочной вере, елици достойни спасения от иудейскаго языка у Бога возмнятся, вкупе же и нечестивого богопротивника оного обличить и объявить лжива и льстеца содеянным тогда предивными чудесы от преподобных пророков Своих».

ОБ ИЛИИ

Что вторым светильником будет св. Пророк Илья, о том свидетельством служит сказание книги Царств: «И бысть идущим им... и се колесница огненная и кони огненнии, и разделиша между обема; и взят бысть Илия вихром яко на небо» (4 Цар. 11, 11—12).

Иисус Сын Сираов: «взявыйся вихром на колеснице коней огненних; вписан во обличение на времена утолити гнев прежде ярости и обратити сердце отчее к сыну, и устроити колена Иаковля (XLVIII, 9—10).

Пророк Малахия: «Се Аз послю вам Илию Фесвитянина, предже пришествия дня Господня великого и просвещенного, иже устроить сердце отца к сыну и сердце человека ко искреннему его, да не пришел поражу землю вконец» (IV, 5—6).

О нем же Св. Отцы:

Св. Амвросий: «Понеже Христос имел снити с небес и взыти на небо, взял нань Илию, коего во благовремя паки возвратит на землю» (Кн. 1-я О покаянии. Гл. VIII. С. 17. 1901).

И в другом месте: «Кто-нибудь скажет: но, ведь, еще Илия оказался совершенно непричастным к вожделениям плотского соития. Но потому-то Он и был взят на небо, потому-то он и является во славе вместе с Господом, потому-то он и будет предтечей Господня пришествия» (О девстве и браке. 1901. Т. III. С. 6).

В Прологе: «Сей и второму пришествию Христову с Енохом приити к обличению всеконечного нечестия антихристова и утешению благочестия вверенный».

Бл. Феодорит, толкуя пророчество Малахии, писал: «Се Аз послю вам Илию Фесвитянина». И, означая время, присовокупил: «Прежде пришествия дне Господня великого и просвещенного. Так наименовал день второго пришествия; извещает же, что соделает пришедши великий Илия. Иже устроит сердце отца к сыну и сердце человека ко искреннему его. И, показывая цель, для которой приидет Илия прежде, присовокупил: да не пришед поражу землю вконец. Чтобы Мне, нашедши всех вас в неверии, не предать всех нескончаемому мучению. Илия приидет прежде, возвестит вас о Моем пришествии и убедит вас, иудеи, без всякого сомнения присоединится к уверовавшим в Меня язычникам и составит единую Мою Церковь. Отцами же называет Пророк иудеев, как призванных прежде, а сынами — язычников, как спасенных после иудеев. Посему, поелику мы и ныне убеждаем иудеев к благочестию, они же пребывают непокорными, завидуя нашему спасению, то справедливо сказано у Пророка, что Илия устроит сердце отца к сыну, потому что убедит иудеев вступить в общение с нами».

Св. Иоанн Златоуст: «Послушай, как Малахия предвещает то же, или лучше Бог чрез пророка: «Се Аз послю вам,— говорит Он,— Илию Фесвитянина. Для чего пошлет?

Иже устоит сердце отца к сыну (Малах. IV, 5, 6). Так как имеет быть Суд тот страшный и ужасный, то чтобы Судия не осудил некоторых безответных на наказание и чтобы Илия, пришедши и предсказав, что близко — при дверях наступление суда, сделал людей благоразумными; ведь сказанное за много лет обыкновенно пренебрегается, то названный Пророк и придет возобновить это в нашей памяти.

Св. Андрей Кесарийский, толкуя XI гл. Апокалипсиса, пишет: «Многие учители думали, что сии два свидетеля, именно Енох и Илия при конце получат время от Бога для пророчества на три с половиною года, которые обозначены тысяча двумя стами шестьюдесятью днями. Облечением во вретище показывают они, что плача и слез достойны обольщаемые и что будут отвлекать от обольщения антихристова существующих тогда. Их Пророк Захария указывает в виде двух маслин и двух светильников, потому что пища для света ведения доставляется елеем добрых дел.

Бл. Ипполит, папа Римский так же толкует это место.

Пр. Ефрем Сирин: «Но прежде нежели будет сие, Господь, по милосердию Своему, пошлет Илию Фесвитянина и Еноха.

Св. Андрей Кесарийский, приводя 4-й стих X главы Апокалипсиса: «Се рече ми: подобает ти паки пророчествовати в людях и во племенах и во языцех и в царех множех»,— писал: «Сим показывается или то, что не скоро после видения Божественного Апокалипсиса примет исполнение виденное, но надлежит еще Блаженному чрез Евангелие свое и чрез сие Откровение даже до конца пророчествовати читающим о будущем; или что он не вкусит смерти, при конце же придет, препятствуя принятию антихристова обольщения.

Святый Андрей Кесарийский разделял мнение некоторых, что при конце мира для проповеди и обличения антихриста придет и Иоанн Богослов.

Бл. Августин: «В последнее время, пред судом, иудеи уверуют в истиннаго Христа, т. е., в нашего Христа, когда разъяснит им Закон Илия, этот великий и удивительный Пророк».

Бл. Иероним: «Бредни иудейские заключались в том, что Иерусалим будет восстановлен во время тысячелетнего царствования».

Св. Андрей Кесарийский: «Многие во время антихристово за твердое пребывание в вере удостоятся пророческого дара и будут убиты оруженосцами дьявола».

Бл. Иероним: «Блажен тот, кто сверх предназначенного числа ожидает, по умерщвлении антихриста, еще сорок пять дней, в которые Господь и Спаситель приидет в Своем величии. Но почему же, по умерщвлении антихриста, в течение сорока пяти дней ничего не будет слышно, это ведомо Богу.

Мы разве то только можем сказать, что отсрочка царства святых есть испытание терпения.

Блаж. Ипполит: «Нечистый разошлет приказы по всякой области при помощи демонов и чувственных людей; все они будут говорить: «Появился великий царь на земле; идите все посмотреть могущество силы его. Вот он доставляет вам хлеб и одарит вас вином, богатством многоценным и почестями великими. Идите все к нему!» И вот, по причине недостатка в пищевых средствах, все придут и поклонятся ему... И ради скверной печати своей льстец даст им немного пищи. И вот всех тех, которые уверуют в него, он запечатлеет печатью своею, а тех, которые не пожелают покориться ему, он подвергнет несравнимым наказаниям, жесточайшим мучениям и всевозможным ухищрениям, каких никогда не было... После того как люди получат печать и не найдут ни пропитания, ни воды, они придут к нему и будут говорить голосом, преисполненным отчаяния: «Дай нам попить и поесть: все мы ослабеваем от голода и всевозможной нужды; прикажи, чтобы небо нам дало воду и отгони зверей, пожирающих людей». Тогда лукавый с презрительной насмешкой, исполненный великаго бесчеловечия, ответит им: «О, небо! оно не желает дать дождя; земля не произрастает плодов своих. Откуда же я дам вам пищи? Тогда, услышав слова этого лукаваго, несчастные поймут, что он злой диавол и будут с отчаянием сетовать и сильно плакать, и говорить друг другу: «О, несчастие! Каким образом мы склонились перед ним? Каким образом мог опутать нас обольститель? Как это мы уловлены его сетями?»... Великая скорбь будет тогда, но Господь не оставит рода человеческого лишенным утешения... Дни протекут с быстротой, и царство антихриста разрушится скоро».

Вот в смысле ослабления, уничтожения, разрушения антихристова царства и можно понимать, что антихрист будет поражен от Бога, так как несомненно будет небольшой промежуток времени между разрушением атихристова царства, поражением его власти и пришествием на землю Господа Царя Славы.

Св. Кирилл Иерусалимский: «Но никто не любопытствуй о времени... Не смей решительно говорить: сие будет тогда-то, и не предавайся беспечному сну».

Бл. Августин: «Что все это имеет быть, тому следует верить; но каким образом и в каком порядке оно будет, это лучше покажут тогда на опыте самые события».

Св. Григорий Двоеслов: «В Ветхом Завете узнали мы, что Илия восхищен был на небо. Илия вознесся на небо воздушное так, что внезапно был отведен в некую потаенную область вселенной, в которой жил бы уже в великом спокойствии плоти и духа дотоле, доколе при кончине мира не возвратится назад и не заплатит долг смерти. Ибо он разорвал смерть, но не убежал он нее» (Беседа на Еванг. СПБ. 1860. Кн. II. С. 100).

Что антихрист будет человек, тому свидетельство у Отцев.

Св. Златоуст, толкуя 11-ю главу 2-го послания Апостола Павла к Солунянам, писал: «Здесь он (Апостол) говорит об антихристе и открывает великие тайны. Что такое отступление? Отступлением он называет самого антихриста, так как он имеет погубить многих и привести к отступлению, якоже прельстите, сказано, аще возможно, и избранные. Называет его и человеком беззакония, потому что он совершит тысячи беззаконий и побудит других к совершению их. А сыном погибели называет его потому, что он сам погибнет. Кто же он будет? Ужели сатана? Нет,— но человек некий, который восприимет всю силу его».

Еще учил Златоуст, что иудеи примут антихриста (Т. VIII. С. 273): «Больше всего обольститель будет иметь силы среди иудеев, ибо они не приняли Христа, не уверовали в Него».

Св. Кирилл Иерусалимский: «Когда наступит время прийти истинному Христу в другой раз, сопротивник, воспользовавшись ожиданием людей простодушных и особливо тех, которые из обрезания, изведет некоего человека-волхва, весьма опытного в искусстве обманывать волшебными составами и чародейством, который во власть себе захватит Римское царство, ложно наименует себя Христом и сим наименованием обольстит иудеев, ожидающих помазанника, а тех, которые из язычников, привлечет волшебными мечтаниями. Придет же сей, сказанный выше антихрист, когда исполнятся времена Римского (всемирного) царства, и приблизится уже конец мира».

Св. Ипполит: «Внезапно появится малый рог, каковой есть антихрист, когда правда на земле уничтожится, и когда весь мир придет к концу».

Св. Златоуст: «Аще рекут, се в сокровищах Христос, се в пустыни есть, не изыдите» (Мф. XXIV, 26). Говорит так о Своем славном втором пришествии, имея в виду лжехристов, лжепророков и антихриста, чтобы кто-нибудь, заблудившись, не попал последнему. Так как прежде Христа придет антихрист».

Блаж. Феодорит: «Благоугодно Богу, чтобы антихрист явился во время скончания. Посему Божие определение не позволит ему явиться ныне».

Бл. Августин: «Христос придет судить живых и мертвых не прежде, чем придет для обольщения мертвых душою антихрист».

Бл. Иероним: «Все книги пророков и евангельская истина учат о двух пришествиях Господа Спасителя, что прежде Он придет в уничижении, что произойдет перед кончиною мира и когда придет антихрист. Христос не придет, пока пред Ним не явится антихрист, который восстанет из малаго народа, т. е., из народа иудейскаго, пророческая речь описала

нам, в отношении к разрушению и концу мира, каково будет поколение людей пред пришествием антихриста; пастырь неразумный или неискусный есть антихрист; о нем говорится, что он придет в конце мира».

Бл. Феофилакт Болгарский в толковании посланий Ап. Павла к Фессалоникийцам писал: «Антихрист и Илия — знамение общей кончины». (I посл. V гл. 3 ст). И в Толковом Апостоле сказано: «приидет бо, рече, при кончине мира антихрист».

Св. Златоуст: «Не удивляйся, что у него (антихриста) очи человечи: ведь, о нем говорится и то, что он человек» (Т. VI, 529).

Св. Григорий Богослов: «Кто антихрист? Зверь, исполненный яда; человек многомощный».

Бл. Феодорит: «Пред Владычниим пришествием, облекшись в естество человеческое, придет губитель — человек, безбожный демон, похититель Божьего имени. Назвал же антихриста человеком беззакония и сыном погибели и видимое естество тем показуя и открывая разнообразную действенность греха».

Нарек его человеком беззакония, потому что он по природе человек, приявший в себя всю действенность диавола, а — сыном погибели, ибо губитель человек подражает вочеловечению Бога и Спасителя нашего, и как Господь восприял человеческое естество, так и он».

Св. Кирилл Иерусалимский: «Будет антихрист... сперва, как человек ученый и умный, покажет он скромность, целомудрие и человеколюбие, потом... как человек хульный и беззаконный».

Бл. Феофилакт Болгарский: «Кто же он (антихирст) такой? Ужели Сатана? Нет, но некоторый человек, принявший всю его силу».

Блаж. Ипполит: «Господь и Спаситель наш Христос Иисус, Сын Божий, за Его Царское и славное достоинство предвозвещен был, как лев; подобным же образом и антихриста преуказало, как льва, за его качества тирана и насильника. Да и, вообще, обольститель желает уподобиться Сыну Божию, Лев-Христос, лев и антихрист. Явился Спаситель, как агнец; подобным же образом покажется и тот, как агнец, хотя внутри будет оставаться волком. Обрезанным пришел Спаситель в мир, подобным же образом явится и тот. Послал Господь Апостолов ко всем народам; подобным же образом пошлет и он своих лжеапостолов. Собрал Спаситель Своих рассеянных овец; подобным же образом соберет и тот рассеянный народ иудейский. Дал Господь печать верующим в Него, подобным же образом даст и тот. В образе человека явился Господь, в образе человека придет и он».

Св. Андрей Критский: «Колено Даново, так как из него должен родиться антихрист, не причислено к прочим (VII гл. Апок.), а вместо него упомянуто Левиино, которое, как

священническое, в число колен не входит» (Толкование на Апок. 1889. С. 87). И в другом месте: «Антихрист, происходящий от корня еврейского, из восточных частей Персидской земли, где колено Даново».

Св. Ириней Лионский: «Иеремия открыл не только его, антихриста, внезапное пришествие, но и колено, из котораго придет, говоря: «От Дана мы услышим ржание его быстрых коней, и от звука ржания скачущих коней его потрясется вся земля, и он придет и пожрет землю с тем, что наполняет ее, и город с его обитателями. И поэтому сие племя не считается в Откровении в числе спасаемых».

ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО АНТИХРИСТ ВОССТАНОВИТ ИУДЕЙСКОЕ ЦАРСТВО, ИЕРУСАЛИМ И ХРАМ, О ТОМ У ОТЦОВ:

Св. Ириней Лионский: «Апостол открыл и то, на что я не раз указывал, что в Иерусалиме храм был построен по распоряжению Истинного Бога... В нем-то и будет сидеть противник, стараясь представить себя Христом». «Сделает он, антихрист, во время своего царства: переселит царство в этот город, т. е. Иерусалим, и сядет в храме Божием, обольщая поклоняющихся ему, как будто он Христос».

Св. Кирилл Иерусалимский: «Яко же ему (антихристу) сести в церкви Божией. В какой же церкви? Разумеется разоренный иудейский храм. Да не будет же того, чтобы разумелся сей храм, в котором мы! Но для чего говорим это? Да не подумают, что мы говорим из лести себе. Если антихрист придет к иудеям, как Христос, и от иудеев восхощет поклонения, то, чтобы более обольстить их, покажет великое усердие к их храму, внушая о себе ту мысль, что он рода Давидова и что ему должно создать храм, сооруженный Соломоном. Придет же он, когда в иудейском храме не останется камня на камне, по определению Спасителя».

Бл. Ипполит: «Возвысившись над всеми царями и над всяким богом, он построит город Иерусалим и восстановит разрушенный храм, всю страну и пределы ее возвратит иудеям». И в другом месте: «восстановит он также и каменный храм в Иерусалиме». «Он призовет к себе весь народ иудейский из всех стран, в которых он рассеян; он присвоит их себе, как своих собственных детей, возвестит им, что он восстановит страну и восстановит их царство и храм, и все это с тою целью, чтобы они поклонились ему, как Богу».

О ЦАРЯХ, СОЦАРСТВУЮЩИХ С АНТИХРИСТОМ

Св. Кирилл Иерусалимский: «Придет же сей, сказанный выше антихрист, когда исполнятся времена Римского царства, и приблизится уже конец мира. Вдруг, восстанут

десять римских царей, царствующих, может быть, в разных местах, но в одно и то же время, а после них одиннадцатый будет антихрист, который с помощью волшебного искусства захватит себе Римскую державу, уничтожит трех, прежде него царствовавших, имея уже под своею властью семерых».

Св. Андрей Кесарийский: «Зверь сей антихрист, восьмой же, как имеющий восстать после семи царств на прельщение и опустошение земли, от седьмых же он, как произросший от одного из сих царств. Ибо придет он не из иного народа из упомянутых, но как царь римлян на пагубу и погибель уверовавших в него и после сего пойдет в пагубу геенны».

Св. Ириней Лионский: «Даниил же относительно конца последнего царства, т. е., десяти последних царей, между которыми разделится царство их и на которых придет сын погибели, говорит, что у зверя вырастут десять рогов и в середине их вырастет другой маленький рог, и что три рога из первых будут истреблены с его лица».

Бл. Иероним: «При конце мира, когда будет разрушено Царство римское, будет десять царей, которые разделят между собою мир римский, и восстанет одиннадцатый царь, небольшой, который победит трех из десяти царей. По умерщвлении их, также и семь других царей подчинятся победителю антихристу».

Слово бл. Ипполита: «Он (антихрист) возлюбит народ иудейский; вместе со всем им он совершит знамения и страшные чудеса, но не истинные, а ложные, для того, чтобы обольстить подобных ему нечестивцев. Насколько будет возможно, он даже избранных отторгнет от любви ко Христу. А на первых порах он будет — милостивым, любвеобильным, спокойным, религиозным, миротворцем, будет с ненавистью преследовать несправедливость и гнушаться даров; не будет предаваться идолослужению и будет любить Писание... будет гостеприимным, нищелюбивым, милосердным. Затем начнет совершать чудеса: будет очищать проказу, восстановлять расслабленных, изгонять демонов, возвещать об отдаленном будущем, как бы о настоящем, воскрешать мертвых, доставлять помощь вдовам, заботиться о сиротах, будет всех любить... И все это совершится по притворному и коварному умыслу из желания склонить всех к тому, чтобы его сделали царем. И, действительно, лишь только народ и толпа увидят такие добродетели и столь великие доблести его, как все единомысленно придут к одному и тому же решению сделать его царем. И более всего еврейский род преимущественно перед всеми будет привлекать к себе любовь со стороны тирана; и скажут тогда иудеи друг другу: «Ужели в нашем роде нашелся такой добрый и справедливый человек?» В особенности же, как я сказал выше, иудеи будут мечтать о том, что они увидят его царем, облеченным подобающею властью, и придут к нему со словами: «Все мы тебе повинуемся, все мы на тебя

возлагаем надежду, все мы тебя считаем справедливым по всей земле; все мы надеемся при твоей помощи обрести спасение, а через твои уста мы уже получили справедливый и неподкупный суд».

О ГОГЕ И МАГОГЕ

Св. св. Ефрем Сирин и Иоанн Златоуст под Гогом и Магогом разумели народы, притеснявшие евреев вскоре по возвращении их из Вавилона.

«Слово «Магог» употребляется в первый раз в книге Бытия (X, 2). Это один из сыновей Иафета. В пророчестве Иезекииля говорится о Гоге и Магоге; из него и перенесены имена сии в Апокалипсис с теми же понятиями, в каких приняты были Иезекиилем, но с разным применением. Гог у Иезекииля изображается славным и страшным завоевателем, который вторгается с многочисленным войском в землю народа Израильскаго... Гог был орудием гнева Божия против Израиля, но потом сам за жестокость и нечестие сделался предметом отмщения также и гнева Божия. Слово «Магог» означало или землю, или народ, которым повелевал Гог... Из Апокалипсиса видно, что предсказания иногда в одних и тех же словах относились и к суду Божьему над нечестием последних времен существования мира, время пришествия, царства и господства последнего антихриста. Понятие о Гоге во все времена было понятием о властелине свирепом, воинственном, повелевающем разноплеменными и многочисленными толпами воинов, попирающих уставы Божии, кровожадном злодее, враге Бога, веры и Церкви Его и поклонения Ему. Гог — антихрист; Магог — воинство его. Гог означает собирающего, а Магог — собрание народов» (Бл. Иероним. Толков. на 7 ст., XX гл. Апок., стр. 259). Развязанный сатана на конце времен и воздвигнет их на брань с градом Божиим. «Гог и Магог» — это те народы, в которых до времени заключен, как бы в бездне, диавол[1].

О ПЕЧАТИ АНТИХРИСТА

Св. Андрей Кесарийский: «Постарается он (антихрист), чтобы на всех было наложено начертание пагубного отступника и прелестника частью на правой руке, чтобы отсечь делание правых дел, частью же на челе, чтобы научить обольщенных быть дерзновенными в обольщении и тьме. Но не примут сего запечатлевшие лицо свое Божественным светом. И будут стараться печать (имя) зверя распространять повсюду в купле и продаже, чтобы непринимающим ее последовала насильственная смерть от недостатка необходимого. Тщательное познание печати, как и прочего написанного о нем (звере)

---

[1] Япония и Китай. Св. L'empire du Milien.

откроет бодрственный опыт и время»... «Теперь,— говорит Св. Андрей,— тщательно познать, что за печать, что это за имя антихриста, невозможно: благодать Божия скрыла это. Это — внешний знак. С внутренней стороны — приявшие печать лишены уже будут делания правых и благих дел: они будут дерзновенны в обольщении и упорны пребыванием во тьме».

Люди не предузнают дня пришествия Господа не потому, что не будут знать, сколько времени продолжится мучительство антихриста, а потому, что огромное большинство их в антихристе не признают антихриста. Это те, которые будут верить лжи (2 Сол. 11, 11), имена которых не написаны в книге жизни Агнца (Ап. XIII, 8), которые будут столь же беспечны и так же глубоко погружены в земные интересы, как это было во дни Ноя и Лота (Лук. XVII, 26—29).

Таково в главных чертах учение Св. Отцев об антихристе и о втором славном и страшном пришествии Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. То же учение содержит и Св. Православная Церковь[1].

Глава V

Слово Пр. Ефрема Сирина об антихристе

Изложив в предшествующей главе святоотеческое учение по существу занимающего нас вопроса, обратимся теперь к «Слову» Преподобного Ефрема Сирина «На пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово»[2]. Слово это так проникновенно-картинно изображает дни последней «великой скорби» на земле, какой, по слову Божию, от века не было и не будет, что умолчание о нем было бы огромным пробелом в познании и разумении признаков грядущего царства «человека греха и сына погибели», антихриста.

«С болезнью сердца начну речь,— говорит Преподобный,— о том бесстыднейшем и ужасном змие, который приведет в смятение всю поднебесную и в сердца человеческие вложит боязнь, малодушие и страшное неверие и произведет чудеса, знамения и страхования, «якоже прельстити, аще возможно, и избранные» (Матф. XXIV гл. 24 ст.), и всех обманет ложными знамениями и призраками чудес, им совершаемых. Ибо попущением Святого Бога получит он власть обольщать мир, потому что исполнилось нечестие мира и повсюду совершаются всякаго рода ужасы. Посему-то Пречистый Владыка за нечестие людей попустит, чтобы мир был искушен духом лести,

---

[1] Свящ. Александров Д. Новейшая полемика с расколом.

[2] О последних событиях, имеющих совершиться в конце мира. Изд. Оптиной Пустыни.

потому что так восхотели человеки — отступить от Бога и возлюбить лукавого[1].

«Великий подвиг, братие, в те времена, особливо для верных, когда самим змием с великою властию совершаемы будут знамения и чудеса, когда в страшных призраках покажет он себя подобным Богу; будет летать по воздуху, и все бесы, подобно Ангелам, вознесутся пред мучителем. Ибо се крепостию возопиет, изменяя свой вид и безмерно устрашая всех людей. Тогда, братие, окажется огражденным, непоколебимым, имеющий в душе верный знак — святое пришествие Единородного Сына Бога нашего[1], — как скоро увидит сию неизреченную скорбь, отовсюду приходящую на всякую душу, потому что совершенно ниоткуда нет у ней ни на земле, ни на море никакого утешения, ни покоя; как скоро увидит, что весь мир в смятении, что каждый бежит укрыться в горах, и одни умирают от голода, другие истаивают, как воск, от жажды, — и нет милующего; как скоро увидит, что всякое лицо проливает слезы и с сильным желанием спрашивает: «Есть ли где на земле слово Божие», и слышит в ответ: «Нигде!» Кто перенесет дни сии, кто стерпит невыносимую скорбь, как скоро увидит смешение народов, которые от концов земли идут увидеть мучителя, и многие поклоняются мучителю, с трепетом взывая: «Ты наш спаситель!» — Море мятется, земля иссыхает, небеса не дождят, растения увядают, и все живущие на востоке земли от великого страха бегут на запад, а также живущие на западе бегут на восток. Бесстыдный же, прияв тогда власть, пошлет бесов во все концы смело проповедовать: «Великий царь явился во славе; идите и видите его!» У кого же будет такая адамантова душа, чтобы мужественно перенести все сии соблазны? При одном воспоминании о змие прихожу я в ужас, помышляя в себе о той скорби, какая постигнет людей в сии времена, помышляя о том, сколь жестоким к человеческому роду окажется сей скверный змий и сколько злобы еще большей будет он иметь на святых, которые могут противостоять его мечтательным чудесам. Ибо много найдется тогда людей благоугодивших Богу, которым в горах и местах пустынных можно будет спастись многими молитвами и сердечным плачем. Ибо Святый Бог, видя их несказанные слезы и искреннюю веру, умилосердится над ними, как нежный Отец, и соблюдет их там, где они укроются; между тем как всескверный змий не престанет отыскивать святых и на земле, и на море, рассуждая, что уже воцарился он на земле, и все уже подвластны ему. И не сознавая своей немощи и той гордыни, от которой пал, замыслит, несчастный, воспротивиться в тот страшный час, когда Господь приидет

---

[1] Разрядка наша.

с небес. Впрочем, приведет в смятение землю, устрашит всех ложными чародейными[1] знамениями.

«В то время, когда приидет змий, не будет покоя на земле; будут же великая скорбь, смятение, замешательство, смерти и глады во всех концах. Ибо Сам Господь наш Божественными устами изрек, что «такая скорбь не бысть от начала создания» (Марк. XIII г., 19 ст.). Мужественная нужна будет душа, которая бы могла сохранить жизнь свою среди соблазнов. Ибо, если человек окажется хотя несколько беспечным, то легко подвергнется нападениям и будет пленен знамениями змия лукавого и хитрого.

«Много молитв и слез нужно нам, чтобы кто-либо из нас оказался твердым в искушениях, потому что много будет мечтаний, совершаемых зверем. Он сам богоборец и всех хочет погубить. Ибо такой способ употребит мучитель что все должны будут носить на себе печать зверя когда во время свое, т. е. при исполнении времен, приидет он обольстить всех знамениями; и в таком только случае можно им будет покупать себе снеди и все потребное, и поставит надзирателей исполнять его повеления. Заметьте чрезмерную злокозненность зверя и ухищрения его лукавства, каким образом начинает он с чрева, чтобы человек, когда будет приведен в крайность недостатком пищи, вынужден был принять печать, то есть, злочестивые начертания не на каком-либо члене тела, но на правой руке, а также на челе, чтобы человеку не было уже возможности правою рукою напечатлеть крестное знамение и также на челе назнаменовать святое имя Господне, или славный и честный крест Христа и Спасителя нашего. Ибо знает, несчастный, что напечатленный крест Господень разрушает всю силу его, потому что она запечатлевает крестом все члены наши; а подобно и чело, как священник, носит на высоте светильник света — знамение Спасителя нашего. Ибо для того, без сомнения, употребляет таковой способ, чтобы имя Господа и Спасителя да и неминуемо было в то время; делает бессильный (обольститель), боясь и трепеща святой силы Спасителя нашего. Ибо если кто не будет запечатлен печатию зверя, тот не пленится и мечтательными его знамениями. Притом и Господь не отступает от таковых, но просвещает и привлекает их к Себе.

Поелику Спаситель, вознамерившись спасти род человеческий, родился от Девы и в образе человеческом попрал врага святою силою Божества Своего, то и он умыслит восприять образ Его пришествия и прельстить нас. Господь наш на светоносных облаках, подобно страшной молнии, приидет на землю, но не так придет враг, потому что он отступник. Действительно, от девы, только оскверненной, родится его оружие, т. е. ан-

[1] Разрядка наша.

тихрист; но сие не значит, что сам враг воплотится; приидет же всескверный, как тать, в таком образе, чтобы прельстить всех; придет смиренный, кроткий, ненавистник неправды,— как сам будет говорить о себе,— отвращающийся идолов, предпочитающий благочестие, добрый, нищелюбивый, в высокой степени наружностью своею прекрасный, постоянный, ко всем ласковый. При всем этом, с великою властью совершит он знамения, чудеса и страхования и приимет хитрые меры всем угодить, чтобы в скором времени полюбил его народ. Не будет он брать даров, говорить гневно, показывать пасмурного вида, но благочинною наружностью станет обольщать мир, пока не воцарится. Поэтому, когда многие народы и сословия увидят такие добродетели и силы, тогда вдруг возымеют одну мысль и с великою радостью провозгласят его царем, говоря друг другу: «Найдется ли еще человек столь добрый и праведный?» И скоро утвердится царство его, и в гневе поразит трех царей. Потом вознесется сердцем и изрыгнет горечь свою этот змий, смятет вселенную, подвигнет концы ее, всех притеснит и станет осквернять души, не благоговение уже в себе показывая, но при всяком случае поступая как человек суровый, жестокий, гневливый, стремительный, беспорядочный, страшный, отвратительный, ненавистный, мерзкий, лютый, губительный, бесстыдный, который старается весь род человеческий вринуть в пучину нечестия. Многочисленные произведет он знамения, но ложно, а не действительно. И в присутствии многолюдной толпы, которая будет восхвалять его мечтательные чудеса, издаст он крепкий глас, от которого поколеблется место, где собраны предстоящие ему толпы и скажет: «Все народы, познайте мою силу и власть!» В виду зрителей будет переставлять горы и вызывать острова из моря, но все это обманом и мечтательно, а не действительно. Впрочем, прельстит мир, обманет многих; многие поверят и прославят его как крепкого Бога.

Тогда сильно восплачет и воздохнет всякая душа; тогда все увидят, что несказанная скорбь гнетет их день и ночь, и нигде не найдут пищи, чтобы утолить голод. Ибо жестокие надзиратели будут поставлены на место, и кто только имеет у себя на челе или на правой руке печать мучителя, тому позволено будет купить немного пищи, какая найдется. Тогда младенцы будут умирать на лоне матери; умрет и мать над своим детищем, умрет также и отец с женою и детьми среди торжища, и некому похоронить их и положить во гроб. От множества трупов, поверженных на улицах, везде зловоние, сильно поражающее живых. С болезнию и воздыханиями скажет всякий поутру: «Когда наступит вечер, чтобы иметь нам отдых?» Когда настанет вечер, с самыми горькими слезами будут говорить сами в себе: «Скоро ли рассвет, чтобы избежать нам постигшей скорби?» Но некуда бежать или скрыться, потому что все будет в смятении: и море, и суша. Глады, землетрясения, смущение на море, страхования на суше. Множе-

ство золота и серебра и шелковые одежды не принесут никому пользы во время сей скорби, но все люди будут называть блаженными умерших, преданных погребению, прежде нежели пришла на землю эта великая скорбь. И золото, и серобро рассыпаны на улицах, и никто до них не касается, потому что все омерзело.

Но все поспешат бежать и скрыться, и нигде им не укрыться от скорби; напротив того, при голоде, скорби и страхе, будут угрызать плотоядные звери и пресмыкающиеся. Страх внутри, извне трепет. День и ночь трупы на улицах. Смрад на стогнах, зловоние в домах. С рыданиями встречаются все друг с другом — отец с сыном, мать с дочерью. Друзья на улицах, обнимаясь с друзьями, кончают жизнь; братья, обнимаясь с братьями, умирают. Увядает красота лица у всякой плоти, и вид у людей — как у мертвецов. Все же, поверившие лютому зверю и принявшие на себя печать его — злочестивое начертание оскверненного, приступят вдруг к нему и с болезнию скажут: «Дай нам есть и пить, потому что все мы истаиваем, томимые голодом, и отгони от нас ядоносных зверей». И этот бедный, не имея к тому средств, с великою жестокостию даст ответ, говоря: «Откуда, люди, дам вам есть и пить? Небо не хочет дать земле дождя, и земля также не дает вовсе ни жатвы, ни плодов». Народы, слыша это, возопиют и прольют слезы, не имея утешения в скорби; напротив того, другая неизреченная скорбь приблизится к их скорби, а именно та, что так поспешно поверили мучителю. Ибо он, бедный, не в силах помочь и себе самому,— как же он им может оказать милость? В те дни великое будет горе от многих скорбей, причиненных змием, от страха и землетрясения, от шума морского, от голода и жажды и угрызения зверей. И все, принявшие печать антихристову и поклонившиеся антихристу, как благому Богу, не будут иметь никакой части в Царстве Христовом, но вместе с змием будут ввержены в геенну.

«Но прежде нежели будет сие, Господь, по милосердию Своему, пошлет Илию Фесвитянина и Еноха, чтобы они возвестили человеческому роду благочестие, дерзновенно проповедали всем благоведение, научили не верить из страха мучителю, говоря и вопия: «Это лесть, о человеки! Никто да не верит ей нисколько, никто да не повинуется богоборцу, никто из вас да не приходит в страх, потому что богоборец сей скоро будет приведен к бездействию! Вот святый Господь грядет с неба судить всех, поверивших знамениям его». Впрочем, не многие тогда захотят послушать и поверить сей проповеди пророков[1].

«Многие из святых, какие только найдутся тогда, в пришествие оскверненного, реками будут проливать слезы к Святому Богу, чтобы избавиться им от змия, с великою поспеш-

---

[1] Разрядка наша.

ностью побегут в пустыни и со страхом будут укрываться в горах и пещерах, и посыплют землю и пепел на главы свои, в великом смирении молясь день и ночь. И будет им даровано от Святого Бога сие: благодать Его отведет их в определенные для сего места, и спасутся они, укрываясь в пропастях и пещерах, не видят знамений и страхований антихристовых, потому что имеющим ведение без труда сделается известным пришествие антихриста. А кто имеет ум, обращенный на дела житейские, и любит земное, тому не будет сие ясно; ибо всегда таково свойство привязанного к делам житейским — хотя и услышит, но верить не будет и даже погнушается тем, кто об этом будет говорить. А святые укрепятся, потому что отринули всякое попечение о своей жизни.

«Восплачут тогда — и вся земля, и море, и горы, и холмы; восплачут и светила небесные о роде человеческом, потому что все уклонились от Святого Бога и поверили лести, приняв на себя, вместо животворящего Спасительного Креста, начертание скверного и богоборного. Восплачут земля и море, потому что в устах человеческих прекратится вдруг глас псалмов и молитв; восплачут великим плачем все церкви Христовы, потому что не будет священнослужения и приношения.

По исполнении же трех с половиною лет власти и действий нечистого и когда исполнятся соблазны всей земли, приидет наконец, по сказанному, Господь, подобно молнии, блещущей с неба, приидет Святый, Пречистый, Страшный, Славный Бог наш с несравненною славою в предшествии Его славе чинов Архангельских и Ангельских; все же они — пламень огненный; и река (потечет) в страшном клокотании, полная огня; Херувимы с поникшими долу очами, и Серафимы, летающие и закрывающие лица и ноги крылами огненными и с трепетом взывающие: «Восстаните, почившие, се пришел Жених!» — Отверзутся гробы, и во мгновение ока пробудятся все колена земные и воззрят на святую лепоту Жениха. И тьмы темь и тысячи тысяч Архангелов и Ангелов — бесчисленные воинства — возрадуются великою радостию; святые и праведные, и все, не принявшие печати змия и нечестивца, возвеселятся. Мучитель со всеми демонами, связанный Ангелами, также все принявшие печать его, все нечестивые и грешники, связанные, будут приведены пред судилище. И Царь даст на них приговор вечного осуждения в огонь неугасимый. Все же, не принявшие печати антихристовой и все, скрывавшиеся в пещерах, возвеселятся с Женихом в вечном и небесном чертоге со всеми святыми в беспредельные веки веков».

Глава VI

Цель настоящего труда. Лжемиссии Израиля. Запись под 1848 годом из летописи Оптиной Пустыни. Слова оптинского старца Макария. Письмо игумена Антония (Бочкова). Предсказание оптинского старца Макария Белевской игумении Павлине

Приведя в предшествующих главах церковно-авторитетные мнения Святых Отцев о личности антихриста, его явлении, деяниях, состоянии мира во дни его, о втором славном пришествии Господа нашего Иисуса Христа и страшном суде Его, я предлагаю интересующимся подробной разработкой этого вопроса обратиться к ученому труду об антихристе профессора Московской Духовной Академии, А. П. Беляева и к вышеупомянутой брошюре, интересной как по месту ее составления (Оптина Пустынь), так и потому, что автор ее, один из оптинских иеромонахов, при составлении ее пользовался если не сотрудничеством, то во всяком случае, благословением и указаниями Великого оптинского старца Амвросия. Цель настоящего труда не научно-богословское исследование данного предмета, а скромная попытка рядового христианина и верного сына Православной Церкви представить возможно подробный и полный отчет во всем том, что о ясных признаках возможности близкого явления антихриста и конца мира стало ему достоверно известным или от старческих преданий современных нам подвижников православно-христианского духа, или из общения с людьми одинаковой с ним настроенности и упований, хотя и высших по духовному развитию в меру возраста Христова и, наконец, по личным его наблюдениям над явлениями духа и знамениями времени, которые по тем или другим причинам привлекли на себя внимание автора предлагаемого очерка.

Прошли века со времени приведенного выше свидетельства об антихристе Пр. Ефрема Сирина; пронеслись над человечеством сокрушительные бури в области вечного его духа; не раз христианский мир содрогался в трепетном ожидании явления «презренного», «человека греха и сына погибели»; и жестоковыйный, до времени ослепленный Талмудом, кабалой и богоборством, ветхозаветный Израиль успел за это долгое время восторженно принять и с отчаянием отвергнуть 25 лжемессий[1], которых со дней Мессии Истинного ему тщетно представляло его фарисейство и книжничество,— а настоящий ан-

---

[1] Drumont. La France juive p. 126 Аббаты Леманы насчитали 25 лжемессий: Февда в Палестине в 45 г. Симон Волхов в Палестине в 34—37, Менандр в те же года. Досифей в Палест. 50—60; Вар-Кохба в Палест., 138 г.: Моисей на Крите, 434 г.; Юлиан в Палест., 530; Сириец в царств. Льва Исавра, 721 г.; Серен в Испании, 724 г., другие во Франции, в Персии, в Аравии, в Моравии, в Месопотамии, в Австрии, в Индии, в Голландии и последний Саббатай в Турции в 1666 г.

тихрист не явился до сих пор даже и нам, сынам XX одряхлевшего в беззакониях века; не пришел и Спас наш судити живых и мертвых...

«Где обетования пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же»[1]...

Между тем тихое веяние Духа Святого уже предваряло смиренномудрие верных о том, что исполняются «времена и лета, ихже положи Отец в Своей власти...»

В Летописи повседневной монастырской жизни святой Оптинской Пустыни, не без воли Божией ставшей со смертью Льва Толстого известной всему миру, записано под 1848 годом следующее: «С наступлением 1848 года настали бедствия в Европе почти повсеместно. Во Франции 24 февраля — революция, ниспровержение законной власти, республика. От Франции разлился сей адский поток в смежные земли, кроме России. Везде мятежи, нестроения. В России: холера, засуха, пожары... 26 мая, в среду, в 12-м часу дня загорелся губернский город Орел. Сгорело 2800 домов; на воде барки сделались добычею пламени. В Ельце сгорело 1300 домов...»

В той же Летописи под тем же годом читаем:

«Июнь 24-е число. Четверток. Праздник в скиту дня Рождества Св. Иоанна Предтечи. Пополудни, в три часа, зашла страшная туча с молнией и громовыми ударами с юго-запада при 20° тепла. Она разразилась страшною бурею с проливным дождем и градом. От этой тучи во многих местах Козельского уезда[2] произошли разрушения, в особенности же в Оптиной Пустыни. В церквах Казанской и Больничной разломало на части железную крышу, сорвало кресты; на колокольне поколебало главу со шпилем и вырвало кровельный лист; на корпусах, трапезном и братском, что возле колокольни, и на казначейском повредило железные крыши; во многих других местах повредило черепичные крыши и изгороди, поломало множество садовых, плодовых деревьев. В скиту упавшею сосною повредило башню, что на конном дворе; а с юго-западной стороны тоже упавшею сосною разбило два каменных столба в скитской ограде. А в монастырском лесу поломано и вырвано с корнем до двух тысяч самых толстых сосен. Страшная буря. Никто не запомнит такой...»

По поводу этой бури Великим старцем Макарием[3] оптинским, учителем старца Амвросия, были сказаны следующия многозначительные слова:

— Это страшное знамение Божьего гнева на отступнический мир. В Европе бушуют политические страсти, а у нас — стихии. Началось с Европы, кончится нами.

Разбирая архив скита Оптинской Пустыни, я нашел в нем, между прочим, замечательное письмо игумена Черменецкого

---

[1] Петр III, 4.

[2] Калужской губернии, где расположена Оптина Пустынь.

[3] Скончался 7 сентября 1861 года и погребен в Оптиной Пустыни.

монастыря Антония (Бочкова), писанное в том же 1848 году Оптинским старцам:

«Благодарю о. Иоанна[1], что меня вспомнил и потрудился написать. Кажется, теперь и раскольникам, и православным следует подумывать не о своих личных делах, а о грядущем Божием гневе на всех, который может, яко сеть захватить всех живущих на земле. Революция во Франции не есть частное зло, а только воспламенение тех подкопов, которые подведены под всю землю, особливо Европейскую, яко хранительницу просвещения и духовного, и мирского. Теперь страшен уже не раскол, а общее европейское безбожие. Времена язычников едва ли не оканчиваются. Все европейские ученые теперь празднуют освобождение мысли человеческой от уз страха и покорности заповедям Божиим. Посмотрим, что сделает этот род XX века, сбрасывающий с себя оковы властей и начальств, приличий и обычаев. Посмотрим, каков будет этот новый Адам в 48 лет, который теперь возрождается из Европейской благородной земли, какова будет эта зловещая птица, высиженная из гнезда парижского? Это яйцо уже давно положено: оно еще в 1790 годах согревалось, и вылупившийся Наполеон, хотя и обжег себе крылья на пожаре Московском, и как будто мы вместе с ним простились с войной и с общими потрясениями, но, видно, это был только один болтун, а настоящий высидок явится в наше преблагополучное время, во дни мира и утверждения. Если восторжествует свободная Европа и сломит последний оплот — Россию, то чего нам ожидать, судите сами. Я не смею угадывать, но только прошу всемилосердного Бога, да не узрит душа моя грядущего царства тьмы»[2].

Тогда еще не было дано восторжествовать свободной Европе над Россией: Самодержавие было в крепких руках Императора Николая I; на страже Православия стояли два Филарета — «святой и мудрый» — и сонм иерархов, как звезды на тверди небесной. «Держай» Апостола Павла (2. Фес. 11, 7) не был еще взят от среды.

Подозревая это, Великий оптинский старец Макарий говорил игумении Белевского женского монастыря Павлине, испуганной проявлением в тех же годах отступления от Христовой веры руководителей русского народа:

---

[1] Иеросхимонах Иоанн, из бывших раскольников, впоследствии подвижник-апологет Православия и обличитель раскола. Скончался в скиту Оптиной Пустыни 4 сентября 1849 года.

[2] Игумен Антоний (Бочков) происходил из именитого петербургского купеческого рода. Отец его был Петербургским городским головой. Игумен Антоний получил утонченно-европейское образование и посвятил себя и его на служение Богу. На склоне лет, во время одной из Московских эпидемий он испросил себе разрешение ухаживать за больными в чернорабочей больнице, там заразился сыпным тифом и скончался, положив душу за други своя.

— Ни ты, ни дети твои, ни внуки до времен антихристовых не доживут, а правнуки твои пришествие Господа во славе узрят.

Игумения Павлина скончалась в конце 70-х годов прошлого столетия лет 68 от роду... Не годятся ли ей в правнуки деятели и вершители судеб современной России?..

Глава VII

Письмо бывшего обер-прокурора Св. Синода, гр. Александра Петровича Толстого в Оптину Пустынь об одном замечательном сновидении. Толкование его старцем Амвросием оптинским.

В 1866 году бывший обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой писал в Оптину Пустынь: «Один благочестивый священник Тверской епархии видел во сне обширную пещеру, слабо освещенную одною лампадою. В пещере много духовенства. За лампадой образ Божией Матери. Перед образом стояли в облачениях: архипастырь Московский Филарет (находившийся в живых) и покойных протоиерей г. Ржева, отец Матвей Константиновский, родитель означенного священника, в жизни своей отличавшийся особым благочестием. Все стоят в безмолвии и страхе. У входа в пещеру — сам священник и одно мирское лицо, духовный сын о. протоиерея; оба они дрожат, а войти не смеют. Среди безмолвных молений слышатся ясно следующие слова: «Мы переживаем страшное время — доживем седьмое лето». С этими словами — пробуждение в большом волнении и страхе. Сон повторяется до трех раз все тот же, без малейшего изменения, явный и страшный. Ни священник, видевший это, ни духовный сын отца Матвея — оба решительно ничего не понимают — ни что значит сон этот, ни кем он послан...»

В Оптиной Пустыни тогда старчествовал преемник о. Макария, Великий старец Амвросий, святая жизнь которого, мудрость и прозорливость известны Православной России едва ли не в той же степени, в какой прославлен был Богом в среде верных великий молитвенник и чудотворец земли Русской, отец Иоанн Кронштадтский. Старец отец Амвросий на письмо графа Толстого дал такой ответ:

«...Чтобы не оставить вас без ответа, скажем несколько, как думаем об этом, основываясь на свидетельстве Божественных и Св. отеческих писаний.

Были примеры, что некоторые доверялись всяким снам, впадали в обольщение вражие и повреждались. Поэтому многие из святых возбраняют доверять снам. Св. Иоанн Лествичник в 3-й степени говорит: «Верующий сновидениям во всем неискусен есть, а никакому сну не верующий любомудрым почесться может». Впрочем, сей же святой делает различие снов и говорит, каким верить можно, а каким верить не долж-

но. «Бесы, пишет он, нередко в ангела светла и в лицо мучеников преобразуются и показуют нам в сновидении, будто они к нам приходят; а когда пробуждаемся, то исполняют нас радостию и возношением; и сие да будет тебе знамением прелести. Ибо Ангелы показуют нам во сне муки и суд, и осуждение, а пробуждающихся исполняют страха и сетования. Когда мы во сне верить бесам станем, то уже и бдящим нам ругатися будут. Тем только верь снам, кои о муке и о суде тебе предвозвещают; а если в отчаяние приводят, то знай, что и оныя от бесов суть».

А ближайший ученик Симеона Нового Богослова, смиренный Никита Стифат, еще яснее и определеннее пишет о сновидениях. Он во в 2-й сотнице, в главах 60-й, 61-й, 62-й и 63-й говорит: «Одни из сновидений суть простые сны, другия — зрения, иные — откровения. Признак простых снов такой, что они не пребывают в мечтательности ума неизменными, но имеют мечтание смущенное и часто изменяющееся из одного предмета в другой; от таковых мечтаний не бывает никакой пользы, а самое то мечтание по возбуждении от сна погибает, почему тщательные и должны это презирать.

Признак зрений таков, что они, во-первых, бывают неизменны и не преобразуются от одного в другое, но остаются напечатленными в уме в продолжение многих лет и не забываются. Во-вторых, они показывают событие или исход вещей будущих и от умиления и страшных видений бывают виновны душевной пользы, и зрящего, по причине страшного неизменного видения зримых, приводят в трепет и сетование; и потому видения таких зрений за великую вещь должно вменять тщательным.

Простые сны бывают людям обыкновенным, подверженным чревоугодию и другим страстям; по причине мрачности ума их, воображаются и наигрываются им разныя сновидения от бесов. Зрения бывают людям тщательным и очищающим свои душевныя чувства; люди эти чрез зримое в сновидении благодетельствуемы бывают к постижению вещей Божественных и к большему духовному восхождению. Откровения бывают людям совершенным и действуемым от Божественного Духа; такие люди долгим и крайним воздержанием, и подвигами, и трудами по Бозе достигли степени пророков Церкви Божией, как говорит Господь, через Моисея: «Аще будет пророк в вас, во сне явлюся ему и в видении возглаголю к нему» (Числ. XII, 6). И через пророка Иоиля (11, 28): «И будет по сих: излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши, и дщери ваши, и старцы ваши сония узрят; и юноши ваши видения увидят (Добротолюбие, 7, 2). «На основании слов смиренного Никиты, означенное сонное видение можно отнести к числу зрений».

Обширная пещера, слабо освещенная одною лампадою, может означать настоящее положение нашей Церкви, в которой свет веры едва светится, а мрак неверия, дерзко-хульно-

го вольнодумства и нового язычества, превосходящего делами своими древнее язычество, всюду распространяется, всюду проникает[1]. Истину эту подтверждают слышанные слова: «Мы переживаем страшное время». Живой святитель и покойный протоиерей, в облачении молящиеся вместе перед иконою Божией Матери, дают разуметь, что и прочее виденное духовенство было двоякое: видно, достойные пастыри, живые и отошедшие ко Господу, взирая на бедственное состояние нашей Церкви, и те, и другие, умоляют Царицу Небесную, да распрострет Она всевышний покров Свой над бедствующею Церковью нашею и да защитит, и да сохранит слабых, но имеющих благое произволение ко спасению. Оба стоящие у входа в пещеру, которые дрожали от страха и войти не смели, может быть, означают людей, с живым участием, со скорбию и даже со страхом взирающих на печальные события настоящего времени в отношении веры и нравственности, но не прибегающих к Царице Небесной и не молящихся Ей о покрове и помощи, подобно молившимся в пещере.

Слова «мы доживаем седьмое лето» могут означать время последнее, близкое ко времени антихриста, когда верные чада Единой Святой Церкви должны будут укрываться в пещерах, и только всесильные молитвы Божией Матери могут тогда укрыть их от преследований слуг антихриста. Настоящему времени особенно приличны слова апостольские: «Дети, последняя година есть, и якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша: от сего разумеваем, яко последний час есть» (2 Иоан. 11, 18). В настоящее время некоторые уже добровольно принимают печать антихриста на челе и на десной руке, потому что, ради светских приличий и мирских выгод, стыдятся ограждать себя крестным знамением; и сперва поступают так в обществе ради стыда и ради человекоугодия, а потом от обычая не полагают на себя крестного знамения и дома перед вкушением пищи и пития и в других случаях, чем сотворяют радость велию врагам душевным, для которых они, будучи неограждены силою Креста и молитвы, делаются игралищем и посмешищем.

СЕДЬМОЕ ЧИСЛО в церковной численности великое имеет значение. Срок времени числится седмодневными неделями. Православная Церковь содержится и руководствуется правилами седми Вселенских Соборов. Седм Таинств и седм дарований Святого Духа в нашей Церкви. Откровение Божие явлено было седми Асийским Церквам. Книга судеб Божиих, виденная в Откровении св. Апостолом Иоанном Богословом, запечатана седмью печатями. Седм фиал гне-

---

[1] Заметь, читатель, что обличительные слова эти сказаны великим старцем в 1866 году; дивись долготерпению Божию, но бойся им злоупотреблять, ибо Бог поругаем не бывает.

ва Божия, изливаемых на нечестивых, и проч... Все это седмеричное исчисление относится к настоящему веку, и с окончанием оного, должно окончиться. Век же будущий в Церкви означается ОСЬМЫМ ЧИСЛОМ. Шестой псалом в Псалтири имеет надписание такое: «Псалом Давида в конец песнех, о осьмом»,— по толкованию, «о осьмом дне», т. е. о дне всеобщего воскресения и грядущего страшного суда Божия, боясь которого, пророк молит во умилении сердца Бога о оставлении грехов: «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене», и проч. Неделя Антипасхи, или Св. Фомы, в цветной триоди называется неделею о осьмом, т. е. вечном и нескончаемом дне, который уже не будет прерываться темнотою ночей. «Нощи не будет тамо» («тамо» — в небесном Иерусалиме) говорится в Откровении (XXIII, 5).

«Блажен, кто сподобится наслаждаться блаженством блаженнаго и нескончаемаго дня сего, еже буди всем нам получити благостию и милосердием, и человеколюбием Единороднаго Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, Ему же подобает слава и держава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцем и Пресвятым, Благим и Животворяшим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Глава VIII

Еще знаменательное сновидение и письмо о нем в Оптину Пустынь гр. А. П. Толстого. Толкование сновидения старцем Амвросием оптинским

За десять лет до злодейского умерщвления Царя-освободителя Александра II, 7 июля 1871 года в Оптиной Пустыни от того же графа А. П. Толстого[1] было получено письмо с описанием такого сновидения:

«Как будто нахожусь в своем доме и стою в прихожей; далее — комната, в которой на простенке между окон находится икона в большом размере Бога Саваофа, издающая ослепительный свет, так что из другой комнаты, т. е. прихожей, нельзя было смотреть на нее. Затем еще далее комната, в которой находятся протоиерей Матвей Александрович (Константиновский) и митрополит (уже покойный) Филарет; и эта комната вся наполнена книгами : по стенам от потолка до пола книги; на длинных столах грудами книги... И мне непременно нужно пройти в эту комнату, но меня удерживает страх, как пройти через такой поражающий свет. Но необходимость принуждает преодолеть страх, и я с ужасом, закрыв лицо рукою, перехожу первую комнату и, войдя в следующую, вижу протоиерея Матвея Александровича в переднем углу. Он

---

[1] Гр. А. П. Толстой при жизни отличался редким благочестием и был в постоянном духовном общении со старцем Оптиной Пустыни.

читает книгу. А ближе к двери стоит митрополит, одетый в простую черную рясу; на голове скуфейка; в руках разогнутая книга; и головой показывает мне, чтобы и я нашел подобную книгу и развернул ее. В то же время митрополит, поворачивая листы своей книги, говорит:

— Рим. Троя. Египет. Россия. Библия.

Вижу, что и в моей книге крупными буквами написано: «Библия».

Тут сделался шум, и я проснулся в большом страхе. Много думал, что бы все это значило?.. Мне сон этот кажется грозным, и лучше бы ничего не видать. Нельзя ли опытных в духовной жизни спросить о значении этого сновидения? Самому мне внутренний голос объясняет сон, но объяснение такое ужасное, что не хотелось бы согласиться с ним».

ОБЪЯСНЕНИЕ СТАРЦЕМ АМВРОСИЕМ ЭТОГО СНОВИДЕНИЯ

«Кому показано было это замечательное сонное видение, и кто слышал тогда многозначительные слова, тому, по всей вероятности, и внушено было через Ангела Хранителя объяснение виденного и слышанного, как и сам он сознается, что ему внутренний голос объяснял значение сна. Впрочем, и мы, как вопрошенные, скажем свое мнение, как о сем думаем.

Видение ослепительного света от иконы Господа Саваофа и в следующей затем комнате виденное множество книг, и стоящие там с книгами покойные — митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович, и произнесенные одним из них слова — «Рим, Троя, Египет, Россия, Библия» — могут иметь такое значение:

Во-первых, все касающееся до сотворения мира, судьбы народов и спасения людей Господь Вседержитель открыл избранным святым мужам, пророкам и апостолам, просветив их светом Своего Божественного познания, а ими все это передано людям и написано в Библии, то есть, в книгах Ветхого и Нового Заветов.

Во-вторых, множество других виденных там книг может означать то, что все, сказанное в Библии прикровенно и неясно, объяснено другими избранными от Бога святыми мужами — пастырями и учителями Единой Соборной Апостольской Православной Церкви.

В-третьих, что митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович видены были с книгами в руках, может означать то, что они в продолжение своей жизни поучались о судьбах человечества не из простых книг человеческих, в которых нередко встречаются мнения неправильные, вводящие в заблуждение, а их книг библейских; и сказанное в Библии прикровенно и неясно толковали не по своему разумению, а как объяснено в книгах мужей Богодухновенных и просвещенных свыше светом Божественного познания: к сему они по-

буждали и видевшего, чтобы и он на все искал объяснения не в простых книгах человеческих, а в книгах святых и Богодуховенных Отцов Православной Церкви.

В-четвертых, что протоиерей Матвей Александрович стоял в переднем углу, который обычно признается молитвенным, может означать, что сказанным образом он не только поучался, но и молился о вразумлении свыше.

В-пятых, слова «Рим. Троя. Египет» могут иметь следующее значение: Рим во время Рождества Христова был столицею вселенной и с возникновением патриаршеств имел первенство чести, но за властолюбие и уклонение от истины впоследствии подвергся отвержению и уничижению. Древняя Троя и древний Египет замечательны тем, что за гордость и нечестие наказаны — первая разорением, а второй различными казнями и, наконец, потоплением Фараона с воинством в Черном море. В христианские же времена в странах, где находилась Троя, основаны были две христианские патриархии — Антиохийская и Константинопольская, которые долгое время процветали, украшая Православную Церковь благочестием и правыми догматами; но впоследствии, по недоведомым судьбам Божиим, подверглись владычеству варваров — магометан и доселе несут это тяжкое рабство, стесняющее свободу христианского благочестия и правоверия. А в Египте, вместо древнего нечестия, в первые времена христианства такое процветало благочестие, что пустыни его населялись десятками тысяч монашествующих, не говоря уже о численности и множестве благочестивых мирян, от которых они происходили. Но потом, по причине распущенности нравов, и в этой стране последовало такое оскудение в христианском благочестии, что в некоторое время в Александрии патриарх оставался только с одним пресвитером.

В-шестых, после трех знаменательных имен — «Рим, Троя, Египет» — помянуто имя и России, которая в настоящее время хотя и считается государством православным и самостоятельным, но уже элементы иноземного иноверия и неблагочестия проникли и внедриваются и у нас, угрожая тем же, чему подверглись вышесказанные страны. Затем следует Библия; другого государства не помянуто. Это может означать, что если и в России ради презрения заповедей Божиих и ради других причин оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в конце Библии, то есть в Апокалипсисе Св. Иоанна Богослова.

Справедливо видевший это сновидение замечает, что объяснение, которое ему внушает внутренний голос, ужасно. Страшно будет второе пришествие Христово и ужасен последний суд всего мира, но не без великих ужасов будет перед тем и владычество антихриста, как сказано в Апокалипсисе: «И в тыя дни взыщут человецы смерти и не обрящут

ея, и вожделеют умрети, и убежит от них смерть» (Апок. IX, 6). Придет же антихрист во ВРЕМЕНА БЕЗ НАЧАЛИЯ, как говорит Апостол, «дондеже держай от среды взят будет» (2. Фес. 11, 7), то есть КОГДА НЕ БУДЕТ ПРЕДЕРЖАЩЕЙ ВЛАСТИ».

Глава IX

Прозорливость святых. Пр. Серафим Саровский — о конце мира и об антихристе. Старец Глинской пустыни схи-архимандрит Илиодор и его видение «звезд...» «Бдите и молитеся». Слова о. Иоанна Кронштадского. Знаменательные слова старца Амвросия оптинского. сказанные им в 1882 или в 1883 году. Слова Митрополита Филарета Московского Архимандриту Антонию

Зреть судьбы Божии времен ненародившихся, говорить о будущем, как о настоящем, предуказывать грядущие события как гнева, так и милости Божией не может никто даже из гениальных людей; но для праведника, для Божьего угодника, облагодатствованного Духом Святым, завеса над будущим рукой Всеведущего приоткрывается в мерах, допускаемых Божественным Промыслом для пользы человеческой души и для целей вечного ее спасения во Христе Иисусе, Господе нашем. Тогда к духовным очам святого прозорливца безвидно приближается перспектива вечности, и отдаленнейшее грядущее зрится им, как настоящее.

Таким прозорливцем чина пророческого был Преподобный Серафим, Чудотворец Саровский.

Не обошел и он, угодник Божий, сказанием своим о тайне антихриста и кончины мира. Вот что было им сказано одной из близких ему по духу дивеевских первонасельниц монахинь[1]:

— Вот, матушка, когда у нас в Дивееве будет собор, тогда Московский колокол Иван Великий сам к нам придет[2]. Когда его повесят да в первый раз ударят в него и он загудит,— И батюшка изобразил это голосом,— тогда радость! Среди лета запоют Пасху...[3] А народу-то, народу-то со всех сторон, со всех сторон!..

---

[1] См. летопись Серафимо-Дивеевского монастыря.

[2] Последнее перед прославлением расследование о чудесах и св. мощах Преподобного было Высочайше возложено на Московского митрополита.

[3] «Пасху» — пасхальный канон пели паломники-богомольцы во все дни Саровских торжеств, хотя они происходили после праздника Вознесения Христова, когда по церковному уставу пасхальные песнопения уже не поются. Достойно замечания, что пение «Пасхи» происходило только при открытии св. мощей Пр. Серафима; ни при каких однородных торжествах, бывших после того в Православной Церкви, пения пасхального канона не отмечалось.

Помолчав немного, продолжал батюшка:

— Но эта радость будет на самое короткое время. Что далее-то, матушка, будет: такая скорбь, чего от начала мира не было[1]...

И светлое лицо батюшки вдруг изменилось, померкло и приняло скорбное выражение; опустя головку, он поник долу, и слезы струями потекли по щекам его.

Еще говорил Преподобный:

— Когда век-то кончится, сначала антихрист станет с храмов Божиих кресты снимать и все монастыри разорит; а к вашему (Дивееву) подойдет-подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба: ему к вам и нельзя взойти-то, нигде не допустит канавка. Так прочь и уйдет[2].

— Я убогий Серафим,— так еще сказывал Преподобный своим дивеевским «сиротам»,— мог бы обогатить вас, но это не полезно вам. Я мог бы и золу превратить в злато, но не хочу. У вас многое не умножится, а малое не умалится. В последнее время у вас будет изобилие во всем, но тогда уже будет и конец всему.

И еще так говорил Преподобный:

— И какая радость-то будет!.. Но мы не доживем, и я не доживу, как собор-то у нас пятиглавый будет. Только и ты, матушка, не узришь, как это совершится. Какая великая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя!.. Приедет к нам Царь и вся фамилия. Дивеево-то Лавра будет. Вертьяново — город, и Арзамас — губерния[3]...

После этих слов заплакал Преподобный и сказал:

— Но тогда жизнь будет краткая: ангелы едва будут успевать брать души. А кто в обители моей будет жить, всех не оставлю; кто даже помогать ей будет, и те муки избавлены будут. Канавка же вам будет стеною до небес, и когда придет антихрист, не возможет он перейти ее: она за вас возопиет ко Господу, и стеною до небес встанет, и не впустит его. А колокол-то Московский, который стоит на земле у колокольни Ивана Великого, он сам к вам придет и так загудит, что вы пробудитесь, и вся вселенная услышит и удивится.

---

[1] Срав. Евангелие Мрк. XIII гл. 19 ст.

[2] В Дивеевском женском монастыре, основанном Пр. Серафимом еще при жизни его и по его указанию, была сестрами обители выкопана глубокая канава, окружающая в монастыре то место, на котором, по заповеди Преподобного, должны подвизаться одни только девицы. Место это было, по видению Преподобного, обойдено «стопочками Самой Царицы Небесной», и где прошли пречистые Ее стопочки, там и выкопана канавка, которой не переступить поэтому и самому антихристу.

[3] Вертьяново — соседнее с Дивеевом село. Тем из православных, кто помнит Саровско-Дивеевские торжества, в июле 1903 года, вполне должно быть ясным исполнение предсказаний Преподобного: многолюдством и духовным значением Дивеево было истинно Лаврой, Вертьяново — городом, а Арзамас — губернией.

Таковы предсказания Преподобного Серафима о конце мира, о временах его и сроках, о судьбе Дивеева и об антихристе.

На юге России еще и в наши дни, такие скудные верою и благочестием, процветала недавно (дай ей, Боже, процветать и теперь!) духовно, окормляя своими старцами Христово словесное стадо, святая Глинская Пустынь. Подвигом добрым подвизались в ней великие сокровенные, но верным ведомые рабы Божии, старцы подвижники, и в хвалебном их числе, как солнце среди луны и звезд, сиял духовным разумом, добродетелью и прозорливостью духовидец, схи-архимандрит Илиодор, почивший о Господе 28 июня 1879 года.

Сказывал о нем один из ближайших его учеников, духовник Глинской Пустыни, иеромонах Домн[1], лично известный составителю настоящего очерка:

— Был у нас в Глинской Пустыни высокой жизни старец Илиодор, схи-архимандрит на покое, в числе учеников которого был и аз, грешник бедный. Незадолго до блаженной его кончины, за несколько лет до злодейского убиения Государя Александра Николаевича, собрались мы как-то раз ученики его к нему в келью. Было это вечером; в келье был полумрак; горели одне лампадки перед святыми иконами... Молча сидели мы при ногу учителеву, ожидая, когда сам старец нарушит молчание. И вот восклонил старец голову, перекрестился, вздохнул и сказал: «Видите вы меня, чадца скорбна... Читал я чадца, в дни сии Апокалипсис Св. Апостола и Тайнозрителя Иоанна Богослова. И возжелала душа моя увидеть, доколе же Господу угодно будет долготерпеть все умножающимся беззакониям мира. И был я, чадца, в духе; и се вижу: восходит от востока на небе звезда великая и пресветлая, и вокруг нее — звезды яркие и великие. Прошла эта звезда по небосклону и склонилась к своему западу. И был ко мне голос: «Се звезда Императора Благословенного!» И другую звезду, еше светлее, еще величавее, увидел я восходящей на восток, и вокруг нее звезды светлые. Прошла и эта звезда путь свой и тоже склонилась к своему западу. И тот же голос сказал мне: «Се звезда Императора Николая I». И посем взошла с востока звезда яркая, и был цвет ее, как цвет крови; вокруг же той звезды, в спутниках ее были звезды тоже цвета кровавого. И не дошла звезда та до своего запада. Устрашилось сердце мое. И голос возвестил мне: «Се звезда ныне царствующего Государя Александра Николаевича. Насилием сокращены будут дни его: убит будет Царь рукой освобожденного им раба среди бела дня, на стогнах верноподданной ему столицы». И опять увидел я звезду восходящую с востока, и была та звезда ярче и величественнее всех прежде виденных мною звезд. Но и этой звезды дни сокращены будут. «Се звезда Им-

[1] Скончался, как слышно, в 1908 году.

ператора Александра III»,— сказал мне голос... И после узрел я иную звезду...

И не кончил старец речи своей, прервал ее и заплакал. Потом, по малом времени, восклонил старец свою главу и такое молвил великое и страшное слово: «Бдите и молитеся, чадца! Нецыи, от зде стоящих, живыми предстанут на суд!»[1]

Напоминать ли нам еще не отзвучавшие в сердцах многих слушателей грозные слова великого молитвенника земли Русской, отца Иоанна Кронштадтского?.. Вот они:

«...Повидимому, скоро наступит день второго пришествия Христова, ибо наступило предсказание в Писании отступление от веры, хотя еще не открылся «человек греха, сын погибели» (Слово на 3-ю неделю Великого Поста 5 марта 1907 г.)

«...Снова ли приходить на землю Христу? Нет,— полно глумиться над Богом, полно попирать Его святые законы! Он скоро придет, но придет судить мир и воздать каждому по делам... Может быть, скоро услышим грозную весть: «Се Жених грядет в полунощи». (Слово на Благовещение того же года.)

Пишущему эти строки батюшка отец Иоанн лично говорил при последнем свидании 14 июля 1906 года в Николо-Бабаевском монастыре:

— Если не будет покаяния у русских людей,— конец мира близок!

Для верных чад Святой Православной Церкви довольно будет и тех свидетельств из уст праведников, которые мною были приведены выше, чтобы убедить их в том, насколько опасно и страшно время, которое мы переживаем, в каком покаянии и трезвении должны мы все проводить теперь дни свои, чтобы иметь чресла своя перепоясана и светильники горящи. Только их и имеет в виду этот малый, но с великою любовью составленный труд мой. О, если бы он мог уловить в церковное лоно и тех из стоящих вне церковной ограды, в ком еще не совсем погас святой огонь искания чистой истины!..

Но прежде чем отойти от святыни богодухновенных речей великих подвижников Православной веры, я приведу здесь слышанное мною в святой Пустыни от одного из сотаинников Великаго оптинского старца Амвросия такое сказание:

— Что-то около 1882 или 1883 года[2] — точно года не упомню,— так сказывал мне этот батюшкин совре-

---

[1] В 2-м издании: «возжелают смерти, и смерть убежит от них». Исправлено согласно указанию некоторых глинских подвижников, доселе здравствующих.

[2] По преданию, содержимому от Св. Отцов Православною Церковью, антихристу надлежит явиться в мир в возрасте «лет тридцати», подобно Господу, в этом же возрасте исшедшему на проповедь (Лук. III, 23.). Выражение «лет тридцати» может соответствовать возрасту от 30 до 35 лет.

менник[1],— был я у старца с ответными письмами для отправки их многочисленным духовным его детям и почитателям. Вдруг старец взглянул на меня. «Ныне,— говорит отец А.,— настоящий антихрист народился в мир!» — И, увидев мое недоумение и испуг, старец вновь повторил мне ту же фразу.

О смысле и значении фразы этой суди сам, боголюбивый читатель!.. Таков голос о переживаемых нами временах и сроках православных пастырей и учителей деятельного подвижнического христианства. Мы не ошибемся, кажется нам, если скажем, что голос этот исшел от всего того, что может быть наименовано истинною солью Православной Христовой Церкви, той солью, которая еще «не обуяла» и не выкинута вон «на попрание людям». Не грозный ли это набат во все церковные колокола, зовущий к покаянию, бьющий страшную тревогу в виду надвинувшейся уже на Россию и на весь мир величайшей скорби, какой не бывало от века, и не будет?..

Чтобы положить печать конечной истинности на свидетельство праведных прозорливцев, которое приведено нами выше, мы дополним его словами величайшего церковного авторитета Русской Церкви, Митрополита Московского Филарета.

«1867 года 1 октября,— так сказывал Архимандрит Антоний, Наместник Троице-Сергиевой Лавры,— за полтора месяца до кончины великого Московского Святителя Филарета, был я у него с докладом...

— Видно, я скоро умру,— сказал мне Святитель,— в уме моем чувствую просвещение... Боюсь самообольщения. Вижу я страшную тучу, идущую от Запада на Церковь и на Россию; но чем она разрешится, не вижу...»[2]

В конце 70-х годов прошлого столетия, десять лет спустя по кончине Святителя, «разрешение» тучи дано было видеть старцам — Амвросию Оптинскому, Илиодору Глинскому и Иоанну Кронштадтскому. У нас имеются свидетельства, что зрение это было дано и многим другим праведникам; но, по слову Божию, довлеет нам этих трех современных нам свидетелей чтобы подтвердилось и слово наше на пользу и укрепление веры возлюбленных братий наших по вере Христовой.

Глава X

В. С. Соловьев о кончине мира и об антихристе.— В. Л. Величко о В. С. Соловьеве

Теперь, как видели мы, голос Православия — истинный глагол Божий — стал голосом и Западных Церквей. Особняком,

[1] Он жив и доселе, но я не уполномочен назвать его имя.

[2] Архимандрит Антоний был духовником Митрополита Филарета и личным другом и сотаинником. Слова эти извлечены из записок игумении Евгении Озеровой (Московского Страстного монастыря).

как лишенная таинств Апостольской Церкви, еще держится Лютерова ересь, но и в ней вопрос об антихристе становится, по-видимому, в разряд вопросов, наиболее жгучих и современных.

Ожидание близкого явления антихриста и кончины мира от предстоятелей Христовой Церкви перешло в умы и сердца наиболее чутких представителей мирской философской мысли, не порвавшей связи с Церковью, Глава коей Христос, без Которого «не может человек творити нечесоже»[1]. Таким чутким представителем философского умозрения, сохранившим связь с христианством, бесспорно, можно считать покойного Владимира Сергеевича Соловьева, имя которого, как философа, известно не в одной только России, но и во всем образованном мире. В высокой степени знаменательно, что завершительный момент его творческой деятельности вознес его до высот эсхатологического[2] прозрения, чрезвычайно ярко выразившегося в его предсмертном творении «Три разговора». Главный предмет, о котором трактует это творение — всемирно объединяющая власть антихриста, выросшая на столкновении и смешении исторических добра и зла, царящих над массой человечества. Какое значение придавал почивший мыслитель этому своему творению, видно из заключительных слов предисловия к нему: «Разнообразные недостатки,— так пишет он в заключении своего труда,— и в этом исправленном изложении достаточно мне чувствительны, но ощутителен и не так уже далекий образ бледной смерти, тихо советующий не откладывать печатания этой книжки на неопределенные и необеспеченные сроки. Если мне будет дано время для новых трудов, то и для усовершенствования прежних. А нет — указание на предстоящий исторический исход нравственной борьбы[3] сделано мною в достаточно ясных, хотя и кратких чертах, и я выпускаю теперь этот малый труд с благодарным чувством исполненного нравственного долга».

До какой степени почивший философ, при всей его громадной учености и дивной ясности из ряда выходящего ума, был объят идеей и предчувствием близости царства антихриста, это с редкой силой и живостью изображено другом его, Василием Львовичем Величко[4], в его монографии «Владимир Соловьев. Жизнь и творения».

Вот что пишет он:

«Приблизительно за месяц до смерти, во второй половине июня 1900 года, сидя вечером у меня, Соловьев вдруг отвел

---

[1] Иоанн. XV гл., 5 ст.

[2] Эсхатологией называется богословское учение о кончине мира.

[3] Добра и зла, явление антихриста и конец мира.

[4] Пережившим Соловьева не более как года на два или на три. Достойно внимания, что и Соловьев, и Величко умерли в молодых еще годах и полном расцвете физических и духовных сил. Таинственная и загадочная была смерть эта.

меня в сторону и высказал, что в последнее время он охвачен напряженным религиозным настроением, что ему хотелось бы при этом помолиться не в одиночестве, а присутствовать с другими людьми на Богослужении. Я ему ответил, конечно, что надо радоваться этому приливу высокого чувства и пойти в церковь. Ответ его мне показался странным в ту минуту.

— Боюсь, что я вынес бы из здешней церкви некоторую нежелательную неудовлетворенность. Мне было бы даже странно видеть беспрепятственный, торжественный чин Богослужения. Я чую близость времен, когда христиане будут опять собираться на молитву в катакомбах, потому что вера будет гонима,— быть может, менее резким способом, чем в нероновские дни[1], но более тонким и жестоким: ложью, насмешкой, подделками,— да и мало еще чем... Разве ты не видишь, к т о надвигается? Я вижу, давно вижу...

Голос у него дрожал, в глазах была видна глубокая скорбь; исхудалое лицо и руки в черных перчатках — он тогда еще не совсем вылечился от нервной экземы — все это производило тяжелое впечатление. Я тогда приписал болезни его последние слова. Потом я вспомнил, что слышал их далеко не в первый раз, и слышал в такие минуты, когда не могло быть и речи ни о малейшем нездоровье, ни о каком бы то ни было нервном подъеме.

Еще лет восемь тому назад[2] он говорил о предстоящем пришествии антихриста — сперва коллективного, а затем воплощенного в отдельном лице,— с тем же научным спокойствием, с каким геолог говорил бы о смене формаций, или метеоролог о неизбежных климатических переменах. Об этом он не только говорил, но и писал, причем сперва у него проскальзывали указания на факты, которых он открыто еще не называл антихристовыми; затем он употреблял это слово как нарицательное, для группы характерных явлений и, наконец, написал в известных «Трех разговорах» прямо уже «Повесть об антихристе». Любопытно, что он однажды, прочитав приятелю в рукописи эту повесть, спросил его внезапно:

— А как вы думаете, что будет мне за это?

— От кого?

— Да от заинтересованного лица. О т с а м о г о!

— Ну, это еще не так скоро.

— Скорее, чем вы думаете.

Приятель Соловьева, рассказавший мне это, и сам тоже немножко мистик, подобно всем верующим людям, добавил потом не без волнения:

---

[1] В этом Соловьев ошибался: стоит только припомнить, что в Барселоне (в Испании) творили ученики и слуги масона Ферреро, когда им удалось устроить в 1909 г. забастовку и бунт в этой несчастной провинции. Не меньшими злодействами против исповедников Христовой веры отличалась и так называемая Португальская революция 1910 года.

[2] В 1893—1894 годах.

— А заметьте, однако: через несколько месяцев после этого вопроса нашего Владимира Сергеевича не стало: точно кто вышиб этого крестоносца из седла.

Для характеристики почившего писателя,— продолжает В. Л. Величко,— вопрос о конце мира представляет особый интерес. Уже несколько лет тому назад он высказал мне глубокое убеждение в том, что последние времена близки. Главным признаком этого он считал современный фазис философской мысли, которой будто бы мудрено сказать что-либо действительно новое. В остальном,— в головокружительном техническом прогрессе, наряду с успехами анархии и буржуазным очерствением человечества,— он усматривал признаки, предсказанные Апокалипсисом.

Ему возражали, что Евангелие еще не принято всеми народами, а потому человечество, очевидно, не созрело до конца времен. Он отвечал, что условием этого последнего согласно Писанию будет не принятие, а лишь проповедание Евангелия всем народам,— а это, мол, уже почти завершено, так как нет неизведанных уголков земного шара, где бы не побывали миссионеры... От одного известного геолога и почвоведа я слышал однажды и передал Владимиру Соловьеву возражение, что, с точки зрения геологической, земля, мол, не готова для предсказанной Писанием катастрофы. Почивший мыслитель расхохотался:

— Мы — не рабы, а господа земли. Что годится для эволюциониста, то мне кажется пустяками. Представь себе, что четверо почтенных людей играют в винт, а в это время начинается пожар в квартире; неужели они скажут: не время, рано еще, мы не кончили последней партии?.. Для решения вопроса о кончине мира степень «зрелости» земной коры имеет не большее значение, чем партия винта.

Владимир Сергеевич признавал мечты о всеобщем прогрессе и т. д. не бесполезными с точки зрения подъема человеческой энергии, но сам-то считал это вздором, противоречащим христианскому учению, которое находит, что мир «лежит во зле»...

Мысль о близости всеобщего конца с каждым годом все более охватывала почившего мыслителя, высказывал он ее все более резко и нервно».

«Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хотя неуловимым дуновением,— как путник, приближающийся к морю, чувствует морской воздух прежде, чем увидит море»,— так писал Соловьев в одном из писем своих к Величко еще за несколько лет до появления в печати его «Трех разговоров», вызвавших столбняк недоумения у большинства читающей публики, не знавшего да и теперь — увы — не знающего, какой огромный пролом в стене, скрывавшей великого беззакония тайну, сделала небольшая по объему статья эта.

Глава XI

Подготовка царства антихриста и кандидатов в лжемессии. Кришнамурти и Иисус-Матерейя

Насколько усиленно идет в миру подготовка царства антихристу, можно, между прочим, видеть на современной деятельности одного из крупных разветвлений широковетвистого масоно-еврейского дерева «Теософского Общества», ныне совершенно открыто рекламирующего своих кандидатов в «боги» и «цари» для отступнического мира.

С 1 января 1911 года теософами в лице председательницы их общества, разведенной жены методистского пастора и «подруги жизни» ныне умершего Ирландского революционера Брэдлоу, мистрисс Анны Безант учрежден «Орден Звезды Востока»[1]. В члены этого ордена могут поступать все принимающие идею близкого втораго пришествия мессии в физическом теле для тысячелетнего царствования на земле. Председателем этого ордена объявлен некий юноша-индус Кришнамурти (псевдоним — Альцион). Юноше этому в 1916 году исполнился 21 год. Это — «христос» от теософии, т. е. великий учитель, подобный Кришне или Будде, который поможет человечеству (Crand Instructeur spirituel, qui viendra aider J'humanite).

Если верить газетным сообщениям, то у теософов в Индии, где находится неподалеку от Мадраса их главная штаб-квартира, существует школа особого оккультного воспитания. Такая же школа будто бы имеется и в Лондоне. В школах этих подготовляются с раннего возраста кандидаты в «саньяси», т. е. пророки и учители вселенной. Описание Мадрасской школы дано «Биржевыми Ведомостями» следующее:

«Школа эта на местном наречии называется «Дандарат» и представляет собою длинное здание, с окнами, выходящими во внутренний двор. Все здание школы окружено высокой оградой и густым парком.

Глубокая тишина, царящая здесь, нарушается лишь скрипом гравия под неторопливыми шагами учителей. В маленьких комнатках помещаются воспитанники. Это дети обоего пола, начиная с восьмилетнего возраста, привозимые сюда, в Мадрас, со всех концов мира. Тут же взрослые девушки и юноши. Они составляют одну семью, но в их негромких и редких словах, в их глазах незаметно ни любви, ни привязанности, ни радости при встрече, ни горя при разлуке.

Эти чувства с первых же дней пребывания в школе исключаются всеми мерами воспитателями и учителями. Эти последние — отчасти брамиды, отчасти оккультисты новых формаций и гипнотизеры.

Первым этапом обучения является привычка к воздержа-

[1] Знак этого ордена — магическая пентаграмма, пятиконечная звезда (о ней будет сказано ниже).

нию и равнодушие к холоду, голоду и неудобствам разного рода.

В этом отношении достигаются изумительные результаты при помощи гипноза. Воспитатели внушают детям, что те очень сыты, и что атмосфера накалена. Под гипнозом они держат детей до 14—15-летнего возраста, приучая их за этот период времени к бесстрашию и ясновидению.

Первое достигается тем, что воспитанников заставляют идти по темным подземельям, полным то могильной темноты, то стонов, диких завываний и ужасного грохота. В узких проходах они обрываются и падают куда-то в бездну, на них опускается и прижимает к земле тяжелый свод; они идут среди раскаленных стен, с прорывающимся сквозь щели пламенем. Ночью к ним являются привидения, страшные призраки и дикие разъяренные звери.

Когда нервная система подростков расшатана и болезненно напряжена, им дают различные напитки и применяют втирание летучих мазей, от которых происходит возбуждение и сильная тревога.

Все чувства обостряются, нервы напрягаются до последней степени. Шепот кажется громом, мерцающая масляная лампа ослепляет, как солнце. Внимание становится таким совершенным, что всякое движение присутствующего, изменение выражения его лица, мельчайшие обстоятельства события не ускользают от воспитанников, и они могут повторить все с необычайной точностью. Повторение и упражнение усиливают и изощряют эту впечатлительность и часто достаточно лишь одной обстановки, чтобы будущий медиум воспроизводил целые сцены и слова, возникающие в его мозгу, как отзвуки бывших ранее сеансов.

Часто органы чувств до такой степени становятся восприимчивыми, что воспитанники видят излучения, идущие из головы упорно думающего человека, слышат рефлекторные движения звуковых органов, бессознательно фиксирующих звуками процесс мышления. Не трудно при таких обстоятельствах понять сущность ясновидения, как результат упорных упражнений, но, кроме того, возможны и злоупотребления: едва различимые движения голосовых связок будут услышаны таким слухом воспитанника, который не замедлит воспользоваться «подсказом».

Ученики школы ведут замкнутый образ жизни, мало двигаются и углубляются в одно какое-нибудь дело, какое их увлекает. Это необходимо для того, чтобы внимание воспитанников ничем не рассеивалось.

Последними упражнениями в школе оккультистов считается «приятие духа».

Этот мрачный обряд состоит в том, что воспитанник последних ступеней обучения присутствует при кончине людей, держит их за руки в то время, когда они умирают, а когда насту-

пит момент последнего издыхания, он целует их в губы и принимает в себя их последний вздох.

Обстановка и образ жизни в мадрасской школе вырабатывают истериков, каталептиков, припадочных разного вида и просто психически больных людей. Особо талантливые, т. е. особо нервные, из оканчивающих эту школу остаются в ней в качестве воспитателей, среди которых немало удивительных людей. Одни из них вырабатывают в себе сильные электрические заряды, зажигающие лампочку накаливания, дающие крупные искры и даже окружающие светящимся ореолом их тела. Другие распространяют аромат цветов и видят в темноте; третьи слышат ход самых маленьких насекомых по стене дома. Такие явления кажутся маловероятными, но, если обратиться к физиологии и патологии, такие факты наукой не только зарегистрированы, но даже и воспроизводятся экспериментально. Есть оккультисты, безошибочно читающие мысли на лицах встречающихся людей и быстро анализирующие и синтезирующие их слова, движения и внешние признаки, безошибочно рассказывая им о ближайших событиях их жизни.

Школа в Мадрасе содержится тайно, так как существуют предположения, что многие из воспитанников похищены европейскими и американскими оккультистами для увеличения числа адептов и жрецов «таинственной науки».

Вот из такой-то «школы», по всей вероятности, и вышел Кришнамурти, один из кандидатов в «христы» от теософского общества.

Какая создается реклама этому кандидату[1], видно из нижеследующаго сообщения одного из главарей теософского движения, Лидбитера, сделанного им в лейб-органе «Ордена Звезды Востока» — «Bulletin de P'Ordre de L'Etoile d'Orient»,— в номере от января 1913 года. Вот что сообщает Лидбитер:

«В конце 1911 года в г. Бенаресе состоялся ежегодный конвент членов «Ордена Звезды Востока» в присутствии Кришнамурти.

Во время этого конвента, состоялось много вступлений в члены «Ордена Звезды Востока». Один из этих новых членов высказал мысль, что все были бы счастливы получить свои дипломы на звание члена ордена из рук самого главы ордена (т. е. Кришнамурти). Мысль эта была принята восторженно. Прежние члены ордена вернули свои дипломы для того, чтобы также получить их снова из рук своего главы. В конце концов решено было, что все соберутся 28 декабря в помещении индусской секции...

Когда в назначенный день все собрались, решено было, чтобы глава ордена (Кришнамурти) «остался стоять перед нами вместе с г. Таланом (национальный представитель от Индии).

---

[1] Теперь, впрочем, теософы уверяют, что он только предшественник того «учителя», который грядет за ним.

Члены ордена должны были дефилировать перед ними, передавая свои дипломы г. Талану, а этот, прочтя имя, отдавал их Альциону (т. е. Кришнамурти), который и возвращал их собственникам.

Таким образом, как видите, программа торжества была очень простая, но «человек предполагает, а Бог располагает».

Сначала все совершалось в полном порядке — два или три первых члена уже получили свои дипломы, поклонились, улыбаясь, и вернулись на свои места, как вдруг помещение, где все это происходило, утверждает г. Лидбитер, наполнилось какою-то необычайною силою. Сила эта передалась, очевидно, через Альциона, так как подходивший к нему член ордена упал к его ногам, пораженный его чудодейственным могуществом. Я никогда не видал и не испытал ничего подобного, пишет Лидбитер. Напряжение было чрезвычайное и каждый из присутствующих, видимо, находился под этим воздействием.

Непреодолимо думалось о порывистом ветре сошествия Святого Духа в день Пятидесятницы.

С этого момента каждый из присутствующих в свою очередь падал ниц, обливаясь даже слезами. Зрелище было поразительное... Получаемая «благодать» была так очевидна, что все собрание стремилось быть в ней участником. Те, у кого не было дипломов, снимали с себя свои знаки отличия, чтобы получить их из рук Кришнамурти.

Он же, все стоя, тихо улыбаясь, с присущим ему спокойствием и простотою простирал свои руки в знак благословения над каждым распростертым перед ним»...

Такова статья г. Лидбитера, рекламирующая нового мессию.

До чего горячо ведется эта реклама Кришнамурти за границей, мы можем судить по тому, что она стремится распространяться даже на детей. Так, в одном парижском теософском журнале, предназначенном, собственно, для детей, а именно в «Le petit Theosophe» в № 18 от 7 июня 1913 г. помещена, напр., такая статья о Кришнамурти, которого видели на большом собрании в Генуе, бывшем в 1913 г., статья, в коей имеются следующие строки, обращенные к детям (см. с. 11 и 12 журнала):

«Милые друзья мои!

Я хотел бы иметь возможность перенести на вас эти лучи как бы от солнца — лучи от улыбки Альциона (Кришнамурти), передать вам всю его красоту и главное его любовь, которая в нем светится, и передать тот необыкновенный душевный мир, который ощущаешь в его присутствии».

Засим тот же корреспондент сообщает, что на этом собрании Кришнамурти раздавал всем цветы, и цветы эти с благоговением принимались его многочисленными поклонниками[1].

---

[1] Ладыженский М. В. Темная сила. С. 292—294.

Воистину, наше время является свидетелем того, о чем сказано в Откровении: «Горе живущим на земле и на море! потому что к вам сошел диавол в великой ярости, зная, что немного ему остается времени» (Ап. XII гл., 12 ст.).

В том же теософском обществе существует отделение его, именуемое «Белой Ложей». Надо полагать, что ложа эта состоит из членов, удостоившихся чести особого посвящения в тайны теософии, ибо в ней посвященным показывается ныне якобы в эфирном теле некто, именуемый «Учитель учителей», Иисус-Матерейя. Его видит председательница теософского общества, Анни Безант, видят, вероятно, и другие члены ложи. Непосвященным портрет этого «Учителя» выдается за идеальную голову мужественной красоты.

В брошюре Кудрявцева «Что такое теософия» приводится помещаемый здесь портрет этого «Учителя».

Такова работа «врага рода человеческого» в мире великого отступления, когда-то бывшем христианским.

Глава XII

Чаяния современного еврейства. «Он» или не «он»? «Жидовский Вифлеем». «Что непонятно детям»

Теперь попытаемся приоткрыть завесу, скрывающую за собою огромный и конспиративно-таинственный мир надежд и ожиданий современного нам еврейства.

Один весьма близкий мне по духу человек[1], некогда занимавший довольно высокий пост в провинциальном органе важного министерства, однажды, задолго до переживаемой катастрофической всемирной войны, явно приближающей мир к предопределенному ему концу, поведал мне следующее:

— Было это,— сказывал он мне,— в 1903 году. Я служил тогда в С. и вскоре по прибытии своем к месту служения близко сошелся, как со своим духовным отцом, с кафедральным протоиереем, человеком высокой духовной настроенности. В те годы мысли и ожидания конца мира еще мало тревожили покой христиан православных, и тем удивительнее показался мне в то время рассказ о. протоиерея о местном раввине, сообщившем ему нечто о тайнах еврейского кагала, чего ни о. протоиерей, ни я до того времени не только не слыхивали, но и не подозревали.

К о. протоиерею пришел раз по какому-то делу местный общественный раввин; зашел потом и без особого дела: завязалось нечто вроде знакомства — и стал после того раввин этот довольно часто заходить под разными предлогами на дом к протоиерею. Зайдет, поговорит о том о сем и всякий раз

[1] Ни имен, ни названия местности, ни где происходило здесь сообщаемое, я называть не буду.

сведет разговор на тему о христианских эсхатологических ожиданиях. Когда знакомство достаточно укрепилось, о. протоиерей обратился к раввину с вопросом, какую цель имеет он в виду, постоянно заводя собеседования с ним на тему, столь, казалось бы, чуждую еврейскому духу.

— Цель та,— ответил раввин,— что мне желательно проверить чаяния нашего кагала по вашим христианским ожиданиям. Я не хочу перед вами таиться, да и не к чему, и буду говорить с вами откровенно. Дело, видите ли, в том, что вашего Мессию Иисуса Христа народ наш не принял только потому, что старейшины наши и книжники уверили его, что сроки, указанные пророками Израиля для явления Мессии, еще не исполнились и потому Христос, как хулитель Бога и самозванец, должен быть казнен, что и было исполнено. Теперь сроки, указанные некогда Израилю его вождями, исполняются, и наш народ в волнении страстного ожидания «Утехи Израилевой». Волнение так велико, что нашему кагалу приходится держать перед народом нашим ответ, что называется «не с коротким», ибо вы знаете жестоковыйность Израиля. И, вот, пред кагалом встала теперь во весь рост нелегкая задача удержать в равновесии народные страсти, доколе не явится обетованный кагалом мессия. И он должен явиться тем или другим образом: или явится сам, как мессия, или его подготовить и явить в этой роли должен наш кагал и явить во что бы то ни стало, и притом в ближайшем будущем. Если этого не произойдет и мессии не дадут Израилю стражи его дома, народ наш выйдет из повиновения и тогда — конец народу еврейскому. Есть еще выход из положения — это признать Христа Мессией истинным и сознаться в своей роковой ошибке, но на это, конечно, кагал ни за что и никогда не пойдет. Понимаете ли трагизм положения и народа нашего, и его руководителей? Вот та причина, почему я допытывался от вас узнать, как пастыря стада Христова, каковы ваши христианские чаяния и совпадают ли они по времени с нашими ожиданиями и с вычислениями наших книжников и их толкованиями ветхозаветных пророчеств».

В сентябре 1914 года из источника весьма близкого по духовно-просветительной деятельности к Холмскому, ныне Волынскому, архиепископу Евлогию, принимавшему столь близкое участие в судьбе гонимых Прикарпатских славян, мне довелось получить следующую справку:

«В Австрийской Буковине, в 3—4 верстах от г. Черновиц в местечке Сада-гора, живет некий великий раввин-чудотворец. Это звание перешло к нему наследственно. В настоящее время он еще совсем молодой человек. Чудеса он творит будто бы великие: исцеляет, предсказывает. Евреи из России и других стран устраивают к нему паломничества и чтут его как бога».

Лицо, давшее мне эту справку, рекомендовало мне за дальнейшими подробностями по этому вопросу обратиться к

одному православному духовному лицу, живущему невдалеке от вышеуказанной местности[1]. Несмотря на живейший интерес, возбужденный во мне этим сообщением, я этого не сделал по той причине, что знал о перлюстрации русских писем на австрийской почте и боялся подвести то лицо под преследование власть имущих; но я был уверен, что рано или поздно, а мне доведется тем или другим путем получить нужные сведения для определения значения того садагурского раввина, которого уже и теперь евреи «чтут, как бога».

Не он ли кандидат в мессии, ожиданием которого, почти уже не скрываясь теперь от христианского мира, преисполнен рассеянный по всему миру Израиль? Не он ли тот антихрист, явления которого в близком будущем ждет все, что еще осталось в христианстве не отступившего от веры и преданий своих отцов, что не мудрствует лукаво, что не погрязло в схоластике ложного лютеранствующего богословствования и что живет и дышит живою верою в Господа Иисуса Христа распятого и близ грядущего для Страшного Суда и воздаяния?

Не он ли?..

Уверенность моя меня не обманула: справку о садагурском раввине я получил 25 сентября 1911 года, а пять месяцев спустя, под мартом 1912 года, я уже записывал в своей записной книжке дословно следующее:

«Просматривая «Домашнюю беседу»[2] за 1865 год, я в выпуске 39-м от 25 сентября[3] нашел такую статью:

ЖИДОВСКИЙ ВИФЛЕЕМ

Сада-гора ничего более, как небольшой еврейский городок, находящийся в Буковине, в недальнем расстоянии от Черновиц. Там встречаются только кафтаны, длинные пейсы и разгоряченные водкою лица. Несмотря на это, грязный городишко имеет для евреев притягательную силу, заключающуюся в семействе жида Изрольки, из племени которого, по мнению евреев, должен родиться их ложный мессия. Семейство Изрольки скопило в продолжение столетия несколько миллионов. Сада-гора сделался в настоящее время местом поклонения польских, русских, галицийских, молдавских и валахских евреев. Они вменяют себе в непременную обязанность посетить хоть раз в жизни родоначальника этого семейства и одарить его. Самый скаредный скупец открывает в своей мошне золотую монету и жертвует ее глубоко укоренившемуся суеверию.

---

[1] Священнику о. Дионисию Кисель-Киселевскому. Этот иерей Божий в августе 1914 года по доносу евреев был расстрелян австрийцами.

[2] Еженедельный журнал, издававшийся В. И. Аскоченским с конца 50-х и кончая 1877 годом прошлого столетия.

[3] Замечательное совпадение чисел одного и того же месяца сентября на расстоянии 46 лет — 25-е, день празднования Преп. Сергия Радонежского, моего Ангела, в чьей обители ныне печатается эта книга моя.

Сада-гора был прежде уединенный, ничтожный еврейский городишко, принадлежавший какому-то дворянину, озабоченному улучшением своих финансов и умножением доходов со своих винокуренных заводов. С тех пор, как в 1825 году глава семейства Изрольки поселился в Сада-горе, дворянин разбогател, а посреди полуразвалившихся домов торговцев и ростовщиков воздвигся дворец, окруженный небольшим числом изящных домов, в которых живут зятья и дочери Изрольки; в них собрано все, что роскошь и великолепие могли придумать лучшего. Во дворце находится серебряная комната, в которой расставлены всевозможные сосуды старых и новых фасонов, оцененные в несколько сот тысяч рублей. Жилые комнаты украшены великолепными турецкими коврами и тяжелыми шелковыми занавесами. Все эти роскошные вещи — приношения набожных евреев. В конце большого парка находятся прекрасно устроенные оранжереи. Эти изобретения самой утонченной роскоши составляют посреди грязных лачужек Сада-горы что-то похожее на волшебный замок. А владелец этих богатств, в руках которого сосредоточено столько сокровищ, и одно лицезрение которого составляет для суеверных евреев великое счастье, покупаемое богатыми денежными приношениями, ничего более, как олицетворенное тупоумие.

Ребихе-Изрольке,— так называется этот человек,— совершенный идиот. Под его седыми волосами не живет мыслящий разум, в груди его нет никакого чувства; ходит он не иначе, как опираясь на проводника, не из слабости, а из животной бессознательности. Разговор его состоит из несвязных звуков, понятных одному его семейству и секретарю. Когда он показывается на улице,— что бывает, обыкновенно, известно за несколько часов,— все окошки, все двери, улицы и площади наполняются людьми, которые лезут часто на деревья, на крыши, дерутся, давят друг друга, чтобы видеть своего идола. У Ребихе-Изрольки есть жена, дочери и сыновья. Дочери его выходят замуж почти детьми. Каждому из его зятьев, которые выбираются, обыкновенно, между самыми богатыми людьми, вменяется в обязанность поселиться на Сада-горе и построить себе дом поблизости отцовского дворца. Дочери его ходят дома в бархате и шелку. Ежедневные кафтаны его сыновей и зятьев шьются из самых дорогих материй. У маленьких детей есть няньки: француженки, англичанки, немки и, сверх того, гувернеры и гувернантки, как у каких-нибудь принцев. Множество секретарей ведут «дела» дома, состоящие большею частью из приема денежных приношений и других даров. Перед обедом Ребихе-Изролька назначает аудиенции, т. е. принимает в присутствии своего секретаря некоторых поклонников. Не произнося сам ни звука, он дозволяет им посмотреть на себя и принимает обычное приношение, состоящее уж никак не менее, как из десяти австрийских гульденов. Иногда Ребихе-Изролька катается. Прежде за его каретой следовала другая карета с музыкантами, которые во время его катания игра-

ли лучшие пьесы, но в настоящее время это уже не делается, вероятно, по настоянию правительства».

Такова статья «Домашней беседы» от 25 сентября 1865 года.

Но о Сада-горском раввине-чудотворце тем дело еще не кончилось. В марте 1914 года мне впервые пришлось познакомиться в Петрограде с одним дальним родственником, который на мой вопрос: «где жил?» ответил:

— В Австрийской Буковине, в Черновицах.

Я даже вскрикнул от изумления и неожиданности.

— Что с вами? — спросил он удивленно,— что вас так поразило?

— А Сада-гору,— воскликнул я,— знаете?

— Конечно, знаю,— ответил он, —Сада-гора весь был мне виден как на ладони с террасы моего черновицкого дома. Но что вас в нем так заинтересовало? уж не Сада-горский ли вундер[1]-раввин?.. Да, там действительно живет этот еврейский чудотворец. И, представьте, вера евреев в него так сильна, что они на него смотрят, как на какого-то бога... Я этого раввина — фамилия его Фридман, родом из Ружины — знал лично и даже раз был приглашен к нему на обед, что почитается из ряда вон выходящею честью.

Фридман — «человек мира»! И имя-то какое, подумалось мне, подходящее для того, кто, как антихрист, попытается на первых порах дать мир всему миру!

— А каких он лет? — спрашиваю.

— Я уехал из Черновиц в 1904 году... Тогда ему лет шестьдесят было.

— Не тот![2] — вырвалось у меня невольно.

— Как не тот? — с живостью возразил мне мой собеседник.— Совершенно тот! — вундер-раввин, который почему-то так вас интересует.

— А сын,— спрашиваю,— у него есть?

— Есть, и он такой же, как отец, чудотворец и так же боготворим жидами. Ведь в роду этих Фридманов вундер-раввинство переходит преемственно от отца к сыну по наследству.

— А сыну сколько лет?

— В 1904 году ему было девятнадцать.

Девятнадцать в 1904 году, стало быть, 30 лет ему исполнится в 1915 году.

Не «он» ли? не в 1915 ли году предстоит ему явиться, если только Фридман из Сада-горы действительно «он»? Явление «его» будет, по свидетельству Св. Отцов, подобно явлению Спасителя, исшедшего на проповедь «лет тридцати» (Лук. III, 23). «Лет тридцати» может означать: от тридцати лет и моложе и старше несколькими годами, вернее,— старше, т. е. между трид-

---

[1] Чудо.

[2] Антихристу, по преданию Св. Отцов, будет около 30 лет, когда он явится миру.

цатью и тридцатью пятью годами. Если так и Фридман — «он» то 1915 год и к нему ближайшие годы должны стать роковыми для человечества.

Так подумалось мне и подумалось не бестрепетно.

От собеседника своего большего я не добился: для него Сада-горский раввин был только свидетельством еврейского суеверия, данью невежеству темной и фанатичной еврейской черни. Впрочем, от него я узнал и еще одну подробность, касающуюся этих наследственных «чудотворцев», это то, что жен своих они должны брать только из одного определенного еврейского рода и что род этот живет у нас в России, где-то на Волыни. Итак, 1915 год — год совершеннолетия, по еврейскому закону, «человека мира» из Сада-горы, что близ Черновиц в Австрийской Буковине.

Каково же было удивление мое, когда, разбирая свои записи, я под декабрем 1912 года нашел в них следующую заметку: «25 декабря 1912 года в «Новом времени» была помещена статья Меньшикова «Что непонятно детям», и в ней дословно было напечатано следующее:

«Политика начинает быть страшней рождественской сказки. Даже «Русский инвалид», знаменитый ролью фигового листа, скрывающего от общества все военные опасности,— даже он угрожает неизбежной войной. Правда, война предстоит через два года и не у нас, а между Англией и Германией, но, как справедливо намекает газета, война с Англией у немцев означает нынче не одну Англию.

Какие же доказательства того, что англо-германская, а стало быть, и всесветная бойня поднимется в 1915 году?[1] — спрашивает Меньшиков и отвечает,— их очень много. Все сроки вооружений у держав тройственного союза вполне определенно подгоняются теперь к 1915 году,— говорит наша военная газета. Особенно это касается военно-морских вооружений, сроки которых сокращены. Один из самых серьезных специально военных журналов Англии «Naval and Military Record» категорически высказал, что «кризис в нашей истории наступит в 1915 году». «Такое,— говорит «Русский инвалид»,— решительное и прямолинейное заявление вообще мало подходит к тону всегда осторожного и чересчур сдержанного журнала и для того, чтобы побудить его к откровенности, должна была быть вполне основательная причина... «Времени остается мало,— с жаром говорит названная военно-морская газета,— очень мало... Медлить нельзя, ибо надвигается кризис истории, который ясный английский ум высчитал с точностью астрономического феномена».

Статья Меньшикова кончается словами: «Итак, 1915 год».

«Он» или не «он» будет Фридман из Сада-горы[2], будет ли

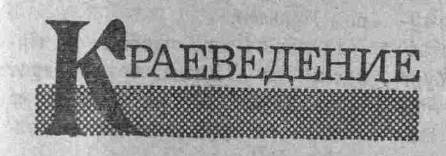
[1] Она, как известно, началась на полгода раньше.

[2] Городок этот теперь, говорят, совершенно разрушен действием нашей артиллерии при взятии Черновиц, разрушен и дворец «вундер-

им лжехристос от теософов или еще кто из той же масоно-еврейской шайки,— все это неважно, как неважен для бодрствующего христианина и срок, указанный для «кризиса истории» «ясным английским умом» и г. Меньшиковым: когда наступит одному Богу в точности известный час и мы доживем до него, тогда только мы будет знать точно и личность антихриста, и число имени его, и определенные ему и миру сроки. До тех же пор для нашего христианского внимания и наблюдения неизмеримо важно одно, это — разумение смысла и значения переживаемого момента жизни Вселенской Христовой Церкви, важно, что — «близ есть, при дверех». Побелели нивы — близится жатва. Времена исполняются.

(Продолжение следует)

раввина». Не сбежал ли он в Египет, чтобы подделаться под Писание — «Из Египта воззвал Я Сына Моего?» (Осия XI, I).

ИРКУТСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

(ЛЕТОПИСИ П. И. ПЕЖЕМСКОГО и В. А. КРОТОВА)*

20 сентября Ириней, архиепископ Иркутский, сам приводил на гауптвахту чиновника Голубева, служащего у генерал-губернатора по особым поручениям. Это случилось таким образом: по получении указа о увольнении его преосвященства от Иркутской епархии по расстройству его умственных способностей и определении ему места пребывания — Спасоприлуцкий монастырь Вологодской епархии, — был назначен для сопровождения его до вышеозначенного монастыря чиновник особых поручений генерал-губернатора Лавинского Голубев, который в 10 часу утра в воскресенье явился к его преосвященству рекомендоваться, что он назначен генерал-губернатором Лавинским к нему в спутники, но преосвященный Ириней имел характер слишком горячий и доходивший иногда до безрассудства, и изволил лично сам того чиновника Голубева привести за руку на главную гауптвахту и требовать непременно коменданта города Иркутска, генерал-майора Астафия Харитоновича Покровского, а сам стал среди фронта солдат и произносил речи к солдатам и народу, собравшемуся на площади прямо у гаупвахты, не совсем приличные и неуместные, бывши в чрезвычайном азарте и горячности, а потому принужден был приехать на гауптвахту сам генерал-губернатор Александр Степанович Лавинский; просил и уговаривал его преосвященство обратиться в свои кельи или к нему в дом, но он ни на что не соглашался, а требовал к себе коменданта, что и продолжалось более часа, а между тем площадь против гауптвахты неподалеку от базара скоро наполнилась народом всех сословий. По прибытии на гауптвахту коменданта Покровского преосвященный немедленно согласился с ним обратиться в свои кельи. За ним последовали генерал-губернатор Лавинский и все

* Продолжение. Начало см.: «Сибирь», 1991, № 1—3.

собравшиеся тут чиновники. Об том происшествии у генерал-губернатора Лавинского был составлен акт и послана в С.-Петербург эстафета немедленно, вследствие чего на 21 ноября прибыли в Иркутск за преосвященным Иринеем флигель-адъютант, гвардии подполковник Гоголь 1-й, и корпуса жандармов подполковник Брянчанинов, и фельд-егерь Ситников с Высочайшим рескриптом генерал-губернатору Лавинскому и с письмом от митрополита Серафима к преосвященному Иринею.

10 октября р. Иркут покрылась льдом.

11 октября в Иркутске пожар истребил дом купца Андрея Мичурина со всем находящимся в нем строением до основания. Дом этот находился на берегу реки Ангары, в приходе Покровской церкви.

6 ноября преосвященный Мелетий, архиепископ Иркутский, прибыл в Вознесенский монастырь, а 8 числа поутру прибыл в г. Иркутск при звоне колоколов в Владимирскую церковь, в которой облачился в архиерейские одежды и шествовал торжественно в Богоявленский собор, где совершал молебствие по случаю крещения Великого Князя Николая Александровича, потом совершал литургию и молебен по случаю тезоименитства Великого Князя Михаила Павловича, и был вседневный звон. Преосвященный Мелетий угощаем был обеденным столом в его квартире, в доме князя Голицына, недалеко от собора, потому что архиерейский дом был еще занят архиепископом Иринеем.

18 ноября прибыл в Иркутск из Пекина архимандрит Петр Каменский; он выехал из Пекина 18 июля, приехал в Кяхту 3 сентября.

26 ноября преосвященный архиепископ Ириней выехал из Иркутска в Вологодский Спасо-прилуцкий монастырь в сопровождении приехавших за ним жандармского подполковника Брянчанинова, фельдъегеря Дмитрия Ивановича Ситникова, а флигель-адъютант Гоголь остался еще в Иркутске для обревизования военных команд.

1 декабря преосвященный архиепископ Мелетий перешел с квартиры в архиерейский дом.

22 декабря р. Ангара против города покрылась льдом.

В декабре месяце в Иркутске были выборы в общественные службы на следующее трехлетие: избран градским главою Ефим Андреев Кузнецов.

1832 г. 26 января из Иркутска уехал в Россию действительный статский советник барон Шиллинг.

28 января архиепископ Мелетий определил в Селенгинский Троицкий монастырь игуменом иеромонаха Израиля.

11 марта в Иркутск приехал из С.-Петербурга определенный в Якутск областным начальником капитан 2 ранга Василий Иванович Щербачев, в чине коллежского асессора.

22 марта река Ангара про-

тив города раскрылась от льда, быв покрытою оным 91 день.

29 марта скончался правитель РАК Иркутский купец Василий Прокопьевич Кузнецов, 64 лет.

10 января Иркутский губернатор Цейдлер уехал в Киренск, возвратился обратно в Иркутск 22 числа того же января.

9 февраля главное правление Восточной Сибири перешло во вновь построенный деревянный дом на Заморской улице.

20 апреля начата разломка старой деревянной крыши на Прокопьевской церкви для нового покрытия железом усердием Иркутского купца Петра Николаевича Саломатова.

31 марта удар землетрясения.

4 апреля р. Иркут вскрылась от льда.

26 апреля скончался Иркутский купец Яков Петрович Солдатов.

23 августа скончался Иркутский мещанин юродивый Андрей Родионович Чупалов, по фамилии Бебякин.

В сентябре в Иркутске отправлялось церковное торжество с молебствием о новопросвященном угоднике Митрофане Воронежском.

1833 г. Сего года начата народная восьмая перепись и кончена в 1834 г.

Генерал-губернатор Александр Степанович Лавинский сего 1833 года всемилостивейше уволен от должности генерал-губернатора Восточной Сибири, и повелено ему присутствовать в Сенате. Он имел ордена: Александра Невского, Св. Владимира 2 ст., Св. Анны 1 ст., впоследствии пожалован в действительные тайные советники и членом Государственного Совета, скончался в С.-Петербурге в исходе июля 1844 года.

9 августа ночью в Иркутске пожар, истребивший биржевое зало, бывшее на каменном гостином дворе и тоже каменное.

6 декабря вместо Лавинского определен генерал-губернатором Восточной Сибири генерал-лейтенант и разных орденов кавалер Николай Семенович Сулима.

1834 г. 28 сентября генерал-губернатор Сулима переведен в Тобольск генерал-губернатором Западной Сибири, вместо него тогда же определен генерал-майор начальник штаба сибирского корпуса Восточной Сибири Семен Богданович Броневский и командующим войсками, в оной расположенными. 6 декабря 1835 года всемилостивейше награжден чином генерал-лейтенанта и утвержден в настоящей должности; он был в Иркутске до 1837 года.

1835 г. 1 января поступили вновь избранные на трехлетие в общественные службы: градским главою вместо Ефима Андреевича Кузнецова вновь избранный Никанор Петрович Трапезников, в городовой суд вместо Сидора Андреевича Шелехова судьею — Яков Петрович Донской.

2 января р. Ангара против

города покрылась льдом при 20° холода и при посредственном возвышении воды.

7 января в 4м часу пополудни прибыл в Иркутск генерал-губернатор Восточной Сибири Семен Богданович Броневский с семейством.

В январе месяце прибыли в Иркутск его Величества короля Шведского привилегированная труппа г-на Франца Радо отличного искусства верховой езды, с хорошими дрессированными лошадьми; давали представления на сырной неделе в выстроенном балагане на Спасской площади, против гостиного двора.

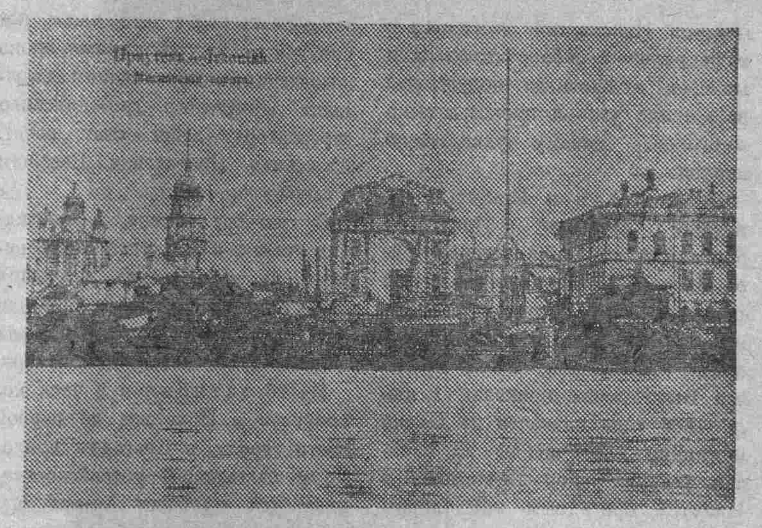
17 февраля в 5½ часов пополудни по первой части города, на берегу реки Ангары загорелся большой деревянный флигель подле каменной казенной аптеки, занимаемый присутствием врачебной управы; немедленно явилась полиция с пожарными инструментами, тот же час прибыл и сам генерал-губернатор Броневский и гражданский комендант Покровский. Пламя так усилилось, что с трудом могли спасти близ него стоящие строения, хотя в полуночи пожар и потушен был; но 18 числа утром на самом рассвете вновь разгорелся, и пламя снова усилилось, и флигель сгорел до основания; причины пожара неизвестны.

7 апреля. В Иркутске всю неделю праздника Св. Пасхи каждодневно на Спасской площади в балагане труппа г-на Франца Радо давала представления на лошадях верховой езды, после Пасхи — по два воскресенья, и в заключение спустил воздушный шар, который подымался довольно высоко. По окончании своих представлений г-н Радо со своею компаниею уехал из Иркутска по тракту в Россию.

24 апреля по второй части города Иркутска прямо казачьей полковой была расколотка места для церкви архитектором Андреем Васильевичем Васильевым, созидаемой Иркутским первой гильдии купцом Прокопьем Федоровичем Медведниковым, и 25 мая начали копать рвы для фундамента.

В последних числах мая в Иркутске бывшую на купецком гостином дворе верхнюю биржевую залу, сгоревшую в 1833 году, 9 августа, вовсе уничтожили и покрыли под одну крышу с гостиным двором.

27 мая в Иркутске на площади прямо главной гауптвахты происходило торжественное освящение новых полковых знамен, присланных на перемену старых, от времени пришедших в ветхость, в баталионы 13 и 14, освящение совершал архимандрит Никодим с духовенством в присутствии генерал-губернатора Броневского, бригадного командира Адамовича, коменданта Покровского, гражданского губернатора Цейдлера, всех военных и гражданских чинов и в строю стоявших тут солдат; при этом празднике крестьянин Василий Анкудинов Яковлев пожертвовал на каждого солдата, бывшего в строю, по одному рублю асс., а градский глава Никанор Петрович Трапезников с общест-

вом в саду угощал обеденным столом всех: генералитет, чиновников и солдат; вечером в саду было освещение, гулянье и танцевальный бал.

1 июня в Иркутске получен с почтою в духовную консисторию указ Святейшего Синода, 3 числа того же июня членом консистории Павлом Колодезниковым объявлен бывшему кафедральному протоиерею Никифору Парнякову, которому запрещено еще прежде только одно священнослужение на один год, но сим новым указом запрещается ему рукоблагословение, ношение рясы и имевшихся у него Монарших наград: наперсного креста, бронзового креста за 1812 год и камилавки, и все сии отличия у него отобраны для хранения в консистории, и он низведен в дьяческую должность вместо одного на три года.

2 июня, в 7 часов 25 минут по полуночи в Иркутске было землетрясение: два удара один за другим вскоре, вреда никакого не причинило.

8 июня в Иркутске получил с почтою преосвященный Мелетий, архиепископ Иркутский, знаки к ордену Св. Анны 1 степ., Императорской короной украшенные; пожалованы 21 апреля.

25 июля в Иркутске вновь выстроенный каменный храм на общем кладбище, иждивением Иркутских доброхотных деятелей, освящен во имя входа во Иерусалим Господа нашего Иисуса Христа ректором Иркутской семинарии архимандритом Никодимом с прочим духовенством, а из кафедрального собора на освещение нового храма был крестный ход.

1 августа в Иркутске с почтою получен из Святейшего Синода указ о переводе Иркутского архиепископа Мелетия в Харьковскую епархию, а на место его назначен той же епархии

епископ Иннокентий. 2 числа в кафедральном соборе отправляли молебен и прочитан полученный из Синода указ и провозглашено многолетие новому архипастырю церкви.

16 августа в Иркутске получено сведение: Иркутский бригадный командир генерал-майор Василий Богданович уволен по прошению его в отставку с ношением мундира и полным окладом жалования, а на место его Высочайшим приказом 1 июля 1835 года назначен из Омска командир 2-й бригады 23 дивизии генерал-майор Безносиков в Иркутск бригадным командиром 4 бригады 23 дивизии.

18 августа в $3^1/_2$ часа пополудни из Иркутска выехал бывший архиепископ Иркутский Мелетий к месту своего назначения — на епархию Харьковскую; сопровождаем был из города колокольным звоном по всем церквам. Он управлял Иркутскою епархиею с 1831 года с августа месяца и по 1835 год, 22 июля, всего 3 года и 10 месяцев.

23 августа в Иркутске получено сведенье, что Иркутский гражданский губернатор действ. стат. совет. Иван Богданович Цейдлер по прошению его, за расстроенным здоровьем, 29 июня 1835 года всемилостливейше уволен от сей должности с причислением к Министру внутренних дел; а на место его того же числа повелено быть в должности Иркутского гражданского губернатора Архангельскому вице-губернатору дейст.статскому советнику Евсевьеву.

25 сентября в 5 часов пополудни в Иркутск прибыл вновь назначенный исправляющим должность Иркутского гражданского губернатора дейст. стат. совет. Александр Николаевич Евсевьев с семейством.

В сентябре месяце, в последних числах, в Иркутске стала видима на небе звезда, имеющая вверх светящийся хвост, что означает Галилееву комету, и была видима далее половины октября.

На 26 октября в 3 часа пополуночи в Иркутске, по первой части города, в Спасском приходе у пакгаузного российско-американской компании Антона Федоровича Климова был пожар; сгорели флигель, большой сарай, все службы; пламя усилилось так, что едва могли спасти дом; причина пожара неизвестна.

1 ноября в Иркутске получено с почтой сведенье, что Высочайшим приказом 10 сентября 1835 года произведен за отличие по службе из полковников в генерал-майоры С.-Петербургский плац-майор лейб-гвардии Измайловского полка Болдырев 1-й с назначением комендантом в город Иркутск, с состоянием по армии.

13 ноября к вечеру прибыл в Иркутск бригадный командир генерал-майор Безносиков.

14 ноября в 12 часу пополудни в Иркутск прибыл его преосвященство Иннокентий, Епископ Иркутский. Прибытие его в город состоялось нижеследующим порядком. 12 числа к вечеру его преосвященство прибыл в Вознесенский монастырь, отстоящий от города в пяти верстах, и

встречен был настоятелем того монастыря архимандритом Никодимом с братиею и градским главою Трапезниковым, с почетными гражданами; преосвященный изволил в монастыре остановиться для отдыха от дороги. 14 числа в 12 часу пополудни прибыл в город Иркутск и встречен у Триумфальных ворот на перевозе чиновниками и гражданами при стечении множества народа всех сословий и при колокольном звоне всех церквей города. При выходе из перевозного карбаса его преосвященство был принят благочинным протоиереем Василием Шастиным и членом консистории священником Павлом Колодезьниковым и провожен ими до приготовленной для него у Триумфальных ворот кареты, в коей и прибыл он к собору. При входе в кафедральный Богоявленский собор встречен архимандритом Вознесенского монастыря Никодимом и кафедральным протоиереем Фортунатом Петуховым с прочим духовенством. По входе в церковь, близ самых дверей, произнесена приветственная речь архимандритом Никодимом, потом служили молебствие и возглашено многолетие, во время коего преосвященный Иннокентий прикладывался к святым иконам и входил в алтарь. По окончании всего из собора следовал по ограде в архиерейский дом и на крыльце оного принят градским главой Никанором Петровичем Трапезниковым с гласными и гражданами. От лица всего общества в кельях преосвященного приготовлен обеденный стол; приглашены были генерал-губернатор, гражданский губернатор, комендант и прочие чиновники; по окончании обеденного стола, преосвященный поблагодарил за угощение и изволил отправиться в свои покои, а гости все разъехались по своим домам. 15 числа поутру представлялось градское духовенство от всех церквей и подносили хлеб-соль, которую принял очень благосклонно.

20 ноября в день восшествия на Всероссийский престол Государя Императора Николая Павловича совершал в кафедральном соборе первую литургию в Иркутске.

6 декабря в 5 часов пополудни из Иркутска выехал в С.-Петербург к месту своего назначения бывший Иркутский гражданский губернатор Иван Богданович Цейдлер с семейством.

24 марта р. Ангара против города вскрылась от льда, быв покрытою 81 день.

7 апреля, в день Святыя Паехи, в Иркутске во время ранней литургии шел изрядный дождь и продолжался около часа.

26 декабря бывший Иркутский комендант Астафий Харитонович Покровский Высочайшим приказом 1 ноября 1836 года уволен от службы с мундиром и пенсионом.

1836 г. 5 января в Иркутске известили почтеннейшую публику, что прибыл из Голландии Маркирреда Дюкенуа, остановился в доме Чупалова, будет показывать римско-восковую галерею, состоящую из групп и фигур в

натуральном виде, с 10 часов утра и до 10 часов вечера, во всякое время.

На 8 января в 4 часа утра в Иркутске чувствуемо было землетрясение и несколько слышен был шум.

На 10 января ночью прямо города р. Ангара покрылась льдом при 15 градусах холода и при малом возвышении воды, и даже в самых низких местах берега нигде вода не заливалась.

16 января в Иркутске получено с почтою известие, что исполняющий должность генерал-губернатора генерал-майор Броневский 6 декабря 1835 года произведен в генерал-лейтенанты и утвержден в звании генерал-губернатора Восточной Сибири и командующим войсками, в оной расположенными.

20 февраля в Иркутске получено сведенье, что назначенный в Иркутск комендант генерал-майор Болдырев 1-й и не прибывший еще к месту своего назначения в Иркутск по домашним обстоятельствам, уволен от службы с мундиром и пенсионом $1/3$ оклада 11 января 1836 года; а на место его комендантом в г. Иркутск назначен комендант Балтийского порта, состоящий по армии генерал-майор Красавин.

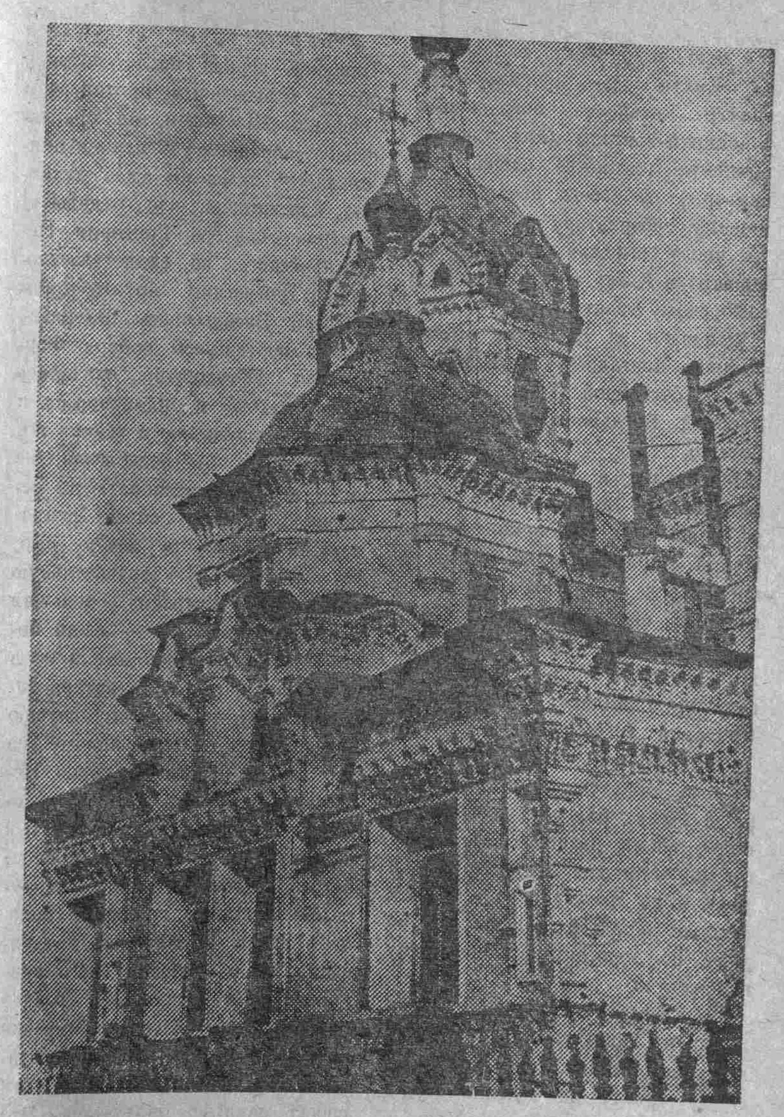
30 марта р. Ангара против города начала разламываться, а 31 числа почти совсем раскрылась ото льда, быв покрытой 80 дней.

24 апреля в Иркутске после поздней обедни из собора был крестный ход со святыми иконами и с колокольным звоном на постройку начатой Медведниковым новой церкви; из собора следовали с иконами архимандрит Никодим с соборным духовенством. На место постройки прибыл в карете преосвященный Иннокентий епископ Иркутский и слушал молебствие, которое отправлял архимандрит Никодим. Преосвященный по окончании молебна изволил сам окропить святой водой фундамент, оконченный уже работой в прошедшем лете, и положил первый кирпич в основание святого храма; крестный ход обратился обыкновенным порядком в собор, а преосвященный Иннокентий изволил посетить создателя святого храма, почетного гражданина Иркутского первой гильдии купца Прокопия Федоровича Медведникова, и по приглащению хозяина преосвященный остался кушать.

1 мая в Иркутске по получении Манифеста о смерти Великой Княжны Анны Михайловны, скончавшейся 10 марта 1836 года на второе лето своей жизни (погребена в соборной церкви св. апостола Петра и Павла в С.-Петербургской крепости) отправлена панихида в кафедральном соборе преосвященным Иннокентием с градским духовенством.

С 9 на 10 мая в 2 часа пополуночи по первой части города Иркутска, по Луговой улице, в доме казачьего офицера вдовы Нарициной сгорел сарай; едва могли отстоять и самый дом.

2 июня из Иркутска выехал в Россию бывший Иркутский комендант генерал-майор Астафий Харитонович Покровский.

Чудотворская церковь. XVIII век

4 июня в Иркутск прибыли из Кяхты по кругоморскому тракту китайские пограничные чиновники-монголы (или так называемые китайские башки, или курьеры) от своего начальства к нашему губернатору с бумагами, 13 числа выехали из Иркутска обратно в Кяхту по тому же кругоморскому тракту.

9 июня из Иркутска выехал бывший бригадный командир, а ныне отставной генерал-майор Василий Богданович Адамович в Россию.

14 июня в Иркутске в кафедральном Богоявленском соборе священник Троицкой церкви Иоанн Карамзин рукоположен в протоиерея преосвященным Иннокентием, епископом Иркутским.

19 июня в 7 часов пополудни в Иркутск прибыл новый Иркутский комендант, генерал-майор Красавин с семейством.

В первых числах августа в Иркутске в реках Ангара и Иркут большое возвышение воды, много разнесло на берегу стоящих дров и на устье речки леса, а на Иркуте сено в копнах и даже зародами разливалось по лугу, по дороге к Вознесенскому монастырю.

14 августа в 3 часа пополудни из Иркутска выехал преосвященный Иннокентий по Якутскому тракту до селения Куды, а оттуда поворотил на Урик и следовал вниз по Ангарской дороге для обзора по своей епархии.

23 августа в Иркутске в Троицкой церкви после поздней обедни благочинным протоиереем Василием Шастиным, по приглашению собранных той церкви прихожан, объявлен им указ духовной консистории, что отдельная каменная церковь Григория Неокесарийского, по свидетельствованию губернским архитектором Андреем Васильевичем Васильевым и протоиереем собора Фортунатом Петуховым, оказалась очень ветхою и клонящеюся к скорому разрушению и всякая поправка была бы бесполезна, не иначе как если разобрать до основания, укрепить снова фундамент и переклать новую всю; но как на такую значительную перестройку потребна большая сумма, а прихожане — люди более не очень достаточные и не в состоянии принести на алтарь такую жертву, то по этому случаю и предписано благочинному из упомянутой церкви Григория Неокесарийского вынесть всю церковную утварь и раздеть святый престол и оную запереть и запечатать, чтобы нечаянное разрушение не могло причинить большого вреда. В силу сего предписания, по объявлении оного прихожанам, и исполнено: раздет престол самим благочинным, и вся церковная утварь заперта и благочинным протоиереем Шастиным своею печатью запечатана. Это было при старосте той церкви, Иркутском купце Сидоре Андреевиче Шелихове.

(Продолжение следует)

Ц. 40 к.

СИБИРЬ

4 '91

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ

ЧИТАЙТЕ:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ВЕРХОВНОГО РАВИТЕЛЯ КОЛЧАКА

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Индекс 73380